

Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского
Таврическая академия
Философский факультет
Кафедра философии
естественнонаучного профиля

ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ:

**состояние
и перспективы
2018**

*сборник материалов
I научной конференции
24 – 25 мая 2018 г.
Судак*

ИЗДАТЕЛЬСТВО

АНТИКВА

*Симферополь
2018*

УДК 141.201(477.75)
ББК 87.3(2)6(2Рос.Кры)
П 69

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение

О. А. Габриелян
Практическая философия: вызовы современности 7

I Практическая философия: перспективы

Ф. В. Лазарев
Практическая философия в контексте XXI столетия 12

Ю. Л. Мезенцев
Сущность и содержание практической философии 20

О. А. Габриелян, И. Э. Сулейменов
К перспективе практической философии:
к вопросу о новой парадигме науки и образования 23

II Горизонты методологии

М. К. Трифонова
Конвергенция — возврат естествознания
в лоно практической философии? 30

А. И. Креминский
Развитие методологического сознания в сфере
социально-гуманитарных наук (интервальный подход) 34

А. С. Коскова
Историческая наука:
перипетии современной методологии 37

Н. В. Сафонова
Принцип практической невозможности
маловероятных событий
в парадигме постнеклассической рациональности 40

А. Г. Деменев
Утилитаристский принцип полезности
в современной этике и политике 44

В. Н. Николко
О функциональной методологии
в современном научном знании 47

И. А. Исмаилов
К функциональности пространства и времени 48

А. С. Кошкин
Аксиологический подход к толкованию
законодательных актов
как способ решения правовых коллизий 52

Главный редактор: *О. А. Габриелян*, доктор философских наук, профессор

Ответственный редактор: *Н. В. Сафонова*, кандидат философских наук, доцент

Редактор: *Л. И. Зинурова*, кандидат философских наук, доцент

П69 **Практическая философия: состояние и перспективы:** сборник материалов I научной конференции / гл. ред. *О. А. Габриелян*. — Симферополь : ООО «Антиква», 2018. — 190 с.

ISBN 978-5-6041513-2-7

В сборнике представлены статьи и тезисы, подготовленные преподавателями кафедры философии естественнонаучного профиля и аспирантами всех направлений подготовки Крымского федерального университета им. В.И.Вернадского. Они были обсуждены на площадке научной конференции по практической философии. Это первый опыт и относительно новая форма работы с аспирантами, которым читался курс по «Истории и философии науки». По завершении этого курса аспиранты писали философское эссе по выбранной ими теме в рамках направления подготовки или проблемы диссертационного исследования.

УДК 141.201(477.75)
ББК 87.3(2)6(2Рос.Кры)

ISBN 978-5-6041513-2-7

© Коллектив авторов, текст, 2018
© Оформление. ООО «Антиква», 2018

<i>Т. Н. Иванова, М. М. Полинкова</i> Социология риска в контексте анализа феномена терроризма: теоретико-методологические подходы	54
<i>Н. А. Вовк</i> Мировые варианты английского языка в контексте глобализации	58
III Горизонты идеологии	
<i>В. Н. Шульгин</i> К истокам народного духа как основе идеологии России	62
<i>Н. Н. Кузьмин</i> Коллективная память в модерных обществах	69
<i>Н. В. Шульгина</i> Особенности современного российского либерализма	71
<i>И. Л. Грошев, И. А. Грошева</i> Лжепатриотизм — социальный парадокс постмодерна	75
<i>Л. Г. Лебедева</i> Смыслы жизни в преемственности российских поколений	79
<i>А. В. Швецова</i> Демократия, гражданское общество и проблема социальной справедливости	82
<i>И. А. Исак</i> Мифологические основания идеологии насилия Третьего Рейха	85
IV Горизонты экономики	
<i>Е. В. Воронина</i> Экономика как гуманитарная наука	90
<i>А. Н. Михайлов</i> Экономические основы развития гражданского общества в России	93
<i>М. Г. Демина</i> Классика, неклассика и постнеклассика в исследовании систем хозяйствования	96
<i>Л. П. Сидорова, Т. М. Хусьянов</i> Этика бизнес-коммуникации в контексте виртуализации профессиональных контактов	99
<i>Л. Д. Керимова</i> Устойчивое развитие региона: фантом или реальная возможность?	101

<i>И. О. Воронина</i> Экономизация образовательной сферы: феномены глобальной экономической культуры	104
---	-----

V Горизонты образования

<i>Ю. В. Лыхина</i> Практическая философия как философия образования: ретроспектива и перспектива	107
<i>А. В. Милодан</i> Научный мир, научный миф и мы. Специфика и актуальные проблемы популяризации науки в России	109
<i>С. Б. Скоробогатов</i> Моделизм как инструмент патриотического воспитания	113

VI Горизонты виртуализации

<i>И. А. Наухацкий, Н. В. Сафонова</i> Анонимность и открытость в сети Интернет	116
<i>Ю. Е. Пахомова</i> Виртуализация социума как основополагающий принцип киберпанкового романа	119
<i>А. Д. Струнский</i> Право на забвение: правовая природа и тенденции развития	122

VII Горизонты искусственного интеллекта

<i>В. В. Буряк</i> Роль искусственного интеллекта в контексте формирования цифровой экономики	126
<i>Я. П. Быканова, Т. В. Андриянова</i> Трансгуманизм — мировоззрение XXI века или цивилизационная угроза человечеству?	129
<i>С. Ф. Риштаков</i> Философско-этические аспекты применения интерфейса «мозг-компьютер»	132
<i>А. С. Тютюник</i> Образ киберчеловека в современной науке и культуре	135
<i>Ю. А. Сиваченко</i> Сознание vs искусственный интеллект: перспектива человеко-машинных отношений	139
<i>Д. С. Загутин</i> Философский взгляд на перспективы развития системы отношения человек-машина	142

<i>О. О. Пернацкая</i> Влияние искусственного интеллекта на потребление продукции средств массовой информации	146
---	-----

VIII Горизонты медицины

<i>О. Н. Рыбалко</i> Биоэтические вопросы эвтаназии в современной медицине	149
<i>В. М. Киселев</i> Врачебная тайна сегодня — миф или реальность?	151
<i>Ю. Ю. Гавриченко</i> Биоэтические аспекты использования животных в медицинских экспериментах	155

IX Горизонты культуры

<i>С. А. Величко</i> Деструктивные явления в современной западной культуре: некоторые из причин их развития	159
<i>А. Ю. Ющенко</i> Кризис или развитие культуры?	162
<i>А. Ю. Микитинец</i> Философские основания осмысления феномена «современного искусства»	165
<i>О. И. Микитинец</i> Пространство и время как базовые концепты текстуальной онтологии	168
<i>В. В. Маркелова</i> О социокультурных перспективах урбанистики	171
<i>И. А. Чехова-Нуврыева</i> Записки путешественников о Крыме как явление русской культуры конца XVIII — начала XIX веков	174
<i>Д. Э. Сейдалиева</i> Археологическая наука в свете современных норм охраны культурного наследия и кодекс российского археолога	177
<i>А. С. Намойлик</i> Граффити и граффити: античность и современность	180
<i>О. А. Денисенко</i> Философские предпосылки становления европейской психологической традиции	183
<i>М. Чжан</i> Применение теории «Инь — Ян» и «Пяти элементов» в культуре и науке в современном Китае (взгляд изнутри)	187

ВВЕДЕНИЕ

УДК 101

Практическая философия: состояние и перспективы

Practical philosophy: status and prospects

Габриелян О. А., доктор философских наук,
профессор кафедры философии естественнонаучного
профиля философского факультета Таврической академии
Крымского федерального университета
им. В. И. Вернадского
Gabrielyan O. A., Doctor of Philosophical Sciences,
Full Professor of the Department of Philosophy
of a Natural-science Profile, Taurida Academy,
Crimean Federal V. I. Vernadskiy University

Аннотация. В статье рассматривается потенциал развития классической практической философии. Новые вызовы, вставшие перед человеком и человечеством, требуют своего осмысления как на экзистенциальном, так и на философском уровне. Широта и глубина этих вызовов включают огромное количество проблем, решение которых возможно в процессе рефлексии в дискурсе практической философии.

Abstract. The article considers the potential of the development of classical practical philosophy. The new challenges facing man and humankind require their understanding both on the existential and philosophical level. The breadth and depth of these challenges include a huge number of problems, the solution of which is possible in the process of reflection in the discourse of practical philosophy.

Ключевые слова: практическая философия, добродетель, мудрость, современные проблемы.

Key words: practical philosophy, goodness, wisdom, modern problems.

Практическая философия — это философия, имеющая целью воздействовать на людей силой мысли через средство слова, убеждения — в процессе живого общения. В наше время люди теряют смысл своего существования, их сознание становится клиповым, мозаичным, не способным к рефлексии и построению цельной картины мира и своего места в нем.

К. Маркс в «Тезисах о Фейербахе» написал, что философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его. Сегодня совершенно очевидно, что стоит задача более фундаментальная. Она заключается в том, как жить (то есть действовать) в этом быстроменяющемся мире, в котором исчезает время для их осмысления. Быстрая смена событий — кинематограф жизни — не оставляет времени на сознательную деятельность, на осмысление собственной жизни.

Классическая практическая философия связана с именем И. Канта. Отталкиваясь от способностей человеческой души: познания, удовольствия и желания, он постарался найти соответствующие им априорные формы. Отсюда и его великие *Критики* — «Критика чистого Разума», «Критика способности суждения» и «Критика практического разума». В письме к Рейнгольду в декабре 1787 г. он писал: «Не рискуя быть обвиненным в самомнении, я смею все же утверждать, что чем дальше я продвигаюсь по своему пути, тем меньше меня заботит, что возражения или же согласие (это теперь бывает не слишком редко) смогут когда-либо причинить моей системе значительный ущерб. Эта

внутренняя уверенность возникла во мне благодаря тому, что при дальнейшем переходе к другим задачам я нахожу эту систему не только верной, но также, когда я не знаю, как найти правильный метод для исследования какого-нибудь определенного предмета, я осмеливаюсь оглянуться назад, чтобы получить выводы, которых не ожидал, только после общего обзора элементов познания и относящихся к ним способностей души. Так, сейчас я занят «Критикой вкуса», которая позволяет открыть новый вид принципов а priori, отличающийся от известных до сих пор. Потому что душа обладает тремя способностями: способностью познания, чувствами удовольствия и неудовольствия, а также способностью желания. Для первой я нашел принципы *a priori* в «Критике чистого (теоретического)», для третьей — в «Критике практического разума». Искал я их также и для второй, хотя я прежде считал невозможным найти подобные принципы, однако система, которая позволила мне открыть в человеческой душе расчленение рассмотренных ранее способностей, и для восхищения, и для всевозможных исследований, предоставит мне достаточно материала, которого хватит на остаток моей жизни. Это привело меня к тому, что мне теперь известны три части философии, каждая из которых имеет свои принципы *a priori*, которые можно перечислить и с уверенностью определить объем возможного таким образом познания — теоретическая философия, телеология и практическая философия...» [1, с. 523—524].

Отмеченные *Критики* составляют ядро, суть философии И. Канта, для которого именно человек и его пребывание в мире — бытие, главный, основной вопрос философии. «Все успехи в культуре, которые служат школой для человека, имеют своей целью применять к жизни приобретенные знания и навыки. Но самый главный предмет в мире, к которому эти познания могут быть применены, — это человек, ибо он для себя своя последняя цель» [2, с. 349].

Но, что может дать философия человеку? По И. Канту, это понимание смысла жизни и способности человека активно участвовать в ней. «Выражения знать жизнь и уметь жить по своему значению далеко не одинаковы: первое означает понимать игру, свидетелем которой был человек, второе — участвовать в этой игре» [там же, с. 352]. Отсюда и вытекают цель и задачи практической философии как их понимал и формулировал И. Кант.

Участие в отмеченной игре жизни ставит перед человеком фундаментальные вопросы о его сущности. Выясняется, что характер детерминированности его поступков носит особый характер, что у человека они могут быть непредзаданными. В отличие от других живых существ человек способен к рефлексии и к формированию в своем сознании морали, как отношения к самому себе и к окружающим. В своей практической философии И. Кант обосновал, что эта способность находится внутри самого человека.

Несмотря на свою двойственную природу: натуральную и интеллигентную, человек руководствуется в своем поведении идеей свободы. Именно она составляет основу человеческой нравственности. Если эта идея очерчивает человеческое в человеке, то сама мораль формирует его как человека. Свобода человека определяет поступки человека, тем самым обозначая его права на личностную автономию, но в то же время ограничивает ее обязанностями перед другими людьми. По И. Канту, практический разум из соответствующих априорных форм создает принципы и правила морального поведения человека. Именно поэтому идея свободы является не теоретической, а практической идеей. Ее конечной целью, устремлением является счастье человека. Быть счастливым — это необходимое желание каждого разумного существа, определяющее основание его способности желания. Отмеченное необходимо держать в фокусе рассмотрения любых вопросов практической философии, жизнедеятельности человека в целом.

Кантом были сформулированы три определения категорического императива:

Поступай только согласно такой максиме (своему желанию), руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом (желание всех людей).

Поступай так, чтобы ты всегда относился к другим как цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству.

Поступай так, как хочешь, чтобы другие поступали по отношению к тебе.

Эти практические правила предполагают, что человек как разумное существо есть само по себе и для себя высшая и конечная цель. Именно такие законы — императивы, которые выражены через долженствование, лежат в основе поведения человека. И. Кант считал, что следование им обеспечивает устойчивость и благополучие всего общества и каждого конкретного человека.

И. Кантом была осуществлена коперниканская революция не только в теории познания: «наш разум не выводит из природы ее законы, а налагает свои законы на природу», но, куда важнее, в сфере практической жизнедеятельности человека. Он не только сформулировал нравственный императив: «Человек сам в себе цель и не должен быть средством», но в «Критике практического разума» показал, что человек должен стремиться к идее нравственно совершенного закона. В этом состоит *добродетель*, то высшее, чего может достичь практический разум. Такая коперниканская революция превращает человека в активного «наблюдателя», его присутствие в мире влияет на все, что в нем происходит. Не случайно, что в методологическом плане влияние И. Канта на возникновение неклассической науки, прежде всего физики, трудно переоценить. В последней проблема «наблюдателя» стала ключевой и существенной.

Разворачивая этот подход в решении проблем, которые с возрастающей скоростью предъявляет нам наше время, мы приходим к следующим выводам. Во-первых, потенциал практической философии в ее классической проблематике не только не исчерпан, но это в принципе недостижимо, так как жизнь меняет условия, и те же задачи требуют новых решений, учитывающих современный контекст. Во-вторых, меняются не только условия, но возникают совершенно новые проблемы, которые требуют расширения предметного поля классической практической философии. И это не только переход к новому технологическому укладу, проблемы экологии или другие глобальные проблемы, но и вызовы непосредственно природе самого человека. Очевидно, что в этих условиях потребность в «общей» и «специальной» практической философии, если пользоваться аналогией теории относительности, возрастает во взрывном порядке. Отсюда наша уверенность в ренессансе философии, потребность в ее творческом потенциале и возможностях. В этом смысле философия всегда практическая.

Отмеченная выше проблематика, попавшая под «юрисдикцию» практического разума и практической философии, известна с древнейших времен, например, мы встречаем ее в стоицизме. К нашему времени она рассматривается в социальной философии, философии права, этике, религиозной философии.

На уровне повседневности цель практической философии: побуждать людей с помощью мысли к правильным, хорошим действиям и отвращать от ошибочных, плохих действий. В этом смысле ее вообще можно обозначить как философию повседневности.

Практический философ — «организует службу» консультирование-собеседования-исповедания. Его задача: собеседование и консультирование по основным вопросам жизни, любви, творчества, здоровья... Поэтому к произведениям практической философии можно отнести такие, которые содержат мысли о жизни, человеке, об отношении к миру, обращенные ко всем людям и имеющие практический смысл. Эти произведения, как правило, должны содержать рассуждения, отдельные мысли и рекомендации-советы. Поэтому к произведениям практической философии можно отнести книги Дэйла Карнеги или Владимира Леви. Их работы нельзя воспринимать как правила переговоров или психология личности. Они — об искусстве жить среди людей, реализовывать себя как личность. В настоящее время практическая философия все больше обретает характеристики мудрости, и в этом ее оправдание [3]. Не стоит забывать, что современность от нее отказалась. Она самоуверенно уверовала, что все ответы есть в Интернете.

В Институте философии РАН была интересная дискуссия о философии как идеологии. Под идеологией понимался мир идей — отчужденная от человека и идеально

представленная система его общественных отношений. «Вся классическая философия строилась на идее свободы человека как разумного существа от всех форм его личной зависимости. Зародившись в античности, эта идея нашла всеобщее признание в Новое время, в эпоху становления «буржуазного (или гражданского) общества»... Данная идея послужит истоком для всех классических идеологий Нового времени — консерватизма, либерализма и социализма, доживших, пусть и в измененном виде, до наших дней. Но чем может быть философия за пределами буржуазного общества? Для Маркса, например, конец буржуазной эпохи означал одновременно и конец идеологии, а вместе с ней всей философии, на смену которой должна прийти наука. Критика идеологии является, с этой точки зрения, делом не философии, а науки. В действительности же, вопреки прогнозу Маркса, подобная критика стала не концом философии, а ее переходом в новое качество — к постклассическому типу философствования, далекому и от науки, и от идеологии. Современные идеологи в большинстве своем утратили связь с культивируемой философией идеей индивидуальной свободы. Последнюю будут искать теперь в глубинах собственной экзистенции, вынесенной за пределы разума и любого социума. Сама же философия все больше обретает характер интеллектуального общения частных лиц, свободного от привязанности к какой-либо общественно значимой идеологии. Она становится как бы идеологией лично для себя (каждый сам себе философ) или для узкого круга близких лиц [4]. При всем при этом, философия, как форма духовного освоения мира, не теряет свой фундаментальный статус. Она, по-прежнему, должна схватывать и презентовать универсальные смыслы человеческого существования.

Человек и человечество в настоящее время оказались перед серьезными вызовами. Мир и человек в нем находятся в ситуации экзистенции — пограничного существования. Если мир оказался на грани глобальной войны, то сам человек, его природа подвергаются испытаниям науки, техники, различных технологий, практически не имеющих социальных ограничений. Эпоха Просвещения (модерна) сменяется эпохой (постмодерна), не имеющей, по сути, не только своего имени, но и конструктивных ответов на современные глобальные проблемы. Впереди — неизведанное даже самыми невероятными футурологическими проектами. В этих условиях роль практической философии, основанной на практическом разуме, становится фундаментально востребованной. Перед ней, как мудростью, стоит задача обеспечить здравый смысл практичными формулами оптимальных действий во всех сферах жизнедеятельности человека в ситуации растущей неопределенности.

Нынешняя проблематика практической философии нам видится следующим образом:

- практическая философия в эпоху постмодерна: траверсы классической парадигмы;
- мораль и этика в размерностях современного мира: культура, экономика, политика;
- практический разум и фундаментальные вопросы современности: поиск ответов;
- философия и этика в пространстве политики и права;
- философия ответственности и/или ювенальный прорыв?
- социальная антропология: вызовы трансгуманизма;
- философия блага и добродетели;
- сознание vs искусственный интеллект: перспектива человеко-машинных отношений;
- идеология в современном обществе: реновация, синтез, эклектика?
- ответы религии на современные вызовы: философская рефлексия;
- философия современного хозяйства и деловая этика;
- этика СМИ: деградация или новый уровень?
- возможность экологического императива;

- философия и этика насилия;
- социальные перспективы науки: потенциал и пределы;
- перипетии современного методологического сознания.

Таким образом, предметом практической философии становятся актуальные вопросы жизни человека и человечества в ракурсе не только свободы его выбора, но и моральности такого выбора, когда уже нельзя спрятаться за словами, а необходимо действовать здесь и сейчас, в повседневности. Отмеченный перечень проблем отнюдь не исчерпывает предметное проблемное поле практической философии, но дает вполне определенное представление о нем. Очевидно, что философии возвращается ее главная функция: размышляя о прошлом и настоящем человека, она имеет в виду его будущее.

Литература

1. Кант И. Статьи. Лекции. Избранные письма. Из рукописного наследия // И. Кант. В восьми томах. — Том 8. — М.: Чоро, 1994. — 718 с.
2. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения. 1798 г. // Кант И. В шести томах. — М.: Мысль, 1966. — Т. 6. — 743 с.
3. Лазарев Ф. В., Трифонова М. К. Оправдание мудрости: монография / Ф. В. Лазарев, М. К. Трифонова. — Симферополь: Синтагма, 2011. — 556 с.
4. Межуев В. М. Философия как идеология / В. М. Межуев // Философский журнал. — 2017. — Т. 10. — № 4. — С. 171—180.

I ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ

УДК 101

Практическая философия в контексте XXI столетия

Practical philosophy in the context of the XXI century

Лазарев Ф. В., доктор философских наук,
профессор кафедры философии естественнонаучного
профиля философского факультета Таврической академии
Крымского федерального университета

им. В. И. Вернадского

Lazarev F. V., Doctor of Philosophical Sciences, Full Professor
of the Department of Philosophy of a Natural-science Profile,
Taurida Academy, Crimean Federal V. I. Vernadskiy University

Аннотация. В статье предлагается новый подход к пониманию практической философии в контексте современных цивилизационных тенденций. Рассматриваются две ключевые интенции в истории философской мысли — разработка проблем философии с точки зрения ее внутреннего развития и исследование средствами философской рефлексии глубинных процессов, происходящих в общественной жизни той или иной эпохи. Именно вторая интенция в современную эпоху приобретает особую актуальность. В связи с этим возникает необходимость более широкого толкования сущности и основных задач практической философии.

Abstract. The article suggests a new approach to understanding practical philosophy in the context of modern civilizational trends. Two key intentions in the history of philosophical thought are considered: the development of the problems of philosophy from the point of view of its internal development and the study by means of philosophical reflection of the profound processes taking place in the social life in different epochs. That is why there is a need for a broader interpretation of the essence and basic tasks of practical philosophy.

Ключевые слова: практическая философия, цивилизационные тенденции, современная наука.

Key words: practical philosophy, civilizational tendencies, modern science.

Историко-философский процесс: две ключевые тенденции. С древнейших времен и до настоящих дней философская мысль развивалась, если иметь в виду основное русло эволюции мыслительной культуры, по пяти главным направлениям:

— разработка и осмысление ключевых понятий философского дискурса (мир, бытие, космос, движение, сознание, человек и др.);

— размышление над ключевыми («вечными») вопросами, имеющими мировоззренческий смысл (Как устроен мир? В чем смысл жизни? Что такое свобода? Существует ли истина?);

— конституирование основных форм и типов рефлексии (ирония, диалектика, критика, категориальная, когнитивная, трансдоксальная рефлексия и др.);

— ретроспективный анализ самой философской мысли (история философии);

— критическое осмысление наличных форм культурной жизни и познания, реально протекающих социально-политических процессов и экзистенциально-нравственных проблем бытия людей в той или иной конкретной исторической ситуации.

Если присмотреться к содержанию отмеченных направлений философствования, то можно заметить, что они — в общем и целом — всегда включали в себя две основные группы: во-первых, те, которые связаны с разработкой *языка философии* и ее внутрен-

них проблем; во-вторых, те, которые предполагают обращение к реально происходящим в обществе процессам, к человеку во всей полноте его социокультурных определений. Поэтому можно сказать, что в течение многих веков в истории философии боролись две тенденции — чистого теоретизирования и практически ориентированного анализа. Одна тенденция нацелена на решение внутренних задач дисциплинарного характера, вторая фокусирует внимание на осмыслении внешних проблем. Эта дивергенция обозначилась уже в древности.

Философия: новый поворот. На рубеже XVIII—XIX вв. философия становится доминирующей формой духовного производства в Германии в лице таких мыслителей, как И. Кант, Ф. Шеллинг, Г. Гегель и др. Этот факт тесно связан с усилением практической направленности философской мысли. Позднее Ф. Ницше подвергает глубокой философской критике многие болезненные проблемы развития европейской культуры. В XX в. эту линию продолжают представители экзистенциализма. В их сочинениях мы находим всесторонний экзистенциально-нравственный анализ таких острых противоречий европейской цивилизации, как феномен отчуждения человека, утрата смыслов, некоммуникабельность, стандартизация личности и др. Критический анализ технократической цивилизации XX в. в социокультурном измерении представлен в работах О. Шпенглера, П. Сорокина, Ж.-П. Сартра, Х. Ортеги-и-Гассета. Заметный всплеск интереса к философии наблюдается в первой четверти XX в. в связи с революцией в естествознании. Философская методология стала осознаваться необходимым инструментарий разрешения трудностей, возникших в самих основаниях научного знания. На это прямо указывают работы таких корифеев физической науки, как А. Эйнштейн, М. Планк, Н. Бор, В. Гейзенберг, А. В. Фок и др.

Похоже на то, что сегодня философская мысль просыпается для нового прорыва. У нее все явственнее обнаруживается потребность вновь повернуться лицом к человеку, к проблемам культуры и науки, к острейшим противоречиям глобального мира. Почему эта проблема обострилась именно в последние годы? Дело в том, что современная цивилизация характеризуется небывалыми темпами развития. Если раньше качественные изменения в социально-экономической сфере, в культуре, науке, в развитии технологий происходили в течение длительных периодов исторического процесса, то сегодня наступила эра инновационных скачков, ведущих к качественным сдвигам во всех сферах жизни людей. Из сказанного вытекает одно важное следствие: в прошлые времена философ в своих размышлениях о мире имел дело с довольно устойчивой социальной и культурной реальностью. Поэтому на первое место, как правило, выдвигались так называемые вечные вопросы о природе человека, об истине, о смысле жизни и т. п.; при этом трудно было различить, что в этой проблематике составляло инвариантный аспект, а что было навеяно текущими историческими событиями. Новое возникало медленно и пробивалось сквозь толщу размеренной повседневности с большим трудом. Сегодня новое врывается в жизнь людей чуть ли не ежедневно, будоражит их воображение, порождает серьезные риски и бросает вызовы как отдельно индивиду, так и всему человечеству.

Очевидно, что философ не может не заметить эти глубокие перемены в развитии цивилизации XXI века. Возникает новая познавательная ситуация — ситуация вызова, актуального запроса. Как ответ на нее в арсенале исследователя появляются соответствующие понятийные и методологические средства анализа. Ускорение процессов во всех сферах жизнедеятельности, небывалый в прошлые эпохи темп жизни — все это требует не только эффективных познавательных средств и эвристических ресурсов, но и изменения целей философствования. В этих условиях появляется потребность *в новом типе практической философии* — философии, которая имеет вкус к анализу быстротекущих проблем истории, к глобальным, острейшим противоречиям современного мира.

Расширяется диапазон социокультурных областей, которые начинает осваивать философская мысль. Речь, прежде всего, идет о сфере культуры, экономики, геополитики, экологии. В этом контексте резко возрастает интерес к методологии в ее *практическом измерении*. Дело в том, что философская рефлексия над новыми реалиями глобального

мира нуждается в существенном обновлении своего методологического инструментария, в выработке новых подходов и способов анализа и др. Каково же состояние современного методологического сознания?

На рубеже XX—XXI вв. в эволюции философии как одной из форм рационально-практического освоения мира происходят важные перемены. В частности, можно сказать, что она пожинает в общественном сознании некоторый *кризис доверия*. Если раньше классическая философия претендовала на то, что она способна давать абсолютные ответы на универсальные вопросы во всех сферах человеческой жизнедеятельности, то сегодня и ученые, и политики, и простые люди стали осознавать, что истины философии относительны, плюралистичны, субъективны: на один и тот же вопрос существуют десятки версий ответа. Кому в практическом плане нужны такие истины? В глазах массовидного человека они потеряли практическую ценность и всякий интерес. Уж если выбирать между универсальными, но спорными истинами философии и ограниченными, но прочными истинами конкретных дисциплин, то люди выбирают, как правило, второй вариант. Однако подлинная диалектика жизни состоит в том, что внутренняя логика действий того или иного специалиста конкретно-научной или практической сферы часто порождает ситуации, когда адекватный ответ на возникающие нестандартные проблемы не может быть получен внутри самих этих сфер. Здесь можно вспомнить часто обсуждаемый в литературе пример, когда врачи сталкиваются с проблемой эвтаназии. Перед нами ситуация, которая, с одной стороны, является для лечащего врача сугубо практической, а с другой, она нуждается во всестороннем осмыслении, которое затруднительно с позиций чисто медицинского подхода. Очевидно, что это осмысление предполагает выход в более широкое мыслительное пространство — этическое, правовое, религиозное и т. п. При этом, по мере углубления в это пространство, обнаруживается, что каждое новое измерение проблемы столь же правомерно, как и исходная парадигма медицинской практики. Здесь возникает закономерный вопрос: в какое теоретическое поле вступает тот или иной специалист, когда он выходит за границу своей компетентности? Ответ очевиден: он вступает в проблемное поле философии, но не в сферу общих категорий и принципов, а в сферу *практического философствования*. Каждый специалист, столкнувшись с нестандартными, многомерными ситуациями, если он желает быть адекватным этой последней, вынужден так или иначе освоить основы практической философии, понять, в чем заключается специфика этого нового для него дискурса. И здесь первое, что должен сделать специалист, это понять сложность, многомерность вставшей перед ним проблемы. И этот мыслительный акт и есть первый шаг на пути к практической философии. Второй шаг — это попытаться вычленив основные возможные измерения возникшей проблемы. Третий шаг заключается в понимании того, что каждый аспект проблемы предполагает свой интервал рассмотрения, свою логику анализа и свое видение ситуации. Поэтому для адекватного обсуждения возникающих вопросов целесообразно привлечение экспертов соответствующих отраслей науки и практики. Должны быть приняты во внимание точки зрения всех, принимающих участие в обсуждении специалистов. Четвертый шаг связан с решением вопроса, как скоординировать разные, подчас противоположные позиции. На этом шаге появляется осознание того, что специалист не только вынужден вступить в полилог с представителями других областей познания и практики, но и воспользоваться помощью философа-профессионала в сфере практической философии, способного выполнить роль модератора и методолога.

Таким образом, практическая философия всякий раз актуализируется в ситуации, когда в той или иной сфере науки и практики возникают нестандартные, противоречивые проблемы, требующие для своего решения переход в другой теоретический горизонт. Философ в этой ситуации выступает в особой роли эксперта-методолога, задача которого состыковать разные подходы и перспективы видения проблемы в единую конфигурацию и найти адекватное результирующее решение. Тем самым практическая философия выступает связующим звеном между практической деятельностью специалистов разных профилей (от учёных до политиков и бизнесменов) и теоретическим обоб-

щением в трансдисциплинарной сфере. Как подчеркивал И. Кант, разум нужен не только для правильного мышления, но и для рациональной практической деятельности. Если в прошлые эпохи практическое познание разумом прежде всего ассоциировалось с философией морали, то сегодня эта сфера значительно расширилась (мораль общественная и мораль индивида, мораль и правовое сознание, этические нормы хозяйствования, этика межгосударственных отношений и т. п.). В рамках современной постнеклассической методологии названные составляющие образуют человекомерность и человекоразмерность познавательных практик современного глобального мира. «Наука вводит в рассмотрение то, что находится за границей актуально возможного, не только в бытии природных реалий, но и в человеческом бытии. Тем самым становление научного знания, рассмотрение науки как предчувствия, представляет возможность заглянуть в мир виртуального, потенциального воплощения сущностной взаимосвязи между неисчерпаемостью человеческого и природного, питает собой тенденцию к гуманизации и аксиологизации познания, приобретает многомерное измерение» [2, с. 91].

Опыт трансдисциплинарности и научных коммуникаций на современном этапе ставит проблему формирования нового типа рациональности, которая сочетает в себе культуру знания и культуру умения, теоретическое и практическое, точность узкопрофессионального знания и многомерность философской мысли.

Теоретическая философия конструирует умопостигаемые миры, практическая — решает своим особым способом конкретные задачи, встающие в различных сферах человеческой жизнедеятельности. Различия между этими двумя типами философствования в гносеологическом аспекте в уровне обобщения. Модели первого типа носят предельно общий характер. Модели практической философии всегда ограничены конкретной задачей, органически соединяя истину и пользу. Благодаря такой стратегии она, говоря словами Эрнста Блоха, являет собой систему интеллектуального мессионизма, руководство для пророков и провозвестников будущего, становится совестью завтрашнего дня, званием надежды, «передним краем бытия».

Интервальная парадигма: методологический и цивилизационный контекст. Весьма симптоматичным является тот факт, что эпистемический кризис, начавшийся в последней трети XX столетия, во многих своих чертах продолжается и в наше время. Во многих докладах ученых-гуманитариев на различных конференциях и симпозиумах ощущается отсутствие у авторов продуманной и выверенной методологической базы. Аналогичное впечатление можно вынести и из выступлений ученых в различного рода телевизионных дебатах. Некоторое время назад на одном из телеканалов обсуждались вопросы: какой учебник отечественной истории нужен в школе, какие принципы должны быть положены в основу его написания? На передачу были приглашены авторитетные ученые-историки, журналисты, деятели культуры. (Не было только тех, кто особенно был бы нужен при обсуждении методологических и социокультурных принципов: не было философов-методологов.) А между тем вопросы, которые возникают в данном контексте, являются поистине глобальными. В чем заключается цивилизационная *ценность исторической памяти*? Как данное общество воспринимает и осмысливает свою историю? Какими *перспективами видения* исторического процесса сознательно или бессознательно пользуется ученый-историк в своей теоретической работе? Какую *философию истории* он принимает? Очевидно, это вопросы не журналистики и даже не исторической науки как таковой. Перед нами вопросы метауровня, имеющие прямое отношение к философии истории и к методологии гуманитарных наук.

Во время упомянутой дискуссии одни ораторы отстаивали позиции наивного объективизма, полагая, что историю можно и нужно излагать «строго объективно», независимо от каких бы то ни было социокультурных контекстов, исторического опыта народа, информационных войн и т. п.; историческая истина объективна и является единой и общей для ученых любой страны и научной традиции. Другие выступающие утверждали, что каждый ученый имеет право на свою индивидуальную точку зрения и на свое видение тех или иных исторических событий, и это обстоятельство должно найти отражение

в наших учебниках по истории. Наконец, выступали и такие, которые были уверены в том, что историческая наука конструирует свои модели и картины на основе явных или скрытых идеологем и культурных мифов. Очевидно, что все три упомянутых подхода к оценке природы исторического знания на данный момент безнадежно устарели. Специфика сегодняшнего момента заключается только в том, что «методологический дилетантизм» в науке, учитывая радикально изменившуюся ситуацию, о которой говорилось выше, резко снижает эффективность научно-исследовательской работы.

С 70-х гг. минувшего столетия наблюдается интенсивный поиск методологических программ, которые были бы адекватны новым вызовам научного прогресса. В этом контексте мы, естественно, обращаемся к интервальной парадигме [4], которая, будучи альтернативной *постмодернизму* как философской стратегии, вместе с тем выступает как органический элемент *постмодерна*, т. е. того особого состояния культуры, в которое вошла западная цивилизация 60—70-х годов. В интервальной концепции, в самих ее категориальных основаниях слиты два, казалось бы, несоединимых начала. С одной стороны, решительно отстаиваются традиционные постулаты и ценности философского сознания эпохи модерна — объективность, познаваемость, разум, истина, суверенность самосознающего Я и др. С другой стороны, выстраивается концептуальная система, последовательно реализующая программу релятивизации любых тотализирующих дискурсов. Познающий субъект принципиально интервален, он всегда задан контекстуально, в том или ином локальном хронотопе [5]. Его взгляд на мир необходимо ограничен существующей интеллектуальной перспективой понимания и видения мира с ее конечным словарем и собственной семантикой. Каждый природный или социокультурный срез бытия в принципе может стать объективной основой для формирования гносеологической «системы отсчета», конституирующей свой способ мироописания, свою систему истин и смыслов.

Очевидно, что интервальный подход имеет не только гносеологическое измерение, но и касается проблем исторического и цивилизационного порядка [6]. Если смыслы, цели и мировоззренческие установки индивидов существенно зависят от тех самозамкнутых социокультурных миров, в которых они пребывают в процессе своей жизнедеятельности, то означает ли это, что люди из разных этносов, социальных систем и «локальных культур» в такой степени «некоммуникабельны», что в принципе не способны глубоко понять друг друга и не могут в сущности вести между собой продуктивный диалог? Сегодня, в условиях болезненного противостояния глобальных геополитических пространств и цивилизаций, этот вопрос приобретает фундаментальную значимость как в социокультурном, так и в политическом плане. И именно поэтому он нуждается во всестороннем философском осмыслении. Ведь если верно, что в окружающей действительности «все относительно», что реальность расколота на миры, между которыми нет единых скрепов, связующих нитей, то, очевидно, в ней невозможно подлинное взаимопонимание людей, народов, социальных групп, религиозных общин. Интервальная метафизика предлагает принципиально иное, отличное от постмодернизма видение диалектики абсолютного и относительного, единого и многого, единичного и общего: относительное не исключает абсолютного, а плюрализм реальности не исключает ее единства, скрепляемого инвариантными связями и отношениями вещей. А это означает, что продуктивный диалог между народами и культурами не только возможен, но и продуктивен в силу существования общечеловеческих, инвариантных смыслов, ценностей и норм, которые выработались человечеством в течение сотен и тысяч лет и которые лежат в основе любой локальной культуры. Но если принять данное допущение, то отсюда следует, что всем, кто отвечает за судьбы людей в общепланетарном масштабе, было бы весьма полезно освоить культуру многомерного мышления, принципы интервального диалога.

В. Алтухов [1, с. 156], рассматривая особенности «многомерного мышления», подчеркивает, что новые понятия и принципы незаметно проделывают колоссальную работу, подталкивая мышление людей к переходу на многомерную основу. Под их влиянием вырабатываются новая концепция диалога равноправных, автономных участников, новая

концепция истины, закладываются логические основы политической культуры, формируются принципы взаимоотношений между конфессиями, мировоззрениями, очевидно, характерные для современной цивилизации. Начинает проясняться тот смысл категории «единство», «целостность», который задается многомерным видением реальности. Прежде всего, достижение единства, если иметь в виду политические, идеологические, цивилизационные споры, вовсе не означает обязательного преодоления всех расхождений между оппонентами. Напротив, следует признать возможность сохранения определенных, в том числе и весьма существенных расхождений, которые закономерно вытекают из особенностей материальных интересов, социокультурных установок, собственного видения мира каждой стороной, задаваемого существенным различием в *объективном положении* этих сторон.

В этом случае поиски единства заключаются отнюдь не в том, чтобы усреднить интересы сторон, их точки зрения, то есть, чтобы мыслить и действовать в духе старых стереотипов мышления. Ни к чему, кроме как к углублению конфронтации, такой метод не приведет. Задача заключается в том, чтобы суметь перевести эти политические и мировоззренческие установки из одноплоскостного видения реальности в многоплоскостное ее видение. При этом каждая сторона со своими интересами и принципами сможет разойтись (а не столкнуться в безальтернативном варианте) с другой стороной, где эти интересы, позиции и принципы смогут дополнять (как разные), а не исключать, не вытеснять (как противоположные) друг друга. Вот это и есть новая форма единства, целостности, новый смысл гармонии, вытекающий из обсуждаемой методологической парадигмы.

Как верно замечает В. Алтухов, новый подход, будучи применен в области политики, международных, культурных, профессиональных отношений, может привести современный мир на качественно новый уровень бытия. Если каждый из оппонентов, нередко погруженных в классическую атмосферу конфронтации, осознает, что его точка зрения по самой своей сути не вправе претендовать на универсальную значимость, ибо отражает реальность лишь внутри какого-то одного интервала, и что она может быть дополнена альтернативным видением мира из другого интервала, равноценным и автономным, имеющим такое же право на истину, то будут создаваться предпосылки совершенно другой духовной атмосферы, определяемой продуктивным диалогом между различными странами и цивилизациями.

А значит, будут складываться условия для ослабления конфронтации в международных отношениях и возрастать возможности достижения всеобъемлющего консенсуса — предпосылки нового мирового порядка. Это в полной мере относится и к разумному решению любых межнациональных и межэтнических конфликтов. Можно сказать, что сама конфликтология как теоретическая дисциплина получает в лице интервального подхода новую методологическую базу.

Следует заметить, что интервальная парадигма в процессе своего формирования противостоит не только постмодернизму, но и некоторым ключевым постулатам марксистской методологии. В отличие от традиционной диалектики, которая настаивала на постулате «единства и борьбы» противоположных сторон, сил, позиций, интервальная диалектика видит разрешение противоречия не в том, что одна сторона побеждает другую, не в слиянии их в единое целое, не в высшем «синтезе» через «снятие» в чем-то третьем, а в поиске устойчивых конфигураций, соответствующих реальной иерархии сторон, уровней, ипостасей целого. Это тот самый гомеостазис, та самая гармония в социальной жизни людей, которая достигается через диалог, взаимопонимание, взаимный, сбалансированный учет интересов сторон, через то, что Н. Рерих назвал «красотой компромиссов».

В новой диалектике нет места ни «единству» (как слиянию противоположностей), ни «борьбе» как противоборству по принципу «кто кого»; единство здесь мыслится как *многомерная система* соподчиненных и разноуровневых интервалов, а «борьба» — как поиск взаимосогласованности в соответствии с интервальной структурой бытия. При-

цип разумного компромисса не есть изобретение данной концепции, ибо в своем практическом выражении он существует столько же, сколько существует история. Интервальный подход есть лишь философская рефлексия над этим принципом, позволяющая прояснить его онтологическую, гносеологическую и методологическую грани. В этом смысле традиционную диалектику (Гераклит, Гегель, Маркс, Энгельс и др.) можно рассматривать как философскую рефлексию над другим, столь же древним принципом исторического взаимоотношения людей — принципом борьбы, взаимной конфронтации и противостояния. В рамках данной традиции война, столкновение, противоборство сторон, сил и тенденций рассматривались как вечный закон жизни, как вселенский, универсальный принцип бытия всех вещей и явлений, как внутренний источник развития и бесконечного совершенствования. В связи с этим, однако, следует заметить, что рефлексия над «практикой компромиссов» оказалась (обозревая всю панораму человеческой мысли) делом более сложным в теоретическом плане и более поздним в историческом смысле. Видимо, искусство разрешения конфликтов и миротворчества требует от людей больших интеллектуальных ресурсов и моральной высоты, чем искусство войны, но для сегодняшнего планетарного миропорядка первое становится все более и более важным и жизненно необходимым.

Практическая востребованность философии в XXI веке. О том, что философия и наука тесно связаны между собой и находятся в постоянном взаимодействии, известно чуть ли не со времен Аристотеля. С тех пор об этом было много написано, особенно в последнее столетие. И этот тезис справедлив, если брать его в общем плане. Если же рассматривать конкретные исторические ситуации, то весьма часто мы наблюдаем прямо противоположную картину. Например, известно, что естественные науки по мере своего становления в XVII—XIX вв. постоянно отгораживались от философии, демонстрировали свою независимость и даже противоположность, свое неприятие «метафизики». В атмосфере подобных умонастроений в XIX в. стал формироваться такой феномен, как сциентизм, который, в частности, выступил как «дух позитивности», как некая мировоззренческая установка [9]. Последняя к середине XIX в. теоретически конституирует себя как позитивизм, согласно которому «наука сама себе философия».

В этом контексте всплеск интереса к философии в физике и математике первой половины XX в. был отнюдь нетривиальным событием. Примечательно, что этот поворот точных наук к своим категориальным и методологическим основам осуществили сами ученые, исходя из внутренних потребностей и из логики развития самой науки.

В чем же причина поворота к философии точных наук в наше время? Довольно обстоятельный ответ на этот вопрос можно встретить в статьях и выступлениях известного российского физика М. В. Ковальчука [3] Ученый обращает внимание на то, в наше время наблюдается серьезный поворот в стратегии научного познания как в естествознании, так и в гуманитарных дисциплинах. В течение четырех веков наука изучала природу, расчлняя целое на части, углубляясь в детали, выделяя отдельные элементы, аспекты, уровни вещей и явлений. Сегодня наука все больше испытывает потребность в междисциплинарных практиках с тем, чтобы постичь мир посредством сборки частей в единое целое. Если в прошлом доминировал аналитический подход, то теперь, отвечая на новые вызовы научно-технологической революции, наука встает на путь синтеза. Но речь идет не о синтезе в традиционном смысле слова, речь идет об особом типе сборки элементов в целостные модели. Этот процесс М. В. Ковальчук называет конвергенцией знания. Следует подчеркнуть, что переход к новой познавательной стратегии — это не только требование внутренней логики развития современной науки, но и ответ на новые цивилизационные вызовы, связанные с развитием научно-технологических практик последних десятилетий. Похоже на то, что речь идет о формировании одной из составляющих научного стиля мышления XXI столетия. Очевидно, что всесторонне осмысление отмеченных процессов — важнейшая задача современной методологической мысли.

В чем же причина и в чем особенность нового поворота к философии в современную эпоху? Причина в том, что усилилась востребованность практической функции фило-

софии. Кроме того, впервые возрастающая значимость философии обнаруживается по существу одновременно во *многих сферах* развития мировой цивилизации — в науке, образовании, экономике, политике. Это вытекает из того, что современный мир вошел в новую стадию своего существования.

Практическая востребованность философии в современную эпоху в чем-то сходна с той востребованностью, которая наблюдалась в отношении социологии и психологии в 60-е годы прошлого века. Именно с этого времени начинает активно внедряться практика конкретно-прикладных исследований. Запрос на такие исследования во всех сферах общественной жизни с годами только усиливался. К примеру, сегодня практические психологи оказываются постоянно востребованными и на производстве, и при чрезвычайных ситуациях, и в педагогической практике. Парадокс заключается в том, что в настоящее время психологическая наука во многом исчерпала потенциал своих объяснительных моделей и начинает отставать от реальных запросов жизни. Похожая ситуация сложилась и с прикладной социологией. На это, в частности, обращает внимание и Б. Латур. Создается впечатление, что этим дисциплинам не хватает новых прорывных идей и подходов.

Между тем в XXI в. все больше возникает спрос на социокультурные услуги нового типа, связанные с современным антропологическим кризисом, с проблемами потери этнической идентичности, с трудностями культурной адаптации, с деформациями ценностных ориентаций у определенной части молодежи и т. п. Порой создается впечатление, что мы вообще не знаем, представитель какой гуманитарной профессии может оказывать такого типа услуги для широких слоев населения. Например, потребность людей в утешении не только в момент личной трагедии, но и в период ценностного и мировоззренческого разлада. Разумеется, психологи часто берутся за эту работу.

Очевидно, что во многих случаях потребность индивида в «терапии души», вобретении надежных духовно- нравственных опор в жизни не может быть в принципе удовлетворена ни социологом, ни психологом. Это как раз такая сфера человеческого духа, которая издревле была объектом религиозного душепопечительства и философских духовных практик. Очевидно, что общество может быть полноценным и способным к инновационному развитию лишь при условии, что вся сфера образования выступает как культурное пространство производства человеческого в человеке. Сегодня становится крайне актуальной духовно-нравственная составляющая педагогического процесса. В современном мире появилась значительная прослойка высокообразованных, талантливых и подчас даже гениальных людей, занимающихся криминальным бизнесом, например, так называемые хакеры, создатели финансовых пирамид, биржевые спекулянты и т. д. Все это говорит о том, что восходящий к эпохе Просвещения тезис, согласно которому зло порождается невежеством, а усвоение индивидом определенной суммы знаний автоматически делает его нравственным существом, оказался несостоятельным. Сегодня от просветительской модели мы должны перейти к новому цивилизационному проекту: от человека разумного — к формированию человека духовного. С точки зрения культурных традиций за реализацию такого проекта, в первую очередь, могут взяться такие страны, как Россия, Индия и Китай.

У современной практической философии появляются три новые задачи: — существенное расширение проблемного поля исследования за счет включения в него новых сфер человеческой жизнедеятельности;

- выработка эффективных методологических инструментов;
- внедрение в жизнь практики аксиологической терапии.

Способна ли современная философская мысль взять на себя решение задач подобного типа? Во многих отношениях ответ здесь будет скорее отрицательным. Но кроме философов эти задачи никто не может взять на себя. Выход из положения видится в принятии следующих стратегий: во-первых, усиление творческой активности в сфере философской рефлексии, во-вторых, подготовка кадров с учетом появления новых социокультурных функций философии.

Литература

1. Алтухов В. Новое мышление — мышление о многомерном мире // Дружба народов. — 1994. — № 2.
2. Киященко Л. П., Гребенщикова Е. Г. Современная философия науки: трансдисциплинарные аспекты. - М., 2011. - С. 91.
3. Ковальчук М. В., Нарайкин О. С., Яцишина Е. Б. // Вопросы философии. — 2013. — № 3.
4. Лазарев Ф. В. Проблема точности естественнонаучного знания // Вопросы философии. — 1968. — № 9. — С. 31—42.
5. Лазарев Ф. В., Кураев В. И. Точность, истина и рост знания. — М.: Наука, 1988. — 236 с.
6. Лазарев Ф. В., Литтл Брюс А. Многомерный человек. Выведение в интервальную антропологию. — Симферополь: СОНАТ, 2001. — 261 с.
7. Латур Б. Пересборка социального. — М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. — 384 с.
8. Харман Грэм. Четверойкий объект: Метафизика вещей после Хайдеггера. — Пермь: Гиле Пресс, 2015. — 152 с.
9. Трифонова М. К. Наука, образование, человек. — Симферополь: ИТ «Ариал», 2012. — 556 с.

УДК: 17:101.1

Сущность и содержание практической философии**Essence and maintenance of practical philosophy**

Мезенцев Ю. Л., кандидат философских наук, доцент,
кафедра философии естественнонаучного профиля
философского факультета Таврической Академии
Крымского федерального университета
им. В. И. Вернадского

Mezentsev Y. L., candidate of philosophical sciences, associate
professor, of the Department of Philosophy
of a Natural-science Profile, Tavrida Academy,
Crimean Federal V. I. Vernadsky University

А н н о т а ц и я. В статье высказывается идея о том, что успех практической деятельности не только в совершенствовании технологии преобразования и совершенствовании норм общения, но и в проявлении других не практических, а идеальных родовых сущностных сил человека: познания, понимания, организации и др.

A b s t r a c t. In article the idea expresses that success of practical activities not only in improvement of technology of transformation and improvement of norms of communication, but also in use of other not practical, but ideal patrimonial intrinsic forces of the person: knowledge, understanding, organization, emotional, fundamental and complete spirit.

К л ю ч е в ы е с л о в а: практическая деятельность, преобразование, общение, потребление, эмоциональный настрой, фундаментальный настрой, целостный настрой.

Key words: practical activities, transformation, communication, consumption, emotional spirit, fundamental spirit, complete spirit.

Сегодня человечество переживает глубокие изменения. Жизнь обновляется в уско-ренных темпах, что порождает сложные проблемы практической деятельности. К тому

же ценности, на которые человек ориентируется в практической деятельности, реализуются с позиции идеологии максимума: максимум власти, максимум богатства, максимум удовольствия. Такая ориентация может привести к катастрофе: человечество может погибнуть либо в экологической катастрофе, либо в термоядерной войне. Чтобы этого не произошло, необходимо сменить идеологию максимума на идеологию оптимума, идеологию развивающейся гармонии. Философию развивающейся гармонии можно назвать целостной философией, которую пытался разработать В. Соловьёв. [1, с. 1]

Философию развивающейся гармонии разработал российский философ В.Н. Сагатовский, объединивший положительные моменты основных философских направлений: материализма, субъективного и объективного идеализма. Философская система Сагатовского В. Н. является методологической основой решения проблемы, заявленной в статье.

Вся проблематика философского знания может быть выведена из основного вопроса мировоззрения: отношение человека к миру. Следовательно, все проблемы философии разделяются на три группы: проблемы мира, проблемы человека (отдельного и совокупного) и проблемы человекомиренных отношений. Человек взаимодействует с миром, проявляя свои родовые сущностные силы, тем самым отличается от других живых существ. Отношения человека к миру делятся на практические и идеальные отношения. Именно практическая философия исследует практическую деятельность, сущность которой заключается в проявлении таких родовых сущностных сил человека, как преобразование, общение, потребление. В каждой сущностной силе есть сердцевина — общечеловеческая ценность. В преобразовании с помощью техники и технологии, вкладывая определённый труд, человек, преодолевая сопротивление объекта, стремится получить полезный результат. Но в преобразовании человек не просто трудится, он реализует свой замысел, ориентируясь на общечеловеческую ценность — богатство, которое может иметь материальную и духовную модификацию.

В общении, с помощью определённых норм: властных, традиционных, правовых, моральных, нравственных в зависимости от уровня общения человек стремится получить признание. В общении человек желает сохранить своё «лицо», проявить самостоятельность. Если в практике общения теряется ценность признания или ценность самостоятельности, то никакого общения нет. В практике общения, как и в практике преобразования, ценности культивируются в рамках идеологии максимума, добиваются максимум власти, максимум выгоды.

Потребление — это процесс удовлетворения потребностей, усвоение того, что создаётся в практической деятельности. В потреблении человек удовлетворяет потребность в том, что объективно необходимо, и то, что приносит субъективную радость и наслаждение. Часто эти две практики потребления не совпадают. В связи с этим возникают две крайние позиции: практика трудоголика и потребительская практика. Задача практической философии заключается в разработке практики разумного потребления.

Успех практической деятельности определяется не только уровнем развития техники и технологии в преобразовании, не только эффективными нормами общения разного уровня и их согласования, не только разумным подходом в потреблении, но и проявлением таких родовых сущностных сил человека, как познание мира, понимание его, проектирование на основе истинных знаний и правды. В познании человек ориентируется на истину, в понимании — на правду, а в проектировании — на правильность.

Для успеха практическая деятельность также нуждается в организации, в эмоциональном, фундаментальном и целостном настрое. В организационной деятельности человек ориентируется на порядок. Эмоциональный настрой выражается в эстетической деятельности, в которой человек ориентируется на красоту, фундаментальный настрой проявляется в религиозной деятельности, в которой человек ориентируется на святое. А целостный настрой выражается в философско-мировоззренческой деятельности, в которой человек ориентируется на мудрость. Организационная, эстетическая, религиозная и философская деятельность может быть профессиональной и универсальной, необходимой для придания любой практической деятельности определённого порядка,

красоты, святости и мудрости. Философская деятельность, например, также является универсальным видом деятельности. У одних людей потребность философствовать присутствует постоянно, вызывает особое состояние души. Такие люди становятся профессиональными философами. У других потребность в философии возникает в сложной ситуации практики преобразования, общения и потребления, в которой не срабатывают сформированные ранее ценностные ориентиры.

Наиболее полные варианты систем универсальных видов деятельности были представлены философами М. С. Каганом, [2, с.12] М. С. Кветным. [3, с.32, 33] В. Н. Сагатовский исследовал проблему универсальных видов деятельности не с материалистических позиций, а с позиции целостной философии [4, с.133-140].

Универсальные виды деятельности присутствуют в любой предметной сфере: экономической, политико-правовой, научной, художественной, религиозной, в сфере образования, медицины и т.д., но удельный вес их разный. Ясно, что такая сущностная сила как преобразование, больше выражена в материальном производстве, общение больше выражено в политической и морально-нравственной сферах, организация — в государственно-правовой сфере, эмоциональный настрой — в сфере искусства, фундаментальный настрой — в религиозной сфере.

В медицине, например, проявляются все родовые сущностные силы: практические и идеальные, но в большей степени — практика преобразования. Медики-практики в процессе преобразования, общения, потребления сталкиваются со сложными практическими проблемами, например, принятие решения провести сложную операцию, которая далеко не гарантирует успех, или тайна болезни, эвтаназия и др. Врач для успешного решения практической проблемы познаёт, понимает, а также эмоционально, фундаментально и целостно настраивает себя.

Сложные практические проблемы возникают в правовой сфере, например, проблема смертной казни, решить которую, ограничившись только чистой практикой, совершенствуя нормы общения, невозможно. Необходимо подключать идеальные сущностные силы. В сфере образования широко обсуждается проблема дистанционного обучения. Практика дистанционного обучения обнаруживает больше негативных сторон, чем положительных. А какие глубокие конфликты возникают между конфессиями, например, в странах Восточной Европы или Ближнего Востока. Ясно, что без истинного понимания религии, мудрой философско-мировоззренческой деятельности здесь не обойтись.

Философия развивающейся гармонии как методологическая основа практической философии в отличие от других философских систем утверждает коррелятивность бытия. Любое сущее существует не вообще, а относительно другого сущего. Самой общей корреляцией бытия сущих является взаимодействие их на трёх уровнях: на уровне объективной реальности, субъективной реальности и трансцендентной реальности. Практическая деятельность человека также осуществляется на трёх уровнях бытия.

На уровне объективной реальности человек в практической деятельности строго следует объективным закономерным процессам, выступает их элементом, не являясь субъектом своей деятельности; на уровне субъективной реальности человек руководствуется внутренними ценностями, своими жизненными смыслами. Поэтому в практической деятельности человек может приостанавливать один объективный ход вещей и усиливать тенденцию другого объективного процесса. На уровне трансцендентной реальности человек в практической деятельности переживает целостность своей души и переживает целостность более высокого порядка, для которой первая целостность является частью. Такой целостностью, например, может быть семья, нация. Душа семьи по отношению к душе одного из близкого родственника будет выступать духом. Таким образом, на уровне трансцендентной реальности происходит глубинное общение души с духом.

Практическая деятельность, нарушая гармонию, может осуществляться либо только на уровне объективной реальности, либо только на уровне субъективной реальности. Практическая деятельность, основывающаяся лишь на учёте объективных законов, строго следуя им, без мировоззренческой рефлексии, без свободы творчества, выбора поведе-

ния, может привести к плачевным результатам. А что можно ожидать от абсолютизации свободы творческой субъективности практической деятельности? Ответ также понятен. В абсолютном свободном творческом порыве практической деятельности создаются абсурдные вещи, проявляется при этом неуважение к объективным законам, наслаждение новизной, теряется мера, нарушается целостность и гармония человеческого бытия. Сегодня, в эпоху постмодернизма, такая практическая деятельность является модной.

Глубинное общение неповторимой души с духом позволяет практической деятельности быть целостной. Для этого в человеке заложены родовые сущностные силы: религиозная и философско-мировоззренческая деятельность.

Литература:

1. Соловьёв В. С. Критика отвлечённых начал // Соловьёв В. С. Сочинения в 2 т. — Мысль, 1988. — Т 1. с. 691—709.
2. Каган М. С. Человеческая деятельность (Опыт системного анализа). М., Политиздат, 1974. 328 с.
3. Кветной М. С. Человеческая деятельность: сущность, структура, типы. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1974, — 224 с.
4. Сагатовский В. Н. Философия развивающейся гармонии. Часть 3: Антропология. — Санкт-Петербург, ООО «Петрополис», 1999. — 288 с.

УДК 168

К перспективе практической философии: к вопросу о новой парадигме науки и образования

To the perspective of practical philosophy: to the question of a new paradigm of science and education

Габриелян О. А., доктор философских наук, профессор кафедры философии естественнонаучного профиля философского факультета Таврической академии КФУ им. В. И. Вернадского

Сулейменов И. Э., доктор химических наук, профессор Алма-атинского института энергетики и связи, Алма-Аты, Казахстан
Gabrielyan O. A., Doctor of Philosophical Sciences, Full Professor of the Department of Philosophy of a Natural-science Profile, Taurida Academy, Crimean Federal V. I. Vernadskiy University
Suleimenov I. E., Doctor of Chemical Sciences, Professor, Almaty University of Power Engineering and Telecommunications, Almaty, Kazakhstan

Аннотация. В статье анализируется парадигма современной науки и образования. Показываются проблемы, которые свидетельствуют о необходимости перехода к новой парадигме, что обеспечит прорыв к четвертому технологическому укладу. Утверждается и обосновывается положение о том, что на протяжении всей истории науки и образования в основе парадигм, в контексте которых они развивались, лежали философские концепции как проекты. В настоящее время мы находимся в ситуации, когда возникла потребность в возрождении такого статуса философии. Авторы видят его в синтезе фундаментальных начал науки и искусства.

Abstract. The article analyzes the paradigm of modern science and education. The problems that indicate the need to move to a new paradigm that will provide a breakthrough to the fourth technological mode are shown. It is argued and justified the position that throughout the history of science and education at the heart of the paradigms in the context of which they developed, were philosophical concepts as projects. We are currently in a situation where there is a need to revive this status of philosophy. The authors see it in the synthesis of the fundamental principles of science and art.

Ключевые слова: философия, наука, образование, парадигма, мифология, мировоззрение.

Key words: philosophy, science, education, paradigm, mythology, worldview.

Мышление человека теснейшим образом связано с внетекстовыми структурами, его «первозлементом» являются не *понятия*, а *связи* между понятиями. В этом смысле попытки развить аппарат *формализованной* логики, рассуждения в которой будут строиться по схеме, так или иначе приближающейся к той, которую использует человек, по-видимому, бесперспективны.

В частности, даже попытки построить логику использующую модальные операторы, сталкиваются с более чем серьезными проблемами. Головной мозг человека, будучи нейронной сетью, оперирует не последовательными, а параллельными вычислениями, он оперирует образами, т.е. определенными *целостностями*. Методы, построенные на *анализе* этих целостностей, на расчленении их на составные части (понятия и т.д.), заведомо будут обладать ограниченными возможностями, что демонстрирует, в частности, современное состояние исследований в области нечеткой логики.

Точнее, любой естественный язык не имеет и не может иметь алгоритмической основы в том смысле, в котором этот термин используется применительно к *последовательным* вычислениям. Естественный язык также целесообразно рассматривать на основании аналогий с нейронными сетями. В частности, такая аналогия позволяет показать, что способность отражать реальность появляется благодаря тому, что сложная система понятий, между которыми существуют разветвленные связи, дает возможность реализоваться новому качеству.

Это — внетекстовые структуры, которые соотносятся с отдельными понятиями (словами естественного языка) примерно так же, как образы, хранимые и распознаваемые нейронными сетями, соотносятся с состоянием отдельных нейронов. Именно внетекстовыми структурами и оперирует человеческое мышление, во всяком случае, возможность оперировать именно ими составляет его важнейший атрибутивный признак, порождающий принципиальное отличие от любых алгоритмических процедур, так или иначе восходящих к логике Аристотеля.

Разумеется, высказанные соображения не означают, что тот способ мышления, который действительно использует человек, нельзя алгоритмизовать *вообще*. В противном случае вопрос о создании искусственного интеллекта неизбежно сведется к созданию некоторых более или менее удачных имитаций, обладающих ограниченными возможностями, хотя и не лишенными вполне определенного прикладного значения.

Следовательно, возникает закономерный вопрос — можно ли *адекватно* выразить новое (системное) качество, природа которого определяется *связями* между понятиями, через некоторые другие *понятия*? Иначе, насколько адекватно суть *внетекстовых* структур можно раскрыть через *текст*? Очевидно, что эту стадию исследований нельзя миновать, если говорить о создании алгоритмических процедур, приближающихся по стилю к человеческому мышлению.

Возможно, это действительно так, во всяком случае та парадигма, которая используется в настоящее время для генерации *смыслов* (в философском значении этого термина), пока порождает только понятийные аппараты вполне определенного типа. Они остаются слишком бедными для того, чтобы адекватно работать с внетекстовыми струк-

турами и *транслировать* их смысл с той же степенью сохранения исходной информации, которая характерна для современного научного языка.

По существу, с внетекстовыми структурами на сегодняшний день может оперировать только поэзия (или приближающиеся к ней по духу и стилистике формы). Она упаковывает смыслы в емкую форму, обращаясь одновременно к нескольким пластам человеческого сознания (от логического осмысления до личностного переживания). Парадоксально, но именно поэзию можно рассматривать как средство отражения сущего, максимально приближающееся по духу к тому, что обозначается термином «параллельные вычисления» (или «распределенные вычисления»), реализуемые нейронными сетями.

В учебниках по философии науки часто подчеркивается, что искусство есть еще один способ познания, который имеет такие же права на существование, как и наука, но кардинально от нее отличается.

Эта точка зрения одновременно и верна, и неверна. Как говорил один из отцов-основателей квантовой механики Нильс Бор, есть два вида истины: тривиальная, отрицать которую нелепо, и глубокая, высказывание противоположное которой есть также глубокая истина.

Противопоставление науки и искусства как различных средств отражения и познания сущего верно, но оно верно только в рамках одной, *вполне конкретной* парадигмы познания, возникшей в Западной Европе в период становления эпохи, именуемой Новое время. Данная парадигма, на наш взгляд, во многом исчерпала потенциал для дальнейшего развития. С этим, в частности, связана масштабная политическая поддержка тезиса о четвертой технологической революции, тезиса о Новом Просвещении, выдвинутого в юбилейном докладе Римского клуба и т.д.

Эта эпоха, коль скоро западноевропейская наука как социокультурная институция уже во многом потеряла интенцию к дальнейшему развитию, неизбежно потребует трансформации самой *парадигмы познания*. В известном смысле, сегодня мир вступает в исторический период сходный с тем, когда лорд Бэкон написал «Новый Органон», заложивший основы идеологии науки Нового Времени. Однако, нужно понимать, что, хотя парадигма науки Нового Времени и создавалась трудами вполне конкретных мыслителей, ее появление в то же время являлось и проявлением объективных закономерностей развития общества.

Систему делают системой связи между ее элементами: когда эти связи становятся достаточно разветвленными, в системе появляется новое качество. Сформулированный тезис важен для понимания того, как ведут себя сложные информационные системы, вошедшие в повседневную жизнь с появлением интернета. Телекоммуникационные сети, связывающие воедино значительную часть человечества, тоже порождают новое качество, природа которого ясна далеко не до конца. Однако уже на данном этапе исследований можно утверждать, что системы такого рода обладают своим собственным *поведением*, причем контролировать его в полной мере пока также невозможно, коль скоро не известны ни закономерности, которым такие системы подчиняются, ни то, что же они представляют собой *на самом деле*. Впрочем, человечество издавна научилось работать с различного рода явлениями и системами, природа которых остается неясной. В частности, уже сейчас нетривиальное поведение сложных коммуникационных систем обеспечивает возможность их использования в информационных войнах, характер ведения которых также претерпевает стремительные трансформации.

Широкое внедрение в практику «интернета вещей», очевидно, может только усилить рассматриваемые тенденции, выражающиеся в том, что объекты, отвечающие категории сложного, и есть база для четвертой технологической революции.

Иначе, четвертая технологическая революция есть прорыв в иное измерение — в «зазеркалье», в то малопонятное пока пространство, в котором существуют объекты, пусть и составленные из понятных и сравнительно простых элементов, но обладающие *совсем иной природой*.

Современная капиталистическая экономика, в основе которой лежит мировая кредитно-финансовая система давно и необратимо приобрела экспансионистский характер. Она остро нуждается в новых пространствах для *экспансии* (некогда таким пространством для экспансии служили колонии). Не будет большим преувеличением сказать, что текущий кризис, перешедший в манифестированную форму в 2008 г., обусловлен как раз тем, что ранее существовавшее пространство для экспансии уже в значительной степени исчерпано. Глобализация, рассматриваемая как проект, де-факто представляет собой реализацию последних возможностей, связанных с экспансией в географическом пространстве; иных в обозримом будущем уже не просматривается — площадь поверхности Земли конечна, а прорыв в Космос откладывается на неопределенный срок в силу весьма высокой стоимости доставки грузов даже на околоземную орбиту.

Соответственно, прорыв в «зазеркалье», в пространства, сформированные системами, отвечающие категории «сложного», является, в прямом смысле слова, спасением для мировой кредитно-финансовой системы, едва ли не единственным средством преодоления текущего кризиса. Определенные надежды в этом отношении не так давно возлагались на нанотехнологию; собственно, нанотехнология также изначально задумывалась как прорыв в иные пространства — прорыв на нижние этажи строения материи. (Как заметил крупнейший американский физик Ричард Фейнман, автор знаменитых фейнмановских лекций по физике, «там, внизу очень много места».) Увы, нанотехнология получила много важных и интересных результатов, но исходную макроэкономическую задачу — обеспечить *системную* генерацию инноваций в целях выхода из текущего глобального кризиса — она так и не сумела решить. Это — еще один аргумент в пользу прорыва в «зазеркалье»: если не удалось обеспечить экспансию на более низкие этажи строения материи, то остается двигаться в противоположном направлении — на более высокие, те, которые образованы *сложными* системами.

Соответственно, вопрос о создании иной парадигмы науки и образования год от года становится все более актуальным. Точнее, вопрос о синтезе искусства и науки как двух способов постижения сущего (противопоставляемых только в рамках западноевропейской парадигмы науки) уже пора переводить в практическую плоскость.

На первый взгляд, те средства, которые использует, скажем, поэзия, малопригодны для решения задач, связанных с наукой и техникой. Однако, это не более чем распространенное заблуждение, обусловленное, во-первых, узкой специализацией большинства научных работников, а, во-вторых, тем, что означенное большинство уже практически не думает об истоках, наивно полагая, что современному человеку, пользующемуся компьютером, нечего искать в пыльных фолиантах прошлых столетий.

Как подчеркивал крупнейший математик и философ начала XX века Бертран Рассел в знаменитом трактате «История западной философии», наука никогда не была полностью свободна от «родимых пятен», порожденных первоистоками. Наука Древней Греции, передавшая затем эстафету Западной Европе, родилась из Мифа (представлявшего собой некий синтез того, что после стало Наукой, Религией, Искусством и Правом) и сохранила многие его черты.

Об этом мало кто задумывается, но многие (если не все) значимые открытия в физике, заложившие фундамент западноевропейской науки, де-факто или были непосредственно созданы на мифопоэтической основе, или мифопоэтика служила мотивацией для их авторов.

Можно предвидеть целый ряд возражений. Одно из них может звучать, например, так: да, наука некогда создавалась на основе мифологии и ее мифопоэтики, но все это — дела давно минувших дней, современная наука работает в парадигме, очищенной от «посторонних примесей».

Возражения такого рода несостоятельны. Во всяком случае, в полном соответствии с диалектикой, те факторы, которые некогда обеспечили западноевропейской науке неоспоримые преимущества, с течением времени должны были обратиться — и обратились

— в недостатки. В таблице представлено сопоставление положительных и отрицательных сторон существующей (западноевропейской) парадигмы научного знания.

Некоторые достоинства и недостатки парадигмы, противопоставляющей науку и искусство

Достоинства	Недостатки
Возможность транслировать знание при минимальных искажениях передаваемой информации.	Возникновение серьезных препятствий для создания целостной картины мира, деградация философского знания, самоизоляция философии.
Возможность создания эффективных формализованных процедур, обеспечивающих верификацию результатов.	Ритуализация научных исследований, возникновение предпосылок для засилья бюрократии, в том числе «научной» бюрократии.
Упрощенная схема воспроизводства профессионального сообщества, упрощенная схема подготовки кадров.	Возникновение предпосылок для массового появления псевдоученых, «организаторов науки» и т.д.
Профессионализация мирового научного сообщества, «конвейерный» метод получения и внедрения результатов научной деятельности.	Потеря эффективных механизмов взаимодействия между наукой и мировыми элитами.
Возможность создания специфических инструментов исследования для каждой из отраслей знания.	Неконтролируемый процесс дифференциации научного знания, неконтролируемый рост количества «серых» научных публикаций, «зашумление» базовых каналов передачи информации.

Каждый из пунктов в этой таблице заслуживает самостоятельного исследования.

Один из основных недостатков, на которых делается акцент при противопоставлении науки и искусства как методов постижения сущего, связан с *устойчивостью* трансляции знания.

Упрощая стиль подачи и изложения материала, который в настоящее время рассматривается как канонический, обеспечивает, с точки зрения теории информации, минимальные искажения в коммуникационном канале. Упрощая далее, парадигма образования, восходящая к «Дидактике» Яна Амоса Коменского [1], предполагает, что преподаватель сообщает студенту заранее определенный объем сведений, а потом проверяет, как они были усвоены.

В эпохи предыдущих технических революций такой подход был более чем оправдан: экономика стран, ставших на путь научно-технического прогресса, требовала *массовой* подготовки квалифицированных кадров. На первый план выходили именно те *компетенции* — умение адекватно мыслить и действовать в предложенных обстоятельствах. Навыки теоретического мышления (в особенности философского характера) в таких условиях неизбежно отходили на второй план, и результат не заставил себя ждать — многие современные специалисты, уверенно настраивающие компьютеры и коммуникационные сети, только отдаленно представляют себе, откуда в розетке берется электрический ток.

Впрочем, это далеко не самое страшное. Ориентация на жесткие нормативы (в том числе нормативы, определяющие содержание каждой специальности, и так называемый «компетентностный подход») привела к тому, что философия, некогда действительно направлявшая развитие науки, потеряла свою роль объединяющего начала для частных наук.

Это, в свою очередь, вылилось в потерю интенции к дальнейшему развитию, что было неизбежным и закономерным результатом. Поясним. Каждая из существовавших научных дисциплин в своем развитии проходила стадию *протонауки*, то есть некогда она была *проектом*. Этот проект не мог появиться на свет иначе как через генерацию определенных *смыслов* (в философском значении этого слова), идей, взятых «из ниот-

куда», точнее, составляющих *акт творчества* в самом высоком смысле этого слова. («Я начертил *проект* химической философии» — это дословная цитата из Р. Бойля, чье имя сегодня известно школьникам по закону Бойля-Мариотта.)

Более того, сама западноевропейская наука тоже некогда была *проектом*, в чем убеждает даже поверхностное чтение «Нового Органона» лорда Бэкона.

Любой проект и его последующую реализацию можно уподобить добыче золота. Первооткрыватели вначале обращают внимание на то, что лежит на поверхности (можно просто промывать песок, в котором и вовсе попадаются крупные самородки). Потом стоимость добычи, по мере исчерпания наиболее доступных месторождений, растет. Содержание золота в руде, которую считают пригодной для переработки, падает все больше и больше. С течением времени золото уже начинают добывать из отвалов, то есть из той породы, которую раньше сочли негодной.

Так и любой проект, построенный на генерации новых *смыслов*, вначале позволяет получать результаты сравнительно простыми и дешевыми методами. По мере того, как уже полученных результатов в конкретной научной дисциплине становится все больше и больше, требуются и все увеличивающиеся усилия (и расходы) на получение новых.

Данная точка зрения имеет неопровержимое подтверждение — производительность капитала, вкладываемого в научные исследования и перспективные разработки, неуклонно снижалась на протяжении второй половины XX века, а сейчас снижается еще более высокими темпами. Собственно, именно это обстоятельство и обеспечило *политическую* поддержку тезису о четвертой технологической революции на уровне мировых элит.

Кризисные явления в современной науке, по существу, есть кризис, связанный с потерей механизмов, обеспечивающих генерацию новых *смыслов*. Это — кризис недостатка *проектности*.

Возможности устоявшихся научных дисциплин в этом плане достаточно скромны — просто потому, что каждая из них представляет собой *уже реализованный* проект. Именно это важнейшее обстоятельство возвращает и к вопросу о восстановлении значения философии, и к вопросу о мифопоэтике как составной части знания.

Синтез науки и искусства на сегодняшний день является едва ли не единственным средством преодоления кризиса проективности. Прежде всего, в силу самоизоляции философии и иных классических форм обеспечения проективности.

Да, соответствующие средства сохраняют вполне определенные (и хорошо известные) недостатки, но на данном историческом этапе это не столь существенно. Современная наука нуждается не в догмах и неудобочитаемых текстах, а в новых *идеях*, а следовательно, в инструментах, которые позволят генерировать новые идеи *системно*. Возможно, со временем они тоже окостенеют в канон, но на то и периодически повторяющиеся технологические революции, отбрасывающие отжившее и утверждающие новое.

Сходные соображения можно высказать и применительно к существующей парадигме высшего образования, восходящей к «Дидактике» Яна Амоса Коменского [1]. В настоящее время ее вполне можно считать устаревшей. Это выражается, например, в том, что по целому ряду показателей, прежде всего, экономического характера, современная высшая школа неуклонно теряет ранее занимаемые позиции, причем ее классическое построение (классно-урочная система и т.д.) проигрывает даже не в конкуренции с еще только разрабатываемыми системами искусственного интеллекта, но даже в конкуренции с уже существующими образовательными ресурсами.

Подчеркнем, существование таких ресурсов не отменяет и не может отменить человеческого фактора. Но, человеческий фактор в таких условиях — это, прежде всего, значит, что педагог должен не поучать и, тем более, не концентрироваться на проверке качества воспроизведения учебного материала, а *вести за собой*. Он сам должен быть, прежде всего, *личностью*, что невозможно обеспечить, если преподаватель университета не будет обладать соответствующим общим уровнем культуры *на уровне целостного*

мировоззрения. Целостность мировоззрения, в свою очередь, предполагает, что педагог, вносящий *человеческий фактор* в систему образования, использующую возможности искусственного интеллекта, обязан обладать и научной культурой, неотъемлемой частью которой является философия, и той культурой, которая выражает извечное устремление лучшей части человечества к высшим ценностям. Эти пласты культуры неразрывно и глубоко связаны с мифологией. Отмеченное свидетельствует, что нам стоит ожидать ренессанс философии в обозначенной нами практической перспективе.

Литература

1. Коменский Я. А. Великая дидактика (Избранные главы) / Я. А. Коменский, Д. Локк, Ж.-Ж. Руссо, И. Г. Песталоцци. Педагогическое наследие. — М.: Педагогика, 1989 г. — 416 с.

II ГОРИЗОНТЫ МЕТОДОЛОГИИ

УДК 101

**Конвергенция — возврат естествознания в лоно практической философии?
Convergence — return of natural science in the lono of practical philosophy?***Трифонова М. К.*, доктор философских наук*Trifonova M. K.*, Doctor of Philosophy Sciences

Аннотация. В данной статье поднимается проблема роли знания и месте человека в технократической цивилизации. А также предложены возможные сценарии человеческого будущего и способы решения возможных технократических катастроф.

Abstract. The problem in this article is the role of knowledge and the human place in a technocratic civilization. And also possible scenarios of the human future and ways of solving possible technocratic catastrophes are explored.

Ключевые слова: глобализация, трансформация, научное знание, технологии, технократия, трансгуманизм, гуманизм, антропный принцип, будущее.

Key words: globalization, transformation, scientific knowledge, technology, technocracy, transhumanism, humanism, anthropic principle, the future.

1. По мере ускорения процессов глобализации современный мир все глубже втягивается в разновекторные цивилизационные трансформации как общего, так и регионального характера. Одним из очевидных последствий современного мирового развития является формирующееся на наших глазах «общество знаний», которое, по словам автора этого концепта, американского учёного Питера Дракера, может уже в ближайшей перспективе качественно изменить природу общественного труда, высшего образования и сам способ функционирования общества как сложной взаимосвязанной системы. Соглашаясь с этим, Б. Г. Юдин подчеркивает, что новые научные знания и технологии становятся модусом существования, сутью современного общества.

Впервые концепт «знание» применительно к обществу в официальных документах появился на саммите ЕС 2000 года в Лиссабоне. Но в них говорилось об экономике, основанной на знании. Позднее в декларации Организации американских государств речь шла уже об обществе, основанном на знании, под которым прежде понимались информационно-коммуникативные технологии. В обществе знаний на первое место выдвигается вопрос об инженерии знаний и об экспертных системах, основанных на использовании искусственного интеллекта. Однако, как подчеркивает известный философ Эвандро Агацци, экспертные системы в жизнедеятельности людей должны оставаться лишь инструментами, они не могут заменить истинное понимание проблем. Понимание и является той способностью, которую нельзя заменить совокупностью технических операций и которой можно только обучить человека. А это уже задача образования. В этом контексте возникает задача проанализировать многообразие отношений науки (с её особым положением в обществе знаний) и образования на современном этапе.

Не менее остро встает и другая проблема, связанная с местом человека в технократической цивилизации.

В связи с современным этапом научной революции все громче раздаются голоса сторонников так называемого трансгуманизма. Это теоретическое движение возникло в США в последнее десятилетие прошлого века и довольно скоро стало распространяться в других странах мира. Представители этого течения ставят своей задачей обосновать необходимость «усовершенствования» традиционного человека, вплоть до замены его иной формой бытия. Речь идет о возможном уже в ближайшем будущем появлении так называемого «постчеловека». Научно-технологическая революция характеризуется огромными

успехами в области молекулярной нанотехнологии, вживляемых компьютеров и т. п. Все это подготавливает серьезную базу по антропологическому изменению человека как родового существа. В оценке возможного влияния достижений технологического прогресса (и прежде всего в сфере Ш-ТесЬ) на перспективу человека можно выделить три подхода:

парадигма трансгуманизма, предсказывающего скорый конец традиционному человеку;

классический гуманизм, полагающий, что человек сохранит свои основные антропологические константы при любом варианте эволюции современной цивилизации;

компромиссная философско-антропологическая версия, согласно которой трансформация человека в его нынешней форме неизбежна, но она не приведет к отрицанию его сущностных черт.

Следует отметить, что концепция трансгуманизма возникла не на пустом месте. Её теоретически подготовили философы второй половины XX в., провозгласившие «смерть человека» (конструктивизм, структурализм, постмодернизм). Перспектива «расчеловечивания человека» рисуется в двух тональностях: оптимистической («техническое преобразование человека» вплоть до его бессмертия) и пессимистически-фаталистической (киберсущество как неизбежный этап развития).

2. Самый известный афоризм Канта, бесконечное число раз цитируемый и самым неожиданным образом интерпретируемый, в конце XX — начале XXI веков получил неожиданную трактовку. Звездное небо в его бесконечности предлагают рассматривать не только как нечто симметричное бесконечности нравственного совершенства человека, но и как учителя, как предостережение, как источник чрезвычайно актуальных сегодня знаний о возможностях нашей цивилизации. Скажем, судьба Марса (по утверждениям некоторых и публицистов, и ученых) может ожидать Землю, если мы не перестанем разрушать экологическую целостность нашей планеты, а также экспериментировать с ядерным оружием. Релятивизм нравственных установок, безусловно прогрессирующий последние десятилетия, способствует указанным предположениям.

Актуальность такого акцента в понимании романтической формулы Иммануила Канта усиливается тем, что «нравственный закон внутри нас» ныне сплошь и всюду дает сбой, и все чаще можно столкнуться с тезисом о нравственной деградации современного человечества, недопустимом антигуманизме и воинственности многих его представителей, критической массе накопленного атомного вооружения и т.д. Но мне кажется, что пессимистический взгляд на симметрию человека и космоса отвергается некоторыми важными мировоззренческими посылками, в частности, так называемым «антропным принципом», рассматриваемым и как физическая гипотеза, и как философская установка.

«Антропный принцип», обоснованный многими естествоиспытателями (Б. Картер, Дж. Уилер, Ф. Типлер, С. Хокинг и др.) и философами (А. Зельматов, И. Шкловский, И. Розенталь) изначально рассматривает человека в таком широком контексте, что любые его недостатки должны быть восприняты как частности, временные и преходящие характеристики. Мне особенно интересен он в парадоксальной формулировке Уилера: «вот человек; какой должна быть Вселенная?» Особенности нашего звездного мира дают нам шифр к пониманию того направления прогресса, в котором развивается человек. Ключ к пониманию истинной природы человека находится и в космическом мире, и нам еще придется использовать этот масштаб и для разгадки тайны живого, и для выявления свойств и границ разума, и для уточнения пределов и специфики научного познания, и для понимания роли чувств и возможностей нравственности в общем прогрессе... и т.д. и т.п. И, может быть, пустыни Марса — это тоже урок и знак?

3. То, что нынешний этап в развитии научного знания совершенно особенный — доказывать не приходится, это очевидно всем, в первую очередь, поколению, которое не представляет свою жизнь без компьютера, мобильного телефона и информационных технологий. Завершается этап развития нашей цивилизации, базирующийся на активно-преобразовательном отношении к окружающей среде. Не покорять ее во благо себе, использовать любые средства, а действовать соответственно ее природе, учитывая ее потребности и, по возможности, используя ее «технологические приемы».

Но остановимся прежде коротко на истоках того понимания естествознания, которое просуществовало более трех столетий и связано с появлением монументального труда И. Ньютона «Материалистические начала натуральной философии» (1687). По своему замыслу и универсальной нацеленности система Ньютона проявляется как продолжение дела философии; по способу мышления, методу исследования, концептуальной структуре теории она выступает как естествознание, впервые заявляющее о своем самостоятельном существовании. Использование методов и принципов конкретной науки в решении по традиции относимых к философии проблем способствовало триумфу науки. По этому поводу Лагранж с завистью отметил, что ученым дан всего один «универсум» и Ньютон уже успел его объяснить. Ныне цивилизационный кризис охватывает все сферы общественной жизни — экологию, ресурсы, экономику, социально-политическую, финансы и т. д. Существует реальная опасность превращения влияния технологических процессов в неуправляемое и необратимое. Это тревожит многих специалистов, ученых, людей самых разных профессий и уровня образования. Учреждения и целые страны намечают пути выхода из системного кризиса, но, как правило, эти пути носят либо частичный, либо ограниченный характер. Решение проблемы, очевидно, надо искать в той же сфере, где она возникла: в гармоничных взаимоотношениях с природой, в новых связях науки и мировоззрения, в гуманистической и прогрессивной направленности деятельности человека. Блестящий, на мой взгляд, проект (глубокий и имеющий множество позитивных последствий), предлагает М. Ковальчук и руководимая им в рамках Курчатковского института группа НБИКС-технологий. Замечательно, что выход он находит не в очевидном, а в философских, даже методологических проблемах, говоря о том, что основная парадигма эволюции науки была (вплоть до середины XX века) связана с анализом, дроблением знаний. Это привело к созданию узкоспециализированной системы науки и образования, росту профессионализма (что положительно), и вместе с тем к глобальному тупику, ситуации безысходности. «Задача преодоления системного кризиса цивилизации, выживание человечества становится задачей формирования новой ноосферы, где техносфера будет ограниченной составляющей биосферы».

Построенная на отраслевом принципе техносфера просто не совместима с биосферой. Нужны принципиальные решения, построение новой техносферы.

М. Ковальчук настаивает на том, что период усиленной дифференциации знания остался в прошлом. Для сегодняшней науки характерна теснейшая взаимосвязь, взаимопроникновение, взаимовлияние не только отдельных дисциплин, но и «блоков» знания. Конвергентные нано-, био-, инфо-когнитивные науки и технологии (НБИК-технологии) не только приближают нас к пониманию процессов, происходящих в живой природе, но и открывают возможность адекватно копировать их.

Хочется отметить, что за указанными новыми подходами стоит не только новаторский взгляд на систему знания, но — новая философия науки, целостная картина окружающего мира и места человека в нем.

4. Разумеется, что подготовить философские кадры, которые смогли бы не только разобраться в этом спектре новаторских идей, но и продуктивно работать здесь — задача чрезвычайно актуальная. Но и сложная. Возможно, начинать надо с изучения истории науки, истории взаимоотношений конкретнаучного, психологического, социального и философского знания. Но мне кажется, что формировать кадры для развития будущего знания в том ракурсе, в котором видит его М. Ковальчук, может помочь и программа «Философия для детей», о которой мы много говорили несколько лет назад, но потом благополучно забыли. Напомню: это движение родилось несколько десятилетий назад по инициативе преподавателя Колумбийского университета Метью Липмана. Сейчас она внедрена в 45 странах. В Мадриде организован «Международный комитет по философскому исследованию вместе с детьми», который координирует и обобщает усилия педагогов разных стран. У нас ее усиленно пропагандировали Н. Юлина и М. Телегин. Пытались внедрить ее и в Крыму, но без поддержки, в том числе организационной и финансовой, это сделать трудно. Уместно здесь процитировать несколько строк из учебника Н. Юлиной:

«...крайне ограниченные средства, выделяемые из госбюджета России на образование — это бомба замедленного действия, грозящая не только падением интеллектуального уровня российского населения, но и делающая общество заложником насилия» [5, с. 169].

Здесь не время и не место останавливаться на педагогических или теоретико-философских особенностях метода «Философия для детей». Скажу лишь, что она очень тонко вписывается в ту картину современного знания, которую рисует в своих книгах и выступлениях М. Ковальчук и другие прогрессивные исследователи. Перед нами возникает убедительное обоснование того, что роль философии в структуре различных областей естественного, психологического, социально-общественного знания сегодня резко возрастает, и будет очень обидно, если мы, профессионалы, окажемся к этому не готовы.

5. Поразительно, но самые основные вопросы, перед которыми останавливаются сейчас (в практическом, прагматическом и теоретическом планах) при аналитическом рассмотрении оказываются именно теми проблемами, которые больше всего волновали первых философов: в чем тайна живого? Что отличает живого от неживого? Что есть человек? Какова природа сознания и души? Является ли человек частью природы или ее господином? и т. д. и т. п. Поэтому есть основание утверждать, что естествознание (проявляя огромный круг развития, оказалось вновь перед основными загадками бытия, которые взволновали пытливым ум древних египтян и греков. Правда, ответы на эти радикальные вопросы наука пытается найти не только при помощи теоретического и философствующего разума, но и с применением инструментальных, информационных и экспериментальных, и аналитико-теоретических средств, имеющихся сейчас в ее распоряжении.

Литература

1. Трифонова М. К. Наука. Образование. Человек. — Симферополь, 2012.
2. Трифонова М. К. Современная научная революция. — Киев, 1987.
3. Лазарев Ф. В., Трифонова М. К. Структура познания и научная революция. — М., 1980.
4. Телегин М. В. Воспитательный диалог. — М., 2012.
5. Юлина Н. С. Философия для детей. — М., 2005.

УДК165.0:130.2

Развитие методологического сознания в сфере социально-гуманитарных наук (интервальный подход)

Development of methodological consciousness in the sphere of social and human sciences (interval approach)

Креминский А. И., кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии естественнонаучного профиля
Крымского федерального университета
им. В. И. Вернадского
Kreminskiy A. I., candidate of philosophy, associate professor,
associate professor of the department of philosophy
of the natural science profile
Crimean Federal V. I. Vernadsky University

Аннотация. В статье утверждается, что интервальная методология позволяет разработать для социально-гуманитарных наук методологию познания, опирающуюся на методологическое осмысление опыта изучения сложных объектов в естествознании.

Abstract. Interval methodology allows us to develop a methodology of knowledge for social and human sciences, based on methodological comprehension of the experience of studying complex objects in natural science.

Ключевые слова: методологическое сознание, интервальный подход, социально-гуманитарные науки, культура интервального мышления.

Key words: methodological consciousness, interval approach, social and human sciences, culture of interval thinking.

В XIX веке, как отмечал Ортега-и-Гассет, гуманитарные науки, в свете бурного развития естествознания, испытывали своего рода комплекс неполноценности. Создавалось впечатление, что в то время как «науки о природе» успешно продвигаются вперед, «науки о духе» испытывают определенный застой. В методологическом сознании зрела мысль о том, что необходимо искать пути преодоления отставания вторых от первых. Однако в начале XX века происходит резкий сдвиг в понимании рассматриваемой проблемы. В сущности, именно в эти годы закладываются основы методологии социально-гуманитарного знания. Речь идет о разработках таких философов, как В. Дильтей (философия жизни), В. Виндельбанд (баденская школа неокантианства), Г. Риккерт (неокантианство) и др.

Первый тезис нового подхода заключался в том, что естественные и гуманитарные науки качественно различаются между собой по своему предмету, по познавательным стратегиям и методам исследования. В то время как естественные (номотетические) науки изучают общее, закономерное в явлениях действительности, исторические (идиографические) науки фокусируют свое внимание на единичном, неповторимом. Кроме того, в «науках о природе» главным является метод «объяснения», в социальном же познании ключевым выступает метод «понимания» как непосредственное постижение той или иной социокультурной целостности (герменевтика). Позднее, благодаря работам Ф. де Соссюра, в корпус гуманитарного знания прочно входит структурный метод, который акцентировал внимание на выявлении тех или иных объективных характеристик в гуманитарных исследованиях. Известно, что этот постулат отстаивали марксисты, начиная еще с середины XIX в. Кроме того, опыт развития таких наук, как физика, показал, что в свете научной революции проблема *понимания* может быть в точных науках не менее важна, чем в «науках о культуре».

В 50—70 гг. прошлого столетия вслед за структурализмом активно заявляют о себе такие подходы, как системный, холистический, функциональный, синергетический. Эти

новые подходы и методы показали, что различия между двумя типами наук, на которых настаивали неокантианцы, лежат не только в контексте диалектики единичного и общего, но и диалектики части и целого, однолинейной детерминированности и вероятности. В свете этого становилась все более очевидной та истина, что главное отличие естественных и социально-гуманитарных наук заключается в *чрезвычайной сложности* предметов исследования в социокультурной сфере. Речь идет о сложности совершенно другого уровня и другого качества. Второе, не менее важное отличие — множественность и многомерность предмета в науках гуманитарного профиля.

Следует отметить, что со сложностью и многоуровневостью своего предмета на рубеже XIX и XX вв. столкнулась и физика. И она успешно разработала новые методы постижения более сложных уровней бытия (переход от классической физики к релятивистской и ядерной). На этом пути были сформулированы такие принципы, как принцип дополнительности, наблюдаемости, соответствия и др. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что опыт изучения сложных объектов и явлений в естествознании и его методологическое осмысление позднее оказался весьма полезным и для развития гуманитарной мысли. Однако для того, чтобы этот опыт был всесторонне осмыслен применительно к гуманитарной сфере, потребовалась разработка новой интервальной методологии (Ф. В. Лазарев, М. М. Новоселов, С. А. Лебедев). Интервальный подход, который во многом вырос из рефлексии над развитием естественных наук, в современных условиях особую актуальность приобретает именно для гуманитарного знания.

Осознание того фундаментального факта, что гуманитарное знание имеет дело с объектами особого уровня сложности и многомерности, поставило задачу понять, как теоретически осваивать такого рода объекты. Именно на этот вопрос призвана была в первую очередь ответить интервальная методология. Последняя исходит из того, что любой сверхсложный объект в своем реальном бытии актуализируется лишь в том или ином интервале, благодаря чему происходит редукция от целого к части, от бесконечного к конечному, от сложного к простому. На следующем этапе познания логика исследования приводит к тому, что ученый переходит к другому смысловому горизонту, к другой перспективе видения объекта. В результате происходит новое концептуальное сечение исследуемой реальности и новая редукция. Так шаг за шагом наука охватывает всю совокупность аспектов объекта, которые объединяются в некоторую конфигурацию интервалов. Не осознав специфику объектов социально-гуманитарных наук, их качественное отличие от объектов естествознания, философ не может разработать адекватную методологию познания. На этом пути методологическое сознание столкнулось прежде всего с антитетикой единичного и общего (неокантианство), затем с попыткой понять специфику объяснительных процедур (герменевтика). Следующий шаг — это использование структурного метода в контексте диалектики синхронного (структурного) и диахронного (эволюционного). Наконец, гуманитарное знание обращает внимание на роль категории целого и понятия контекста, ситуативности при описании социокультурных феноменов.

В свете сказанного по-новому раскрывается и проблема специфики философского знания. В рамках классической традиции было принято считать, что природа философского знания связана с предельной универсальностью ее проблем и объектов. Если отдельные, конкретные науки изучают частные аспекты и уровни бытия, конечные закономерности, то философия осмысливает мир как целое, как универсум, формулируя «наиболее общие законы развития природы, общества и человеческого мышления». В какой-то степени Гегель пересматривает этот традиционный взгляд, когда утверждает, что философское осмысление предмета — это рассмотрение его в контексте диалектики бытия и познания в его внутренней противоречивости. Появились и другие концепции на этот счет, в частности, была высказана точка зрения, согласно которой специфика философской рефлексии — это удержание направленности мысли в контексте диалектики субъекта и объекта, бытия и мышления, идеального и материального. Экзистенциалисты пытались повернуть философствование лицом к экзистенциальному измерению чело-

веческого бытия. Еще ранее К. Маркс увидел в философии инструмент революционно-практического преобразования общества.

Согласно интервальному подходу, специфика рассмотрения любого объекта в философском плане — это его анализ как многомерного феномена. Философия и наука олицетворяют две стратегии познания. Конкретная научная дисциплина изучает мир в каком-то одном измерении, одном интервале абстракции. Философия же есть форма рациональности, которая способна обеспечить постижение многомерности бытия. Опыт развития методологической культуры показал, что философская картина мира формируется как синтез разных способов видения действительности, как «единство многообразия». Таким образом, многомерность становится ключевой категорией для осознания специфики философии как формы рациональности. Если взглянуть на историю развития философской мысли в контексте антитетики изменчивости и устойчивости, то начиная с Гераклита и Парменида, философы пытались найти эффективные методологические установки для адекватного понимания и адекватного подхода к описанию мира. В результате сложились две интенции, которые Гегель определял как метафизическую и диалектическую. Комментируя эту проблему, К. Поппер писал: «Ибо то, что Гегель называет «метафизикой» — в противоположность «диалектике», — есть просто такая рационалистическая система, которая не принимает во внимание эволюцию, движение, развитие, то есть пытается представить действительность стабильной, неподвижной и свободной от противоречий» [1]. В этом смысле можно сказать, что в истории мысли существовало два фундаментальных способа постижения вещей, которые можно условно назвать «метафизическим» и «диалектическим». Своеобразным синтезом этих методов выступает интервальный подход, в котором полярность изменчивости и устойчивости выступает как дополнительный аспект бытия.

Как видим, тезис о зависимости научных истин в области гуманитарных наук от определенных, объективно сложившихся обстоятельств, предпосылок и т.д., не является характерным только для интервальной методологии. Отличие последней от предшествующих концепций заключается лишь в том, что здесь этот тезис проведен более последовательно, всесторонне и глубоко. Интервальная методология шаг за шагом вскрывает все существующие типы предпосылок — онтологические, исторические, социальнокультурные. Для понимания природы гуманитарного знания важно понимание диалектики внутреннего и внешнего, а также потенциального и актуального. Взгляд на социокультурную реальность изнутри соответствующего интервала и взгляд на ту же самую реальность извне дает нам разные картины. Таким образом можно сказать, что в современном социогуманитарном дискурсе резко возрастает значимость философской методологии, способной быть инструментом, адекватным запросам и реалиям науки XXI века.

Литература

1. Поппер К. Что такое диалектика? // Вопросы философии. — 1995. — №1. — С.130
2. Лазарев Ф.В. Конститутивное мышление как концепт интервальной эпистемологии // Академия знаний: научный журнал. — Симферополь, 2011. — №1-2. — С. 3—7
3. Лазарев Ф.В. Как возможна истина в социально-гуманитарных практиках: культурные и конститутивные предпосылки // Учёные записки ТНУ им. В.И. Вернадского. — Симферополь, 2011. — Том 24 (63). — №3—4. — С.54—61
4. Креминский А.И. Интервальная методология в контексте современной науки и культуры. — Симферополь, 2011. — 384 с.

УДК 93/94

Историческая наука: перипетии современной методологии.

History Science: Peripeteia of the Modern Methodology

Коскова А. С., аспирант 1 года обучения кафедры новой и новейшей истории Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского

Koskova A. S., 1 year postgraduate student, Department of Modern and Contemporary History Taurida Academy Crimean Federal V. I. Vernadsky University

Аннотация. В статье обозначаются и анализируются актуальные для гуманитарного знания в целом, и для исторической науки в частности, проблемы истории и практической философии в новой постмодернистской парадигме научного мировоззрения, проблемы обоснования научности гуманитарных отраслей знания. Автор определяет место истории в системе социально-гуманитарных наук и раскрывает вопросы методологии и метода в современной исторической науке, как требующих наиболее пристального внимания и дальнейшей разработки со стороны научного сообщества.

Abstract. The article describes and analyzes the problems of history and practical philosophy in the new postmodern paradigm of scientific worldview, the problems of substantiation of the scientific nature of humanitarian branches of knowledge, which are vital for humanitarian knowledge in general, and for historical science in particular. The author defines the place of history in the system of social sciences and humanities and reveals the issues of methodology and method in modern historical science as requiring attention and further development by the scientific community.

Ключевые слова: постмодернизм, методология истории, исторический метод, социально-гуманитарное знание.

Key words: postmodernism, methodology of history, historical method, social and humanitarian knowledge.

В течение XX в., в целом, гуманитарные науки и, в частности, «царица наук» — история не раз подвергались сомнению в свете объективно общего упадка социальной функции гуманитарного знания на фоне возвышения естественнонаучного: действительно ли социально-гуманитарные науки являются таковыми в сравнении с естественными, достоверны ли получаемые ими знания, являются ли они научно обоснованными. Ряд подобных вопросов требует ответов от гуманитарных исследователей различного профиля и постоянной научной саморефлексии.

С конца XX в. теория исторической науки пребывает в кризисном состоянии. К исторической науке, как представителями естественных наук, так и социально-гуманитарных, предъявляются следующие «обвинения»: идеолого-политическая профанация истории со стороны государства, возможность манипуляции наукой в конъюнктурных и, как правило, в узкопартийных или националистических интересах, проблемы в терминологическом аппарате исторической науки: отсутствие четко, единожды и навсегда выработанной терминологии, плюрализм интерпретации фактов, методологическая анархия и др.

Серьезный вызов данной сфере знания, а также, в целом, гуманитарному знанию был сделан Постмодернизмом, представители которого особо остро поставили под сомнение познавательные способности истории, а также способность историка как субъекта познания к адекватной интерпретации, соответственно, подвергнув критике научный статус истории. Подобное сомнение незамедлительно потребовало пересмотра базиса исторической науки, четкого формулирования критериев ее научности, унификации ме-

тодологического и терминологического аппарата. В свою очередь, постмодернистская критика, как системный вызов, реакция на кризисные явления в той или иной сфере знания, обострив накопившиеся проблемы в исторической науке, в состоянии открыть новые пути соответствующего ей познания мира и способствовать формированию целостной, более совершенной методологии исторического знания.

Для того, чтобы разобраться в сложившейся кризисной ситуации, понять необходимость признать или не признать историческое знание научным, провести собственное научно-историческое «расследование», автор выясняет содержание термина «наука», критерии классификации наук, определяет соответствие истории заданным параметрам социально-гуманитарного знания и ее место в последнем.

Одна из основных отличительных особенностей гуманитарных наук заключается в следующем: если в естествознании результаты исследования, как правило, объясняются объектом, а ученый оставляет свою философскую позицию за пределами лаборатории и становится на время исследования объективистом, то в области социально-гуманитарного знания философско-мировоззренческие установки познающего субъекта перманентно сопровождают познавательную деятельность и имеют важное методологическое значение, непосредственно влияющее на результат [5, с. 33].

Высокой философской культуры гуманитария в качестве основы критического мышления требует сложность предмета и постижения его истины в гуманитарных науках. В этой связи следует сказать и об относительности истины (неполноте достигнутого знания) как об ограниченности, связанной с личностью исследователя, однако не означающей ее субъективности или плюралистичности. В любом научном познании истина всегда остается объективной, а ее неполнота и односторонность/ограниченность преодолеваются учеными за счёт диалектики отрицания, принципа историзма в ходе научных дискуссий в разнообразии их форм.

История как сфера научной деятельности институционализована (что демонстрируют институты исторической науки, группы ученых, система исторического образования от школьного до уровня аспирантуры), обладает свойственным только ей объектом и предметом исследования (человеческая деятельность в прошлом), целями и задачами (например, получить не только то знание, которое зафиксировано в источнике, но и выйти на «новое» знание, которого в нем не дано непосредственно, или воссоздать исторические события «в собственном сознании, сопережить тот внутренний опыт участвовавших в них людей, который он хочет понять» [2, с. 94]), методами исследования.

Не следует отождествлять историю как науку с пропагандой и так называемой популярной историей для масс. Действительно, иногда научная теория заменяется идеологической конструкцией¹, однако это не имеет отношения к науке, и истинная история и верный ей историк не считает это относящимся к научному знанию, отсеивая и «фильтруя» подобные источники разной степени политизации. При этом нельзя забывать и о политической функции исторической науки, благодаря которой умное правительство вырабатывает политический курс и принимает решения общественно-политического характера на основе научного осмысления прошлого государства.

Исторические школы, выдвигавшие и выдвигающие свою методологию, сосуществуют, и строят таковую без отрыва от традиций, они все связываются, только модернизируются, улучшаются, направляясь по вектору, сонаправленному линии объективизации и достоверности получаемого знания. Согласно Ковальченко «любая теория содержит какое-то рациональное зерно. Любой метод для чего-нибудь да хорош» [1, с. 61]. То есть историки не должны полностью отказываться от какой-либо теории и заменять её другой, но напротив — необходимо синтезировать всё накопленное в области методологии.

Кроме того, в «профессиональной» истории нет оценок хорошо/плохо, историк не может быть «за кого-то», он не предпочитает одних другим. Безусловно, объект исследования историка — прошлое общества, «как системы жизненного мира человека в его противоречивости и поливекторной изменчивости» [6, с. 34], отличается от объекта

¹ Примером можно считать влияние на отечественную науку марксизм-ленинизма.

естественных наук (об этом мы скажем подробнее далее) наполненностью эмоциями, что накладывает ограничения на объективность исторического исследовательского процесса. Кроме того, абсолютная объективность, т.е. воспроизведение объекта таким, каким он существует вне зависимости от человека и его сознания, не может быть окончательно реализовано ни одной наукой, ибо окружающий мир «всегда отражается через познающий субъект с неизбежно разной степенью искажений и упущений» [4, с. 13]. В связи с большей подверженностью историка к сползанию в субъективность, современным ученым-гуманитариям предъявляются такие требования как эрудиция, максимальная широта взглядов, способствующая толерантности и объективности подхода, перманентное осознание различий современного социума и его прошлых форм с их структурным содержанием и стремление к раскрытию последних с помощью развитой методологической системы.

Говоря об апологии истории и гуманитарных наук, не стоит забывать о том, что «жесткое размежевание» гуманитарного и естественно-научного знания ведет к формированию в сознании человека фрагментарной, деформированной картины мира [1, с. 101], поскольку ни одна из научных «культур» не является самодостаточной, доминирующей, замкнутой системой, способной объяснить всю полноту бытия и развиваться изолированно, «вырождаясь иначе в застывшую догму» [5, с. 103]. Таким образом, с 80-х гг. XX в. ведется активный поиск интегративной методологии наук, и в рамках подобной тенденции вырабатывается методология трансдисциплинарных исследований, основанных на той установке, что человек является одной из самых сложных систем, «известных науке, ибо ее существование не укладывается ни в социальные, ни тем более в природные, биологические закономерности, ни даже единство тех и других, но требует включения в этот биосоциальный контекст третьей силы — культуры» [2]. Историк и, в целом, современный гуманитарий обязан вставать на путь междисциплинарной методологии, что, с одной стороны, позволяет вывести частнонаучную методологию на универсальный уровень и внести вклад в общенаучное развитие, а с другой стороны, это будет способствовать выходу истории из методологического кризиса и снятия вопроса о научной обоснованности исторической науки.

Литература

1. Горбухова М. Ю. Естествознание и гуманитарные науки: различие и проблема единства в контексте формирования гуманитарной культуры специалиста-естествоиспытателя // Естествознание и гуманитарные науки. — С. 101—105.
2. Зеленев М. В. Сущность, формы и функции исторического знания и познания. Методы изучения истории. Классификация источников. В помощь студентам и аспирантам. [Электронный ресурс] URL: <http://www.opentextnn.ru/history/?id=1943> (Дата обращения — 10.10.2017).
3. Каган М. С. Перспективы развития гуманитарных наук в XXI в. // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI в. К 80-летию проф. М. С. Кагана: материалы междунар. науч. конф. 18 мая 2001. — СПб, 2001.
4. Кохановский В. П. Философия науки в вопросах и ответах: Учебное пособие для аспирантов/ В.П. Кохановский и др. — Ростов н/Д: Феникс, 2006. — 352 с.
5. Кузнецова Л. Ф. Кризис цивилизации и становление синергетического образа природы. — [Электронный ресурс] URL: <http://www.philosophy.ru/iphtras/library/tech/vysok.html#9> (Дата обращения: 20.10.2017)
6. Махаматов Т. М. Махаматова С. Т. Проблемы методологии социально-гуманитарного познания. //Фундаментальное научное знание. Гуманитарные науки. Вестник финансового университета, 2017. — № 3. — С. 32—39.

УДК 167.6

Принцип практической невозможности маловероятных событий в парадигме постнеклассической науки

The principle of practical impossibility of improbable events in the paradigm of postnonclassical science

Сафонова Н. В., кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии естественнонаучного профиля
Крымского федерального университета
им. В. И. Вернадского

Safonova N. V., Candidate of Philosophical Sciences, Docent,
Associate Professor of the Department Philosophies
of a Natural-science Profile,
Crimean Federal V. I. Vernadskiy University

Аннотация. Через осмысление принципа практической невозможности маловероятных событий, вполне соответствующему практическому опыту, автор приходит к выводу о необходимости поисков границ метода синергетики. Это позволит очень точно определить его возможности, а не работать вслепую. В качестве одной из таких границ может выступить в решении задач различение суждений о вероятности априорных и апостериорных событий.

Abstract. By means of understanding the principle of practical impossibility of improbable events, which fully corresponds to practical experience, the author comes to the conclusion about the necessity of looking for the borders of the method of synergetics. This will allow to very exactly define its possibilities, but not to blunder through work. In the role of one of such borders in the task solution there can be differentiation of judgements about probability of a priori and a posteriori events.

Ключевые слова: типы рациональности, принцип практической невозможности маловероятных событий, вероятность априорных и апостериорных событий, метод синергетики.
Key words: types of rationality, principle of practical impossibility of improbable events, probability of a priori and a posteriori events, method of synergetics.

Наша наука — продукт человеческого разума, отражение культуры каждого периода развития. Очень верным, на наш взгляд, является разделение академиком Вячеславом Семеновичем Степиным культурных вех в науке на типы рациональности. Период с XVII века до начала XX века академик называет классическим типом рациональности. Он характерен механическим детерминизмом, в рамках которого абсолютизируется статус причинно-следственной связи между вещами и явлениями, отрицанием элементов случайности. Постнеклассический период, начавшийся в 70-х гг. XX века характеризуется «широким распространением идей и методов синергетики — теории самоорганизации и развития сложных систем любой природы, стремлением построить общенаучную картину мира на основе принципов универсального (глобального) эволюционизма, объединяющих в единое целое идеи системного и эволюционного подходов, формированием нового — «организмического» видения природы как целостного живого организма, не только как саморазвивающейся целостности, но и как нестабильного, неустойчивого, неравновесного, хаосогенного, неопределенностного» [1].

Нами обнаружено, что современная теория вероятности содержит принцип, противоречащий основным характеристикам постнеклассической науки.

Цель работы: выявить характеристики принципа практической невозможности маловероятных событий и показать их отличия от закона. Цель конкретизируется рядом задач:
- выявить обоснования принципа в теории и практике;

- на примере рассматриваемого принципа обозначить уровень точности знания через различение суждений о вероятности априорных и апостериорных событий;
- показать возможность применения полученных результатов в синергетическом подходе.

Принцип практической невозможности маловероятных событий гласит: «если случайное событие имеет очень малую вероятность, то практически можно считать, что в единичном испытании это событие не наступит» [2, с. 35]. Этот принцип мы обнаружили в одном из самых востребованных учебников по теории вероятности. Автор учебника — Владимир Ефимович Гмурман (1909—1994), первое издание учебника датируется 1959 г., к настоящему времени оно выдержало 12 изданий (последнее — 2018 г.).

Рассмотрим подробно содержание принципа. Каковы значения «очень малой вероятности»? В. Е. Гмурман утверждает, что граница устанавливается каждый раз *в зависимости от ситуации*, приводит примеры: при равных значениях вероятности не раскрытия парашюта и опоздания поезда, (например, $P=0,01$) в первом случае ситуация недопустима, во втором — приемлема [там же]. Принципиально важны в формулировке слова «практически» и «единичное испытание». Об этом мы будем говорить далее.

Чем принцип отличается от закона? «В отличие от законов науки, всегда утверждающих нечто о существенных связях между объектами теории, принципы науки, как правило, являются высказываниями не объектного языка науки, а ее метаязыка, утверждающего нечто о правилах, требованиях к элементам самих научных теорий» [3]. В отношении принципа часто устанавливают значения следующего синонимичного ряда: начало, аксиома, ценности.

На чем базируется принцип? По мнению Гмурмана В. Е., вышеназванный принцип обосновывается опытом. «Длительный опыт показывает, что маловероятное событие в единичном испытании в подавляющем большинстве случаев не наступает» [2, с. 35]. Для математических дисциплин обоснование опытом выглядит неожиданным, но можно вспомнить, как формировалась теория вероятности — она складывалась из интереса к азартным играм.

Авторы книги [4] также утверждают: «теория вероятности *ближе к экспериментальным наукам*, чем это принято думать. Именно такой эксперимент провел французский натуралист Жорж-Луи Лекрек, граф де Бюффон (1707—1788): он подбросил монету 4040 раз, из которых 2048 раз выпала решка» [4, с. 114—115].

Таким образом, обоснование опытом положений теории вероятности является приемлемым. Совершенно очевидно, что указанный принцип не может вступать (и не вступает) в противоречие с аксиомами теории вероятности (аксиомы подробно смотри [4, с. 73]). Следует добавить, что он из аксиом и не выводится, поэтому является принципом, а не законом.

Можно ли говорить о том, что принцип реализуется в действительности и насколько повсеместно? Для этого выясним: происходят ли события, противоречащие принципу, то есть события, вероятность которых очень мала (близка к нулю)? Например, на этот «редкий случай» рассчитывают люди, покупая лотерейный билет. «Невероятной выглядит история работницы нью-йоркского гастронома Валери Вильсон, которая получила главный приз дважды. В 2002 году она выиграла миллион долларов в лотерее Cool Million, имея шансы 1 : 5 200 000. А четыре года спустя, приняв участие в лотерее Jubilee, стала обладательницей второго миллиона. На этот раз шансы на выигрыш оценивались как 1 : 705 600. Каков же был её шанс выиграть главный приз в обеих лотереях? Их нетрудно подсчитать: $1 : (5\,200\,000 \cdot 705\,600) = 1 : 3\,669\,120\,000\,000$, или примерно один из 3,7 триллиона» [5]. $P=2,7 \times 10^{-13}$.

Следовательно, согласно исследуемому принципу, изредка покупать лотерейные билеты в надежде на крупный выигрыш — совершенно бессмысленное занятие, но, тем не менее, это происходит.

Необходимо подчеркнуть: принцип работает в повседневной жизни человека. Очень точно выражает суть в формулировке принципа словосочетание «практической невоз-

возможности». Мы выходим на улицу и не находим на дороге миллион, хотя такой случай не исключается, это — маловероятное событие.

В каких случаях мы еще сталкиваемся с отбрасыванием принципа в наших рассуждениях?

Тот пример, который мы хотим привести, имеет непосредственное отношение к науке и затрагивает общенаучную картину мира — речь идет об эволюции. В настоящее время эта теория, скорректированная с современными научными данными, получила название «синтетическая эволюция». Следует отметить, ни в момент создания, ни в настоящее время теория никогда не была в достаточной мере обоснована. Единственное ее обоснование автор говорит в своей работе «Об образовательных стратегиях формирования нерелексивирующего атеистического мировоззрения» [6, с. 313—318].

Нас будет интересовать вопрос: насколько вероятно зарождение жизни на Земле? «Так, британский астроном Фред Хойл весьма глубоко проанализировал количественную сторону биохимической теории эволюции и пришел к выводу, что ее *скорость совершенно недостаточна*, чтобы в течение нескольких миллиардов лет создать жизнь в ее современной форме. В книге «Разумная Вселенная», опубликованной в 1983 году, он приводит свою «притчу о Боинге». Допустим, что на огромной свалке в беспорядке разбросаны до последнего винтика детали авиалайнера «Боинг-747». Велика ли вероятность, что после урагана, пролетевшего над мусорной свалкой, будет полностью собран самолет, готовый отправиться в полет? Так вот — она не меньше, чем шанс случайно собраться простейшему живому организму из разрозненных химических «кирпичиков» [7].

Было бы интересно количественно сопоставить вероятность выигрыша лотерейного билета и вероятность зарождения органики из неживого вещества. Называют цифру 10^{-325} [8], но это число вызывает у автора сомнение, так как даже в лабораторных условиях ни создать из неорганики *устойчивое* органическое соединение, ни собрать «Боинг» из обломков путем турбулентных потоков осуществить не удастся.

Как известно, классическая формула вычисления вероятности — отношение числа возможных случаев интересующего события ко всем возможным случаям. В нашем случае факт возможного интересующего нас события не установлен. Согласимся с автором работы [9, с. 73—76] Минковым С. С.: следует различать априорную и апостериорную вероятность. В случае с лотерейным билетом — речь идет об апостериорной вероятности, и вычислить ее не составляет труда. Когда мы говорим об априорной вероятности, ни о какой точности не может быть и речи, все рассуждения носят гипотетический характер, а, по мнению Минкова С. С., «являются представлением «психологическим», независимым от индивидуальных фактов и экспериментов» [8, с. 76].

В 1859 г. вышла в свет работа Ч. Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора». Изучаемый нами принцип появился значительно позже (через столетие), но по содержанию соответствует классическому (и неклассическому: следствие порождается ансамблем вероятностных причин — это не меняет сути рассматриваемой проблемы) типам рациональности. Если применять исследуемый принцип в рамках парадигмы классической науки, то эволюция невозможна. Правда, нужно сделать оговорку: речь идет о единичном испытании. По всей видимости, именно на этот аспект указывает Ф. Хойл, когда говорит о недостаточной скорости.

Зададимся вопросом: насколько эта невозможная ситуация может быть согласована с современными теориями и методами? Оказывается, может. Это — метод синергетики.

Основным концептом синергетики является теория хаоса. В 1963 году метеоролог Эдвард Нортона Лоренц вводил различные данные в решения системы дифференциальных уравнений; данные обрабатывались компьютером. «Списки чисел начинались почти с одинаковых значений, затем становились принципиально различными. Лоренц столкнулся с феноменом чувствительности к начальным условиям... Два неотличимо различающихся состояния могут породить два существенно различных состояния. Если допущена какая-либо ошибка при наблюдении текущего состояния системы (а для ре-

альных систем это, по всей видимости, неизбежно), то дать надежный прогноз состояния системы в далеком будущем будет невозможно... Взмах крыльев бабочки в Бразилии мог вызвать торнадо в Техасе. Это явление получило название эффект бабочки» [10, с. 56]. Один из метеорологов прокомментировал так: «Если эта теория верна, то взмах крыльев чайки навсегда может изменить погоду» [там же].

Таким образом, сама идея эволюции зародилась в эпоху классической рациональности, а возможность теоретического (методологического) обоснования (как возможность того, что маловероятное событие все-таки случится) получила только сейчас — в эпоху постнеклассической рациональности. То, что некий принцип продолжает работать в одном из разделов математики, но при этом не соответствует основным характеристикам постнеклассической науки — не является проблемой. В. С. Степин говорит, что очень часто происходит отставание или несовпадение. «Я уже не раз констатировал, что возникновение каждого нового типа рациональности не приводит к исчезновению предшествующих типов, а лишь ограничивает сферу их действия. Научная рациональность на современной стадии развития науки представляет собой гетерогенный комплекс со сложными взаимодействиями между разными историческими типами рациональности» [11, с. 55].

Автор стремится обратить внимание на следующее: ни один из методов в науке не является универсальным, парадигма постнеклассической науки также не универсальна. В очень редких случаях «хаос производит порядок». «Переходы в состояние с меньшей энтропией возможны лишь в некоторых исключительных случаях неравновесных необратимых процессов в открытых системах» [8]. П. Фейерабенд прав: нужны любые новые концепции, благодаря которым можно приоткрывать новые грани нашего еще неразгаданного мира. На сегодняшний день идеи синергетики актуальны и значимы. О сформированности и обоснованности метода можно говорить только тогда, когда обозначены границы его применения. Наша первая задача — понимать, что прежде чем обращаться к методу синергетики необходимо очертить границы ее применения. Одним из таких ограничений может выступить разделение в вопросе понимания случайного события на априорную и апостериорную вероятность.

Литература

1. Постнеклассическая наука и изменение ее мировоззренческих принципов [Электронный ресурс] Режим доступа: [bsu-philosophy.wikia.com/...](http://bsu-philosophy.wikia.com/) (Дата обращения: 08.05.2018)
2. Гмурман В. Е. Теория вероятностей и математическая статистика: учебник для прикладного бакалавриата / В. Е. Гмурман. — 12-е изд. — М.: Издательство «Юрайт», 2018. — 479 с.
3. Научный принцип — Философия науки: Словарь основных терминов [Электронный ресурс] Режим доступа: https://philosophy_of_science.academic.ru/234/ (Дата обращения: 08.05.2018).
4. Корбалана Ф., Санц Х. Укрощение случайности. Теория Вероятностей / Ф. Корбалана и Х. Санц. / Пер. с исп. — М.: Де Агостини, 2014. — 160 с.
5. Карпушина Н. М. Непостижимый случай. / Н. М. Карпушина // Наука и жизнь. — №1. — 2012. — С. 95—100.
6. Сафонова Н. В. Об образовательных стратегиях формирования нерелексивирующего атеистического мировоззрения // Религия. Общество. Человек.: Материалы I Международных научных чтений, Симферополь — Партенит, 27—29 апреля 2018 г. — Симферополь, 2018. - 559 с.
7. Основные концепции возникновения жизни на Земле [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.ecologynatural.ru/enats-610-1.html> (Дата обращения: 08.05.2018).

8. Вертьянов С. Ю. Возникновение жизни на Земле и происхождение человека [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.km.ru> (Дата обращения: 08.05.2018).
9. Минков С. С. Проблемы понятия «высокая вероятность» суждения /Философия математики: актуальные проблемы. Математика и реальность // Тезисы Третьей всероссийской научной конференции; 27—28 сентября 2013 г. — Москва: Центр стратегической конъюнктуры, 2013. — 270 с.
10. Карлос Мадрид. Бабочка и ураган. Теория хаоса и глобальное потепление. / Мир математики в 40 т. — Т. 32. / Пер. с исп. — М.: Де Агостини, 2014. 144 с.
11. Степин В. С. Типы научной рациональности и синергетическая парадигма / Сложность. Разум. Постнеклассика. — 2013. — № 4. — С. 45—59.

УДК 17 (045)

Проблемы и перспективы использования утилитаристского принципа полезности в современной этике и политике

Problems and opportunities of the utilitarian principle of utility: contemporary ethics and politics

Демнев А. Г., кандидат философских наук, доцент, доцент — заместитель заведующего кафедрой философии и социологии Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова

Demenev A. G., Candidate of philosophical sciences, Docent, Docent of the Department of Philosophy and Sociology, Northern (Arctic) Federal M. V. Lomonosov University

Аннотация. Утилитаризм остается влиятельной нормативной программой в современной этике и политике. В то же время использование основных положений этой программы, в том числе, принципа полезности, на практике порождает множество проблем и противоречий. Может ли удовольствие или счастье быть нравственно одобряемой целью жизни? Как соотносить индивидуальные и общие интересы? Как измерять удовольствия и страдания для принятий решений? Эти вопросы обсуждают сторонники и противники утилитаризма в современном этическом и политическом дискурсе, что и анализируется в статье.

Abstract. Utilitarianism remains an influential normative program in contemporary ethics and politics. At the same time, the use of the main provisions of the program, including the principle of utility, in practice raises many problems and contradictions. Can pleasure or happiness be the morally approved purpose of life? How to relate individual and common interests? How to measure pleasure and pain for decision-making? These issues are discussed by proponents and opponents of utilitarianism in modern ethical and political discourse.

Ключевые слова: утилитаризм, счастье, этика, политика, удовольствие, полезность.

Key words: utilitarianism, happiness, ethics, politics, pleasure, utility.

Утилитаризм в его современной модификации остается одной из самых популярных нормативных программ как в обыденном сознании, так и в этическом и политическом дискурсе. Утилитаристская этика является мировоззренческой основой современных политико-экономических доктрин, которые можно условно объединить понятием «экономика счастья» [1].

Подобно разделению этоса и этики можно разделить эмпирический утилитаризм массового сознания и рефлексивный утилитаризм интеллектуалов. В западной культуре утилитарное мировоззрение на обоих уровнях имеет древнюю историю. Основными ве-

хами его развития считают идеи Гесиода, Демокрита, софистов, Эпикура, Макиавелли, Бэкона, Декарта, Гоббса, Локка, Гельвеция, Смита, Бентама, Милля, Спенсера и многих других. В XX веке дух утилитаризма нашел продолжение в прагматизме Джемса и Дьюи. В 1960-х гг. возобновились дискуссии, приведшие к выделению утилитаризма поступка (Дж. Сартр, Т. Спридж) и утилитаризма правила (Дж. Эриксон, Дж. Милноот, Б. Брандт). В 1970—80-е гг. оформился неоутилитаризм (Д. Ролз, Р.М. Хейр, Ф. Фельдман, В.Б. Эллис). Ролз писал: «Большинство этических систем современности в той или иной степени развивают утилитаристское учение» [2].

Принцип полезности как критерий нравственного поведения личности и справедливости государственной политики известен давно. Цицерон говорил о том, что справедливость государственных законов предполагает их полезность для граждан. Шотландский философ Ф. Хатчесон задолго до Бентама сформулировал этот принцип. Случайно ли то, что и сентиментализм, представителем которого был Хатчесон, и утилитаризм, основанный Бентамом, возникли и получили наибольшее развитие в одной и той же стране, имеют британскую прописку? Эпоха Просвещения открыла дорогу к изучению внутреннего мира личности в его связи с социальной средой. Но если в континентальной философии наибольшую поддержку получили рационалистические варианты и гносеологии, и этики, то британская философия пошла в сторону сенсуалистской гносеологии и сентименталистской этики. Сентиментализм делает ставку на чувства, эмоции в нравственном выборе личности. Эмоции, действительно, играют огромную роль в принятии решений, являются очень сильным мотиватором. Как следствие, сентименталисты говорят о чувствах удовольствия и страдания, как основополагающих побудителей к действию. Бентам называет страдания и удовольствия двумя верховными властями, под управление которых природа поставила человека. Все разнообразие мотивов он сводит к одному: поиску удовольствий и избеганию страданий.

Но как соединить стремление человека к удовольствиям и необходимость соотносить свои поступки с интересами других людей? Отсюда один шаг к обоснованию принципа полезности. Не удивительно, что генерализация принципа полезности произошла именно в Британии, опираясь на традиции сентиментализма. Утилитаристы постарались уйти от обвинений в эгоизме с помощью принципа полезности. Он гласит: большее нравственное оправдание имеет тот поступок, который способствует как можно большему счастью как можно большего числа людей. Провозглашаемая цель звучит вполне гуманно, если не вникать в возможные последствия. Полезность — это свойство предметов, процессов или явлений, позволяющее удовлетворять потребности человека и доставлять тем самым удовольствие. Сразу обнаруживается трудность: если поступок влечет и удовольствие и страдания, то, чтобы принять решение, необходимо сопоставить удовольствие и страдания, а для этого их необходимо измерить в абсолютных величинах!

Никакой единицы измерения Бентам, конечно, не мог предложить. И измерений как таковых не производил. Он предложил определять соотносительную ценность удовольствий и антиценность страданий. Но процедура сложна и путана даже в отношении отдельного человека. Для выбора поступка необходимо спрогнозировать все возможные удовольствия и страдания, определить ценность каждого из них, суммировать ценность всех удовольствий, с одной стороны, и всех страданий, с другой. И определить баланс. В случае, если поступок затрагивает несколько лиц, для каждого из них надо повторить этот процесс, суммировать и сравнить количество выигрывающих и проигрывающих от данного действия.

Анализируя полезность тех или иных решений, человек делает свой выбор. Также должны поступать и представители государственной власти. Но потребности людей различаются, их интересы приходят в противоречие. Как следует поступать человеку или властям государства, если они попадают в ситуацию столкновения интересов? Здравый смысл подсказывает: два больше, чем один. Счастье двух людей значимей, чем счастье одного. Простая и циничная арифметика, которая, на первый взгляд, вполне соответствует демократическим принципам: реализации власти большинства. Но есть несколько ме-

тодологических сложностей в реализации этого принципа как в индивидуальной, так и в социальной практике. Утилитаризм, как и любая модель гедонистической этики, попадает в мотивационную ловушку: если стремление к удовольствию — это мой естественный мотив, то почему я должен жертвовать своим удовольствием ради других людей? Если на одной чаше весов — мое удовольствие, а на другой — жизнь, здоровье и счастье многих других, то почему я должен принимать решение не в свою, а в их пользу? А если все-таки включить утилитаристский калькулятор, то справедливо ли пожертвовать интересами одного или нескольких человек ради счастья остальных? [3]

Бентам не считал, что правильно (разумно) понятый индивидуальный интерес может противоречить общественному. Они взаимно обусловлены. Не может общественное благо складываться из несчастья индивидов. С этим еще можно согласиться. Но он наивно предполагал, что человек может быть счастлив, только способствуя счастью других. И его эгоистический интерес удовлетворяется в служении другим.

Утилитаризм является вариантом этики конвенционализма, оценивающей поступки людей по их последствиям. В этом он противостоит этике долга, оценивающей мотивы человека и провозглашающей: «делай, что должен, и будь, что будет». Насколько оправданно руководствоваться в своем решении теми или иными прогнозами? Наши возможности спрогнозировать последствия конкретных решений крайне ограничены. Принцип полезности требует от субъекта способность предвидеть все последствия его решения, как для него самого, так и для других людей. Очевидно, что ответственный субъект социального взаимодействия должен предъявлять к себе такие требования. Но также очевидно, что эти требования трудно выполнимы. Мы должны понимать, что освобождая субъекта от конкретных нравственных требований (норм, запретов, заповедей) и предоставляя ему возможность самостоятельного прогнозирования последствий и свободного принятия решения, мы целиком и полностью полагаемся на произвол субъекта, на его нравственную и интеллектуальную зрелость, на его способность предвидеть и принять ответственное решение.

Утилитаризм — не только этическое учение, но и тип нравов, и основанный на нем тип социально-экономических и политических отношений, культуры, тип отношения к миру, восприятие его как набора благ, средств к достижению удовольствия, счастья [4].

Потенциально утилитаризм содержит возможность и эгоистической, и альтруистической интерпретации, в зависимости от того, чья польза видится в качестве высшей цели. Но наиболее типичным подходом является поиск гармонии интересов с безусловным признанием права индивида на счастье. В противном случае утилитаризм как моральная система утрачивает основу, мотивацию нравственного поведения. Зачем человек должен соблюдать моральные нормы, если это не несет ему выгоды? Утилитаризм не дает ответ на этот вопрос, потому что отрицает нравственную автономию личности. С другой стороны, утилитаризм не может признать абсолютное право индивида любыми средствами отстаивать свой интерес в ущерб другим индивидам, потому что в этом случае будет обвинен в аморализме, утратит статус нравственного учения. Отсюда и необходимость поиска компромисса в виде всевозможных теорий «разумного эгоизма».

Эти и другие слабые места утилитаристской этики сказываются и на тех политических доктринах, основой которых она выступает. Гуманное и благородное провозглашение счастья граждан целью социального прогресса на деле оборачивается множеством проблем и противоречий. Возникают дискуссии, в которых обсуждаются справедливость распределения социальных благ, проблема соотношения интересов большинства и меньшинства, методики оценки полезности социальных реформ, методология расчета индикаторов социального развития — индексов счастья (удовлетворенности жизнью). Тем не менее, эти трудности не пугают сторонников неоутилитаризма и доктрины «экономики счастья». Дискуссии и поиски решения проблем в этой области продолжаются.

Литература

1. Brülde, B. Happiness, morality, and politics // Journal of Happiness Studies Volume 11, Issue 5, 2010, Pages 567-583
2. Ролз Д. Теория справедливости // Этическая мысль: научно-публицистические чтения, Редкол. А.А.Гусейнов и др. — М., 1990. — С.229
3. Miller, A. Lenin's anticipation of Bernard Williams's integrity objection to Utilitarianism // The Journal of Value Inquiry. 31: 503—510, 1997.
4. Е.Н. Яркова Утилитаризм как тип Культуры: концептуальные параметры и специфика России. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. — 392 с.

УДК 164.1

О функциональной методологии в современном научном знании

On function methodology in contemporary scientific knowledge

Николко В. Н., доктор философских наук, профессор кафедры философии гуманитарного профиля философского факультета Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского

Nikolko V. N., Doctor of Philosophical Sciences, Full Professor of the Department of Philosophy of a Humanitarian Profile, Taurida Academy, Crimean Federal V. I. Vernadskiy University

Аннотация. Выявляется сущность функциональной методологии, которая предлагает рассматривать функции как универсальные характеристики взаимосвязей вещей. Определяются границы функциональной методологии, неуниверсальный характер функций демонстрируется на примере силлогистического модуля BARBARA.

Abstract. The essence of the function methodology which proposes considering functions as universal characteristics of the correlations between things is revealed. The boundaries of the function methodology are defined, the non-universal nature of the functions is demonstrated by the example of the syllogistic form of BARBARA.

Ключевые слова: функциональная методология, функции, силлогистика, функтор.

Key words: function methodology, functions, syllogistics, functor.

Функции в том виде, в каком они представлены в математике и по сей день, ввел Г. Лейбниц. Лейбниц выражением f -функция называл связь точек прямой с точками кривой линии такую, что в системе координат по значениям точки на прямой можно было однозначно узнавать числовые значения точек на кривой. Если числовые значения точек на прямой обозначить через x , а числовые значения точек кривой — через y , то получится формула вида $y = f(x)$. Функции оказались настолько удобными, а их использование столь эффективным, что они быстро прижились в точных науках. Возникла методология, которую мы называем функциональной, или функционизмом, согласно которой за всякой связью или отношением стоит функция; сущность вещей окружающего нас мира может быть выражена посредством функций, которые являются такими же онтологическими единицами мира, какими выступают субстрат, свойство, структура.

В логику функции ввел Дж. Буль. При этом Буль расширил область применения функций в сравнении с Г. Лейбницем за счет общих имен. Существует история открытия и внедрения в оборот логики отдельных классов логических функций. Все было бы хорошо, функционизм господствовал и дальше в логике, если бы не одно обстоятельство: правильные аристотелевские силлогизмы, если их рассматривать как соответствие значений истинности посылок и заключения, не являются функциями. Например, модуль

BARBARA (A_{mp}, A_{sm}, A_{sp}), если его рассматривать как соответствие $A_{sp} = f(A_{mp}, A_{sm})$, характеризуется таблицей истинности, согласно которой, какими бы ни были значения s, m, p из множества общих имен, выражения, составляющие модус BARBARA (A_{mp}, A_{sm}, A_{sp}), могут принимать только следующие истинностные значения:

A_{mp}	A_{sm}	$A_{sp} = f(A_{mp}, A_{sm})$
1	1	1
1	0	1
1	0	0
0	1	1
0	1	0
0	0	1
0	0	0

И это было бы ничего, но такой же матрицей истинности характеризуются остальные правильные силлогизмы. Это не может быть случайным. Связи вещей могут выражаться не только функциями, но и другими соответствиями, которыми мы назвали функфорами, природу которых еще предстоит тщательно изучить.

УДК 1:3937

К фундаментальности пространства и времени

To the fundamentality of space and time

Исмаилов И. А., аспирант 1-го года обучения
Физико-технического института Крымского федерального
университета им. В. И. Вернадского
направление подготовки «03.06.01» Физика и Астрономия
Ismailov I. A., a 1st year graduate student, Physic-Technical
Institute, Crimean Federal V. I. Vernadsky University
Field «03.06.01» Physics and Astronomy

Аннотация. Работа представляет собой краткое представление пространства и времени с точки зрения современной науки. Здесь рассматривается один из основных вопросов — о фундаментальности пространства-времени, а также представлены доводы реальности и нереальности времени.

Abstract. This article is a brief representation of space and time from a modern point of view. Here we consider one of the main questions — the fundamentality of space-time, as well as the arguments of reality and the unreality of time.

Ключевые слова: фундаментальность, пространство и время.

Key words: fundamental, space, time.

Описание физических процессов материального мира невозможно без участия таких конструкций как пространство-время. Об априорных формах человеческого разума писал Иммануил Кант. В различных концепциях пространство-время понимались по-разному. У Исаака Ньютона пространство-время абсолютны и могут быть не связаны друг с другом. У Альберта Эйнштейна пространство-время относительны и взаимосвязаны друг с другом. Долгое время это не осознавалось, считалось, что пространство и время не нуждались в каких-либо толкованиях. Становится ясным, что понимание конструкта природы пространства-времени является основополагающим для различных физических теорий.

В связи с этим в данной работе рассматривается вопрос, с современной точки зрения, о фундаментальности пространства-времени и реальности самого времени. Под фунда-

ментальностью понимается характеристика философско-методологических концепций, исходящих из существования некоего базисного, начального слоя знания, обращение к которому позволяло бы гарантированно решить все задачи, связанные с уточнением познавательного содержания и обособованием систематизируемого знания. Фундаментальность пространство-времени в классической теории понимается как абсолютная основополагающая физическая модель, дополняющая пространство равноправным временным измерением. Фундаментальное пространство-время предстаёт как универсальное вместилище себя и всего существующего в мире. Оно безотносительно к чему бы то ни было внешнему, остаётся всегда одинаковым и неподвижным. Пространство-время соответствует определённой физической картине мира, а именно: системе взглядов на материю как на совокупность ограниченных друг от друга атомов, обладающих неизменным объёмом и инертностью (массой) и действующих друг на друга мгновенно либо на расстоянии, либо при соприкосновении. Но является ли само пространство-время фундаментальным с точки зрения современных теорий физики?

Многие учёные предположили, что недавние разработки в области квантовой гравитации, а именно теории, которые пытаются унифицировать общую теорию относительности и квантовой механики, подразумевают, что пространство-время не является фундаментальным [1].

В настоящее время учёные создают единую теорию, которая сочетает в себе идеи квантовой механики и теории относительности. Квантовая теория поля (первое предложенное расширение квантовой механики в релятивистской структуре) математически плохо определена. Для преодоления этих трудностей была предложена теория струн. В этой теории материя описывается одномерными объектами, называемыми струнами. На расстояниях, больших размеров струн, струна выглядит так же, как и обычная частица, свойства которой определяются колебательными состояниями струны. Так как теория струн может описывать все элементарные физические частицы (например: фотон, гравитон), то эта теория в будущем обещает быть единым описанием всех фундаментальных сил.

Теория струн изначально была разработана с учётом пространственно-временного фона (как инертный контейнер). Поскольку симметрия связывает возможное физическое описание данной теории друг с другом, двойственность связывает различные типы нанизанных теорий. Две теории называются двойственными, когда они обеспечивают одну и ту же физику. Существуют разные дуализмы. T-дуализм — это своего рода масштабная инвариантность. Дополнительные размеры являются уплотнёнными, но разные теории имеют разные механизмы уплотнения. Предположим, что в теории T1 размерность обёрнута вокруг круга радиуса R. Оказывается, что схематически теория T2, в которой размерность обёрнута вокруг круга радиуса 1/R, двойственна к T1. То есть преобразование R к 1/R является физическим инвариантом. Нет никакой разницы между физикой, порождённой T1, в которой пространство «велико», и T2, в котором пространство «мало». Зеркальная симметрия является обобщением T-дуализма: дополнительные измерения могут быть уплотнены так, что они образуют особое многообразие, которое оказывается двойственным к многообразию с другой топологией. Тогда имеем S-дуализм, который связывает теории с различными константами связи (т.е. сила взаимодействия различна): теория T1 с константой связи g двойственна теории T2 с константой связи 1/g. Если T1 и T2 двойственны, они эмпирически неразличимы, и мы не сможем выбрать между ними. Только инвариантные свойства описывают что-то реальное: например, в случае T-дуализма нет никакого факта о том, является ли пространство «маленьким» или «большим». Отсюда следует, что пространство не является фундаментальным [2].

«Конкурентом» теории струн является квантовая гравитация, в которой общая теория относительности квантуется. Конкретный тип квантования приводит к канонической квантовой гравитации. Более новые подходы включают петлевую квантовую гравитацию, в которой пространство можно рассматривать как чрезвычайно тонкую ткань или сеть конечных петель, называемых спин-сетями. Эволюция спиновой сети со временем

называется спиновой пеной. Спин-сеть может либо сохраняться, либо сливаться, либо разделяться на несколько узлов, и результирующая структура рассматривается как квантовый аналог четырёхмерного пространства-времени и называется «спиновой пеной» [3]. Теория не была полностью развита, но идея состоит в том, что «спиновая пена» представляет собой то, что является фундаментальным, а не пространственно-временным, и таким образом воспринимаемая трёхмерность должна соответствующим образом возникнуть из такой структуры.

Продолжая рассматривать пространство-время, также нужно рассмотреть, что представляет собой время. Основой современных взглядов на пространство является признание четвёртого пространственного измерения — времени. Время — это некая мыслимая целостность, вбирающая в себя длительность движения материи и маркирующая собою её этапы. Физики XX века с помощью теории относительности Альберта Эйнштейна доказали зависимость времени от пространства. Таким образом, время и пространство неотделимы друг от друга, они взаимосвязаны. Например, договариваясь о встрече, не достаточно знать, *когда* она состоится, нужно ещё знать, *где* состоится встреча. А если мы знаем «*где*» состоится встреча, то напрашивается вопрос «*когда?*». Таким образом, время и пространство часто называют как пространство-время.

Долгое время считали, что время абсолютно. С развитием науки всё чаще появлялись идеи об относительной скорости протекания времени. Оказалось, что биологические, физические и исторические процессы могут то ускоряться, то замедляться. Относительность во времени подтверждается во всём. Также, время замедляется при скоростях, близких к скорости света.

Продолжающиеся дебаты в метафизике о природе времени происходят между теми, кто считает, что время является объективным, и теми, кто считает, что это всего лишь иллюзия. Некоторые утверждают, что в рамках теории относительности мы должны думать о времени так же, как о другом измерении более крупного фундаментального пространства, и что переход времени — это просто конструкт человеческого разума, который позволяет количественно охарактеризовать изменения. Другие же утверждают, что совершенно логично полагать, что время проходит в релятивистских рамках [4].

Кроме того, существует противоречие между микроскопическими законами и макроскопическим поведением. На самом деле, с одной стороны, всё макроскопическое поведение имеет естественный временной порядок. С другой стороны, микроскопические законы, управляющие макроскопическим поведением (будь то классический, релятивистский или квантовый), являются время-симметричными. Некоторые законы, описывающие макроскопические процессы, вытекают из второго закона термодинамики, согласно которому энтропия никогда не уменьшается. Головоломка была решена Больцманом в рамках статистической механики, в которой в подавляющем большинстве случаев процесс развивается в направлении максимальной энтропии. Многие, в том числе и Больцман, считали, что необходимо принять такую гипотезу, в которой предполагается, что Вселенная начиналась с чрезвычайно низкой энтропией.

Подобно рассуждению о появлении пространства-времени, некоторые утверждали, что каноническая квантовая гравитация, один из претендентов на объединение общей теории относительности и квантовой механики, предполагает, что времени не существует. Каноническая квантовая гравитация порождает уравнение Уилера-де Витта для универсальной волновой функции, интерпретация которой, описывает статическую вселенную. Как эта теория может описать мир, подобный нашему, в котором происходят изменения? Это так называемая «проблема времени». Возможные реакции на эту проблему могут заключаться в том, чтобы поддерживать бесконечность или пытаться квантовать гравитацию по-другому. В частности, есть идея, которая заключается в том, что мы можем описывать изменения без привязки времени, связывающие физические системы напрямую друг с другом [5].

Отсутствие изменений в уравнении Уилера-де Витта не следует принимать метафизически серьёзно, так как оно является искусственным построением теории в терминах канонических переменных [6]. Другие подчеркнули, что трудно понять, как можно поверить в теорию, в которой времени не существует [7]. Как можно видеть, эта разновидность проблемы эмпирической некогерентности.

Вывод. С современной точки зрения, то есть с точки зрения теории струн и теории квантовой гравитации, пространство-время оказывается не фундаментальным, а состоит из чего-то ещё. Это могут быть струны, петли, кубиты или варианты «атомов» пространства-времени, которые появляются в подходах с конденсированной материей. Что касается реальности времени, то тут единого мнения нет. Если рассматривать с точки зрения квантовой гравитации, то из этой теории порождается уравнение Уилера-де Витта, из которого следует, что время нереально. Но вторая половина учёных критично относятся к этой идее, потому что невозможно, как они считают, описывать изменения физических явлений без привязки времени.

Литература

1. Valia Allori. Space, time and matter // Space, Time, and the Limits of Human Understanding. 2016. P. 95-107.
2. Dawid, Richard. String Theory and the Scientific Method. — Cambridge University Press, 2013.
3. Huggett, Nick. Christian Wuthrich. Emergent Spacetime and Empirical (In)coherence // Studies in History and Philosophy of Modern Physics. 2013. Vol. 44 (3). P. 276—285.
4. Zimmerman, Dean. In T. Sider, J. Hawthorn, D. Zimmerman (eds.). Contemporary Debates in Metaphysics. — Blackwell, 2007.
5. Rovelli, Carlo. Forget Time // Foundations of Physics. 2011. Vol. 41(9). P. 1475-1490.
6. Goldstein, Sheldon, Stefan Teufel. Quantum Spacetime without Observers: Ontological Clarity and the Conceptual Foundations of Quantum Gravity. — Cambridge University Press, 2001.
7. Healey, Richard, Callender (ed.). Can Physics Coherently Deny the Reality of Time? // Time, Reality and Experience. 2002. Vol. 50. P. 293—316.
doi: 10.1017/S1358246100010614

УДК 34.01

Аксиологический подход к толкованию законодательных актов как способ решения правовых коллизий

Axiological approach to interpretation of legislative acts as a way of decision of legal collisions

Koishkin A. S., аспирант кафедры истории и теории государства и права Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского

Koshkin A. S., post-graduate student of the Department of History and Theory of State and Law Taurida Academy
V. I. Vernadsky Crimean Federal University

Аннотация. Тезисы посвящены роли аксиологии при толковании нормативно-правовых актов. С помощью философского, сравнительно-правового и метода структурного анализа в работе рассмотрены вопросы и критерии применения теории взвешивания ценностей при решении правовых коллизий и отмечена непосредственная роль ценностного толкования в оптимизации применения конституционного и иного законодательства.

Abstract. The theses are devoted to the role of axiology in the interpretation of normative legal acts. With the help of the philosophical, comparative legal and method of structural analysis, the paper considers the questions and criteria for applying the theory of weighing values in solving legal conflicts and notes the direct role of value interpretation in optimizing the application of constitutional and other legislation.

Ключевые слова: Аксиология, толкование, конституция, судебная практика, норма, коллизия.

Key words: Axiology, interpretation, constitution, judicial practice, norm, conflict.

На сегодняшний день в юридической науке Российской Федерации вопрос толкования нормативно-правовых актов занимает центральное место. В нашем государстве правоприменительная функция должна применяться на самом высоком уровне для обеспечения принципов верховенства права, справедливости и разумности, а также для полного и всестороннего обеспечения прав и свобод граждан и их защиты от противоправных посягательств.

Несмотря на то, что правотолкованием занимаются все юристы, ключевая роль здесь отводится судам, которые обязаны применить закон именно так, чтобы полностью восстановить справедливость и защитить интересы потерпевшей стороны. В настоящее время мы наблюдаем переходный период от интуитивного правотолкования к рациональному. При таком способе используются научно обоснованные правила логического толкования, специальный алгоритм рационалистического учения, разработанного профессором КФУ имени В. И. Вернадского В. Г. Роганем. Среди общеизвестных правил об иерархии нормативно-правовых актов, преимуществе специальной нормы над общей, преимуществе позднее принятого закона над ранее принятым, прописаны еще и правила для текстуально не закрепленных норм, такие как вывод степени (*a fortiori*), вывод от противоположного (*a contrario*), учет социального контекста, системное толкование и многие другие [1, с. 70].

Для нашей работы особый интерес представляют правила о толковании норм Конституции. Нередко возникают ситуации, когда истец обращается в суд за защитой своих прав, а в обоснование своих требований ссылается на нормы Конституции. Суд общей юрисдикции, в свою очередь, по правилу иерархии правовых актов должен приме-

нить положения Конституции и не применять положения иных федеральных законов и нормативно-правовых актов, обладающих меньшей юридической силой. Однако в данном случае с помощью логических правил решение этой коллизии будет неверным, и нам необходимо применить аксиологический подход к правотолкованию (аксиология — теорию ценностей).

В обоснование вышесказанного приведем пример. Более показательным будет обратиться к положению статьи 46 Конституции Украины [2, ст. 46], устанавливающей правовое предписание, в соответствии с которым пенсия не может быть ниже установленного законом прожиточного минимума. Рассматриваемое положение должно быть квалифицировано как принцип, поскольку имеет социально-экономическое содержание и его реализация зависит от состояния экономики и финансовых возможностей страны. Общеизвестным обстоятельством является то, что граждане многих стран, не только Украины, получают социальные выплаты, являющиеся основным источником существования определенных категорий граждан, размер которых является куда ниже прожиточного минимума. Применяем теорию взвешивания ценностей, которая является инструментом аксиологического толкования. С помощью философского анализа несложно прийти к выводу, что прямое применение ст. 46 к спорным правоотношениям и повышение размеров всех социальных выплат до установленного законом прожиточного минимума приведет к значительному повышению уровня инфляции. Оно, в свою очередь, создаст неопределенность касательно покупательной способности денежных сумм, выплачиваемых в качестве социальных пособий. [1, с. 573]. Поэтому для решения данного вопроса мы должны руководствоваться не сводом установленных правил, а теорией взвешивания ценностей, которая помогает нам прийти к здравым рассуждениям. Ведь отвечая на вопрос, что важнее: любым способом и средствами соблюсти закон и прямо применить положение Конституции, то есть повысить все выплаты до уровня прожиточного минимума, или рассматривать этот принцип в качестве декларации и руководствоваться наличием ресурсов и возможностями фондов социального страхования, а не Конституцией? Что важнее: права отдельных категорий граждан или развитие экономики государства и благополучия всего населения страны в целом? Именно практическая философия, в виде теории взвешивания ценностей помогает нам найти рациональное зерно в этом споре и прийти к выводу, что ограничение прав отдельных категорий граждан в виде неприменения статьи 46 Конституции является правильным решением и полностью соответствует ключевым принципам: верховенства права, а также разумности и справедливости.

Приведем еще один пример. Статья 53 Конституции РФ [3, ст. 53] устанавливает за каждым право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц. В свою очередь, частью 2 статьи 1070 Гражданского Кодекса РФ [4, ст. 1070] установлено, что вред, причиненный гражданину или юридическому лицу в результате незаконной деятельности органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры, не повлекший последствий, предусмотренных пунктом 1 настоящей статьи, возмещается по основаниям и в порядке, которые предусмотрены статьей 1069 настоящего Кодекса. Вред, причиненный при осуществлении правосудия, возмещается в случае, если вина судьи установлена приговором суда, вступившим в законную силу. В данном случае с помощью аксиологического толкования мы приходим к выводу, что прямому выполнению подлежит положение Конституции, закрепленное как норма прямого действия. Ее прямое применение не может как-то существенно повлиять на социально-экономические реалии и не пошатнет финансовые возможности государства. Ведь категория возмещения вреда, как бы часто она не осуществлялась, является лишь частным эпизодом, а не системным явлением, как вышеуказанная выплата социальных пособий. Поэтому ограничения, установленные статьей 1070 по возмещению вреда, причиненного работниками органов следствия, дознания, прокуратуры или суда, не могут применяться как такие, которые противоречат норме акта высшей юридической силы Конституции РФ. Как видим в данном примере, несмотря на то, что мы воспользовались правилом толкования об иерархии

нормативно-правовых актов, сначала был проведен философско-аксиологический анализ сложившейся ситуации, который помог нам принять рациональное решение в сложившихся спорных правоотношениях [1, с. 573].

Исходя из вышеизложенного, мы можем сделать вывод о том, что возникают правовые ситуации, при которых прагматическое толкование, основанное лишь на логических правилах и букве закона, не может быть полезным. В свою очередь аксиологический подход, несмотря на свою субъективную (человеческую) сущность, как раз наглядно демонстрирует нам, что подобный способ правотолкования помогает достичь основных его целей: обеспечение правильного и единообразного толкования, устранение неясности, исправление ошибок в случае пробелов законодательной техники, помогает отличить нормы прямого действия от норм-деклараций. Аксиологическое толкование наглядно демонстрирует нам роль философии при решении именно практических вопросов. Таким образом, правоприменение, безусловно, является практической функцией государственных органов, в которой философия играет важную роль, помогая оптимизировать толкование конституционного и иного законодательства.

Литература

1. Новейшее учение о толковании правовых актов: учебное пособие по курсу толкования правовых актов для судей, которые проходят повышение квалификации, и кандидатов на должности судей, которые проходят специальную подготовку / В. Г. Ротань, И. Л. Самсин, А. Г. Ярема и др.; отв. Ред., В. Г. Ротань — Харьков.: Право, 2013. — 70 с.
2. Конституция Украины. Принята Верховной Радой Украины 28.06.1996 // Ведомости Верховной Рады Украины. — 1996. — № 30. — Ст. 46
3. Конституция Российской Федерации. [официальный текст]: [принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.]: по состоянию на 07 мая 2018 г. // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 3. — Ст. 53.
4. Гражданский Кодекс Российской Федерации (часть 4) [официальный текст] // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 51. — Ст. 1070.

УДК 316

Социология риска в контексте анализа феномена терроризма: теоретико-методологические подходы

Sociology of risk in the context of phenomenon analysis of terrorism: theoretical-methodological approaches

Иванова Т. Н., доктор социологических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой «Социология»

Тольяттинского государственного университета
Полынькова М. М., магистрант кафедры «Социология»
Тольяттинского государственного университета

Ivanova T. N., doctor of sociological sciences, associate professor, professor, head of the department «Sociology» of Togliatti State University

Polynkova M. M., master's student of the chair «Sociology» of Togliatti State University

Аннотация. В статье авторы рассматривают теоретико-методологические подходы социологии риска в контексте анализа феномена терроризма. Авторы акцентируют вни-

мание на необходимости противодействия терроризму, которое связано, прежде всего, с сохранением собственной безопасности. Авторы отмечают, что сегодня наиболее важными рисками возникновения катастроф и чрезвычайными ситуациями с тяжелыми последствиями, являются не только природные катаклизмы, но антропогенные и техногенные, а также угрозы террористических воздействий на общество, которые имеют нарастающий характер.

Abstract. The authors consider theoretical and methodological approaches to risk sociology in the context of the analysis of the phenomenon of terrorism. The authors emphasize the need to counteract terrorism, which is primarily related to preserving its own security. The authors note that today the most important risks of disasters and emergencies with severe consequences are not only natural disasters, but also man-made and man-made, as well as threats of terrorist impacts on society, which have an increasing character.

Ключевые слова: терроризм, опасность, риск, феномен, социология, методология, концепция, угроза, общество, среда, человек.

Key words: terrorism, danger, risk, phenomenon, sociology, methodology, concept, threat, society, environment, person.

Работа выполнена в рамках гранта РФФИ проект № 17-46-630560 «Концептуальная инновационная модель социо-эколого-экономической системы Самарского региона».

Важно отметить, что понятия опасность, риск и угроза зачастую употребляются как синонимы. Однако следует уточнить, что они имеют значительные отличия, на которых мы остановимся в нашей работе.

Среди ученых социологов также нет единого мнения по поводу рассматриваемых понятий. Представим некоторые толкования понятия риска.

К. А. Гавриловым были выделены пять характерных признаков при анализе понятия риска: наличие ущерба, зависимость от решения, ожидаемость последствий, калькулируемость, допустимый характер последствий.

Е. М. Масловой риск был определен следующим образом. В ситуации риска человек действует или наоборот находится в неопределенности, в момент выбора, характерные для любой сферы жизнедеятельности. В данный момент от человека требуется оценка его действий, формирования важных социальных качеств, контроль и регулирование влияния социальных факторов, воздействие которых негативно влияют на деятельность людей, а впоследствии и на здоровье и жизнь людей [1]. Согласно данным определениям прослеживается деятельностный аспект индивида в условиях риска.

Мы считаем, что более точное определение риска было дано в работе «Общество риска. На пути к другому модерну» немецким ученым У. Бекком. Социолог рассматривает риск как регулярное взаимодействие общества с опасностями и угрозами, которые возникают благодаря процессу модернизации. Современные риски, в отличие предыдущих веков, — это то, что произошло впоследствии мощной модернизации и последующей за ней глобализации. Риски модернизации имеют политическую рефлексивность [2].

Современный взгляд в изучении области риска заметно расширился, начиная с XX века. На сегодняшний день ученые, исследователи выделяют два главных направления в понимании риска.

Первый — реалистический — связан с осмыслением риска, связанного с научными и техническими понятиями. В представленном направлении риск рассматривается в виде «пагубного влияния результатов или самого процесса производства на здоровье человека и на природную среду, связанные с качественными изменениями социальной и экологической среды» [3]. Примером объективной величины последствий рискованных ситуаций могут служить экономический ущерб, число пострадавших или погибших и многое другое.

Реалистический подход в изучении риска используют следующие отечественные социологи: А. В. Мозгова, С. В. Хетагуров, И. И. Кузьмин, Н. Н. Моисеев, Н. А. Махутов, А. С. Курбатова, А. Л. Шныпарков, С. М. Мягков, А. А. Кузьмина.

Необходимо отметить, что данная трактовка может лишь частично подходить для анализа феномена терроризма как одного из рисков современного общества. Мы считаем, что осмысление риска в данном контексте необходимо использовать только при анализе причиненного урона экономического характера, при подсчете количества жертв террористических актов, экологического ущерба.

Второй — социокультурный подход — делает акцент на социальный и культурный аспекты риска в обществе. Необходимо отметить, что данный подход неоднороден. В его контексте можно выделить три основных направления: культурно-символический, теория «общества риска» и теория «калькулятивной рациональности» [4].

Применительно к рассматриваемой теме можно отметить, что тело в террористическом акте превращается в культурный символ, несущий особую социальную информацию. С одной стороны, тело пострадавших при теракте выполняет функцию запугивания, порождения паники. С другой стороны, тело может выступать в качестве угрозы.

Социокультурный подход позволяет исследователям изучить вопросы о структуре риска и его взаимосвязь с опасностью, о теоретико-методологических концепциях в исследовании риска и о роли влияния на жизнь современного общества. У. Бек, автор концепции общества риска, был одним из первых социологов, кто попытался решить данные вопросы.

В понимании риска У. Бек рассматривает процесс регулярного взаимодействия общества с опасностями и угрозами, которые зародились вследствие модернизации.

Другой исследователь Э. Гидденс, как и У. Бек, считает, что современное общество рискогенно. Э. Гидденс, как и немецкий ученый, считает, что модернизация является причиной повышенного уровня проявления риска. Общество акцентирует внимание на понятии риска, прошлое с традиционными вариантами деятельности для общества теряет смысл, а в будущем появится что-то новое, неизведанное [5]. Обозначим наиболее существенные идеи ученого.

Во-первых, Э. Гидденс указывает на то, что риски могут возникнуть в современном обществе не только по причине действий, но и в случае отказа принятия решений. Социолог считает, что существует некая взаимосвязь между обществом риска и внутренними рисками, которые возникают и увеличиваются из-за ошибок человека.

По Э. Гидденсу действие выступает в качестве рационального процесса. Значит, в условиях риска все субъекты характеризуются рациональностью деятельности. Данная мысль ученого говорит о том, что только получение большего количества информации об обстановке с целью принятия правильного решения может повлиять на переход от риска к безопасности.

По Э. Гидденсу существуют две группы рисков. В первую группу входят самостоятельно выбираемые риски, согласно которым человек сам выбирает, рисковать ему или нет. Во вторую группу входят риски, которые были как бы заданы структуре социальной жизни, и здесь человек принудительно подвергается опасности и риску [6]. Однако границы между этими группами риска очень размыты.

В данном случае угроза террористического акта выступает как риск, который действует в структуре социальной жизни. Человек не стоит перед выбором — рисковать или нет, он просто случайно по воле судьбы находится в момент террористического акта.

Интересные взгляды на понятие риска представляет социолог Н. Луман. В отличие от У. Бека, рассматривающего риск в рамках перехода от индустриального общества к обществу риска, и Э. Гидденса, изучающего риски, возникающие в глобализующемся обществе и имеющие специфику распространения, Н. Луман делает попытки изучить риски с онтологической точки зрения. Н. Луман считает, что необходима определенная ясность в понятии риска, чтобы пресечь спекулятивность и управленческие манипуля-

ции. Ученый определяет три типа направления, производящие в современном обществе риски — естественные, технологические и социальные. Ученый в понимании риска полагается на социологическую отрасль знания.

Н. Луман анализирует риск с позиции рациональности. По мнению ученого, не известно, насколько рациональна природа человека при возникновении риска, так как тогда анализ риска не уместен в понятиях рационального социального действия. Современные события диктуют свои условия: отказ от риска означает отказ от рациональности [7].

Третье направление — теория «культулятивной рациональности» — опирается на работы М. Фуко. Странники этого направления не изучают понятие риска. Они считают основным в понимании риска человеческий дискурс, практики, стратегии и институции. Исследователей занимают вопросы о влиянии риска на порождение характерных норм поведения, при возможности использовавшиеся в процессах самоорганизации в ситуациях риска индивидом в рамках свободного участия.

Резюмируя вышеизложенное о феномене риска, хочется отметить, что и каждый индивид, и общество в целом перманентно подвергаются разным рискам. Терроризм как неотъемлемая часть современного общества, является одной из глобальных проблем, как всего человечества, так и каждого индивида в отдельности. Стоит учитывать, что нельзя принимать только одну концепцию или один подход во внимание при изучении рисков. Каждый подход предоставляет ценную информацию, необходимую как для осмысления проблемы терроризма, так и для его практического применения.

Литература

1. Маслова М. Е. Философский и социологический анализ понятия «социальный риск» // Вестник СевКавГТУ. Серия «Гуманитарные науки». 2001. — Вып. 6. — С. 39.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. — С. 22.
3. Эжиев И. Теоретические подходы к исследованию проблемы риска // Власть. 2010. — №2. — С. 61.
4. Энциклопедия социологии. URL: <http://siblibio.com/BIBLIO/content.aspx?dictid=97&wordid=815063> (Дата обращения: 19.01.2018).
5. Яницкий О. Н. Социология риска: ключевые идеи. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=1544> (Дата обращения: 28.01.2018).
6. Гидденс Э. Судьба, риск, безопасность // Thesis. 1994. №5. С. 109.
7. Мартынов К. Не быть жертвой. URL: <http://www.rabkor.ru/authored/11843.html> (Дата обращения: 15.02.2018).
8. Луман Н. Понятие риска // THESIS. — 1994. — №5. — С. 148.

УДК 1: 811.111'27

Мировые варианты английского языка в контексте глобализации**Correlation of the globalization processes and world englishes**

Vovk N. A., аспирант кафедры теории языка, литературы и социолингвистики Института иностранной филологии Таврической академии (структурное подразделение) Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
Vovk N. A., postgraduate student of the Chair of the Theory of Language, Literature and Sociolinguistics of the Institute of Foreign Philology of Taurida Academy (structural unit) of the Crimean Federal V.I. Vernadsky University

Аннотация. В статье рассматривается соотношение процессов глобализации и мировых вариантов английского языка. Дается характеристика особенностей глобализации. Также представлен подход, который возник под влиянием последней и был предложен Брайем Качру. Этот подход основан на теории о трех концентрических кругах английского языка.

Abstract. In the article one analyzes the correlation of the globalization processes and World Englishes. There is given the characteristics of the globalization peculiarities. Also one represents the approach which appeared under the influence of the globalization and was put forward by Braj Kachru. The approach is founded on the theory of three concentric circles.

Ключевые слова: глобализация, английский язык, мировые варианты английского языка.

Key words: globalization, the English language, world Englishes.

Расширение и влияние английского на другие культуры, языки и литературы, в таком случае, является уникальным явлением в истории распространения языков. Поэтому, весьма уместен вопрос: «Есть ли у нас соответствующие теоретические и методологические средства, чтобы дать объяснение этому явлению?».

Осуществляя авторское исследование «Социолингвистические аспекты функционирования английского языка в Нигерии», нами обнаружено, что эффективным средством получения характеристик, может стать метод, введенный профессором Брайем Качру. Под его руководством было дано начало, сформировано и определено лингвистическое, социокультурное и педагогическое измерения кросс-культурного распространения английского языка. В начале 1980-х он создал термин и философию, благодаря которым он известен более всего — это «мировые варианты английского языка». Качру выдвинул постулат, что «существует множество вариантов английского языка, на которые оказали влияние различные местные языки. Мировые варианты английского языка следуют правилам, которые отличаются от стандартного британского английского» [2, с. 135]. Он обращает внимание, что в Индии, как и в большинстве пост-колониальных государств, говорящие «сплетают как английский, так и местный язык, во время бесед, сознательно не понимая, какой язык они используют» [4, с. 9].

Профиль этой плюрацентричности можно представить со ссылкой на три концентрических круга английского языка. Первый, внутренний, включает в себя такие страны как Соединенное Королевство, Соединенные Штаты Америки, Канаду, Австралию, Новую Зеландию. Во внешнем круге находятся Бангладеш, Гана, Индия, Ямайка, Кения, Малайзия, Нигерия, Пакистан, Филиппины, Сингапур, Южная Африка, Шри-Ланка, Танзания, Замбия. Расширяющийся круг охватывает Китай, Египет, Индонезию, Израиль, Япония, Корею, Непал, Саудовскую Аравию, Тайвань, СССР, Зимбабве [3, с. 35].

Осмысливая происхождение метода, становится ясным, что его корни лежат в глобализации.

Цель работы — рассмотреть влияние глобализационных процессов на определение статуса «мировых вариантов английского языка». Для решения поставленной цели следует рассмотреть, какими характеристиками обладает глобализация и что собой представляет концепция «мировых вариантов английского языка».

Как известно, в XX веке началось формирование процессов интеграции в сфере техники, экономики и организационного процесса в мировом масштабе. Далее этот процесс был обозначен термином «глобализация». Возникновение термина «глобализация» связано с именем англо-американского социолога Р. Робертсона. В 1983 году он применил понятие «globality» в своей статье. Уже позже, в 1992 году он написал книгу, где изложил основы этой концепции. В ходе этих процессов *стираются культурные, национальные, социальные различия*.

К концу XX века начинается формирование общества, которое философы назвали постиндустриальным или информационным. В таком типе общества большие транснациональные корпорации формируют звездно-сетевые структуры. Сложные коммунальные инфраструктурные сети обслуживают гигантские мегаполисы. СМИ создают «глобальную деревню».

Осмысление понятия глобализации с социально-философских позиций напрямую связано с трудами таких авторов как О. Тоффлер, Э. Гидденс, П. Бурдьё, Д. Белл. В теории постиндустриального общества, предложенной Д. Беллом, изложен ряд особенностей, которые сопровождают процесс глобализации. Во-первых, идет формирование нового класса интеллектуальной элиты, во-вторых, возникают новые технологии, в-третьих, ослабляется противоположность труда и отдыха. Также имеет место отчужденность личности [1, с. 34].

Д. Белл также выдвинул концепцию относительности дефицита. Эта концепция гласит, что место дефицитов, которые устранены техническим прогрессом, будет занято новыми, такими как *дефицит информации, времени и потребления* [1, с. 34].

Еще одним следствием влияния изменений глобального уровня на сферу культуры стало значительное увеличение интереса к вопросу культурной идентичности. Множество мультинациональных государств стараются определить свою самоидентификацию в рамках культуры и цивилизационных категорий.

Носителями современной глобальной культуры представлены транснациональной группой индивидов, которые заняты творческой профессиональной деятельностью высокоинтеллектуального характера в области информационных технологий, а также науки и образования. На текущем этапе именно наука имеет приоритет перед технологиями и производством. Такие идеи ранее были сформулированы Т. де Шарденом и В. И. Вернадским. Применяемое ими понятие «ноосфера» как области научного знания дало возможность дать объяснение росту сферы научных знаний и социальной эволюции человечества [1, с. 35].

На фоне процессов глобализации встал вопрос о корреляции различных вариантов английского языка. Последний, по сути, являлся орудием предглобализационных процессов. В период эпохи колониализма он был импортирован англичанами во многие страны. Для того, чтобы поднять свой социальный статус и получить соответствующие привилегии, местные жители были вынуждены изучать его.

К началу процесса глобализации сформировались различные варианты английского. Тем не менее, эталоном этого языка считался британский вариант. Пока процессы интеграции в области техники, экономики и организационной сфере не достигли глобализационных масштабов, то остро и не стоял вопрос о том, как соотносить эти варианты английского, которые были разбросаны по всему свету. Но с приходом процесса глобализации, когда представители разных сообществ стали встречаться на различных мероприятиях или переписываться в сети Интернет, встал вопрос, какой язык может быть использован в качестве универсального средства общения. Оказалось, что все необходимые характеристики есть у английского языка, которым в той или иной степени владеет множество людей. Сложно определить их количество. По самым умеренным

оценкам на два человека, которые говорят на нем и для которых он не родной приходится один человек, для которого он родной. Более свободные данные дают нам соотношение четыре к одному.

Что более интересно, пользователи, для которых он не родной, сейчас ответственны за его распространение и обучение, а также сферу применения. Коммуникация на английском языке в западных странах производится, в основном, носителями, для которых он не родной. Среди участников общения на английском в этих регионах редко присутствуют те, кто представляет страны внутреннего круга.

Поскольку варианты английского языка отличались друг от друга на всех уровнях, то есть фонетическом, лексическом, грамматическом и синтаксическом, то в рамках глобалистики необходимо ответить на вопрос, как к этому относиться. Идет процесс коммуникации. Например, жители Нигерии понимают индусов. Китайские ученые общаются с японскими. У нигерийцев, индусов, китайцев и японцев английский представлен своим вариантом, который отличается от британского. И, само собой разумеется, они не собираются переучиваться. Относиться к этим вариантам английского языка как к девиациям — тоже не выход. Назревали определенные противоречия, которые и разрешил подход Брайа Качру, который предложил термин «мировые варианты английского языка» («World Englishes»), уравнивший в праве на существование подвиды этого языка в мировом масштабе.

По словам Маргерит Кортрайт, студентки и коллеги Качру на факультете английского языка как международного, «термин «мировые варианты английского языка» в начале вызвал споры. Были пуристы, которые считали, что должен быть только один стандартный английский язык — британский английский. Остальные, как они говорили, были отклонениями. Концепция мировых вариантов английского языка допускает вариативность в использовании английского. Также она допускает разные варианты английского языка» [4, с. 7].

Влияние мировых вариантов английского языка подобно двуликому Янусу. Одно лицо — это лицо англизации, процесс изменения, который английский запустил в других языках по всему миру. Второе лицо касается нативизации и аккультурации самого английского языка, процессов изменения, которым локализованные разновидности английского подверглись через приобретение новых лингвистических и культурных идентичностей. Это объясняет использование таких терминов, как африканизация и индианизация английского, или использование таких терминов, как сингапурский английский, нигерийский английский, филиппинский английский и шриланкийский английский.

Английский продолжает изменять языковое поведение людей по всему миру. Сейчас это основной инструмент начала широкомасштабного билингвизма по всему миру, ведь быть билингвом означает, главным образом, знание английского языка и его использование в качестве дополнительного, как языка для более широкого спектра коммуникации, с одним или более языками с какого-либо региона.

В ходе исследования можно сделать вывод, что процесс глобализации затронул лингвистику и ее методологию. Один из аспектов касался роли английского языка. На определенном этапе под воздействием глобализационных тенденций встал вопрос о корреляции его вариантов в глобальном масштабе. Эта проблема была разрешена ученым Брайем Качру, который ввел термин «мировые варианты английского языка» и предложил свой подход, который основывается на том, что существует много разновидностей английского, каждая из которых имеет право на существование. Основу методики Бр. Качру составляет анализ нативизации и аккультурации самого английского языка под влиянием местных языков разных стран.

Английский продолжает вносить изменения в языковое поведение людей по всему миру. Сейчас это главный механизм полномасштабного билингвизма во всем мире. Знание английского и его применение в качестве дополнительного языка для более широкой коммуникации дает определенные перспективы.

Таким образом, можно сказать, что глобализация, а вместе с ней и английский язык, представленный мировыми вариантами, в той или иной степени нейтрализуют различия культурного, национального, социального характера. Если взять в качестве примера студентов из Нигерии, то, по их словам, они начинают учить английский даже раньше родного языка или вместе с ним. Таким образом, благодаря глобализации, нигерийцы погружаются в английскую культуру и развиваются в ее формате уже с детского возраста. Свои традиции и национальную идентичность они тоже не забывают и гордятся ими, но все эти традиции реализуются на фоне английского языка. Знание последнего предопределяет и социальный статус людей. Юноша или девушка из небольшого поселка может иметь более высокий социальный статус благодаря знанию английского, чем человек, который живет в большом городе и, соответственно, не владеет последним. Английский язык обеспечивает студентам-нигерийцам возможность после учебы эмигрировать, фактически, в любую англоговорящую страну, и там претендовать на определенный социальный статус. Это всё обусловлено глобализацией и знаниями английского.

Что касается дефицита информации, времени и потребления, которые сопровождают глобализацию, то можно сказать, что глобальный английский в некоторой степени помогает преодолеть эту проблему. Поскольку много сведений подается именно на английском, а не на национальных языках, то индивидум может найти определенную информацию на английском языке, например, в сети Интернет и избежать при этом временных затрат, зная, что на родном языке таковых данных он не получит. И если в Нигерии отсутствуют определенные услуги для потребления, например, образовательные, то смена страны и знания английского, опять-таки благодаря процессу глобализации, способны снизить такой дефицит.

Литература

1. Философия. Учебно-методическое пособие для магистров и аспирантов/ Под общей ред. проф. Лойко А.И. — Минск: Изд-во БНТУ, 2007. — 101 с.
2. Kachru Braj B. World Englishes: Agony and Ecstasy / Braj B. Kachru // *Journal of Aesthetic Education*. — Vol. 30. — No. 2. — Special Issue: Distinguished Humanities Lectures II (Summer, 1996). — P. 135—155.
3. Kilickaya Ferit. World Englishes, English as an International Language and Applied Linguistics / Ferit Kilickaya // *English Language Teaching*. — 2009. — September. — Vol. 2. — No. 3. — P. 35—38.
4. Selected Writings of Prof. Braj B. Kachru. — Kashmir News Network, 2007. — 47 p.

III ГОРИЗОНТЫ ИДЕОЛОГИИ

УДК 101.9

Проблема национальной ориентированности «университетской философии» или актуальность вопрошания М. Сарьяна «А где русские?»**The problem of national orientation of «university philosophy» or the urgency of M. Saryan's questioning «And where are the Russians?»**

Шульгин В. Н., доктор исторических наук, действительный член Академии геополитических проблем, руководитель Калининградского филиала АГП
 Shulgin V. N., doctor of historical sciences, full member of the Academy of Geopolitical Problems, head of the Kaliningrad branch of the AGP

Аннотация. Изучается проблема рецепции национального духа русской мысли у значительной части преподавателей российских университетов и представителей интеллигенции. Приводятся факты явной нехватки у них чувствительности к творческому духу русизма «по Пушкину, по Тютчеву» и соответствующих знаний — нашего наследия отечественной культуры.

Abstract. The author is studying the problem of spiritual reception of Russian thought among a considerable part of the teachers in Russian universities and representatives of our modern intelligentsia. The author criticizes the facts of the apparent lack of sensitivity to the creative spirit of Russism «according to Pushkin, according to Tyutchev» and the corresponding knowledge — our heritage of Russian culture.

Ключевые слова: русизм, дух народности, самобытность, германизм, немецкий дух, подражательность, христоцентричность отечественной культурной традиции.

Key words: Russism, the spirit of the Russian people, originality, Germanism, German spirit, imitation, the Christocentricity of the Russian cultural tradition.

Нехватка «народного» настроения — главнейшая причина теоретических и практических проблем современной России. Человеческая душа требует «своего» чувства и «укоренённости» как предпосылки достижения истины. Отсюда столь любимые слова-паролы представителей отечественной духовно-интеллектуальной традиции: *самобытность, своебытность, самородность*. Так, Н. М. Карамзин на заседании Российской Академии в 1818 г. заявил о важности «всего коренного русского», отрицая «бездушное подражание». Он учил в европейском «множестве» открывать своё, «народное». Россиянин должен стать «сам собою» и завершить подражательный петербургский период развития: «...дух его, как орёл дерзновенный, уединённо воспарит в горних пространствах» [10, с. 145]. Эта задача до сих пор вполне не решена.

После «ухода» марксизма из круга «обязательных» настроений мы ещё не отказались от космополитически-универсалистских его предпосылок, например, в Калининграде. Отсутствие *русизма* как «природного» настроения интеллигенции ведёт к почти «автоматическому» восполнению этой недостачи *германизмом* по давно навязываемому принципу ложно понимаемого «географического детерминизма». Символ этой «западной веры» лукав, глядя, что калининградцы окружены странами Евросоюза... поэтому *русского духа* здесь быть не может. Немецкая сторона поощряет забвение русизма. ФРГ с конца 1980-х гг. навязывает ненаучный взгляд о культуре как функции «территории».

Софистскими приёмами, таким образом, вытравливается дух *народности* как основы культуры.

Так, Й. Хакманн, представитель «Балтийской академии» Любека в редакционном введении к сборнику статей, выдержанных в указанном духе, пишет: «жители регионов, окружающих Балтийское море <...> выступают «против национал-государственных перспектив», опираясь на представление о едином регионе, объединённом общей «идентичностью» [29, S. 5; курсив мой — В. Ш.] Редактор, конечно, не говорит, что он «в снятом виде» излагает германскую имперскую теорию «Центральной Европы» («Mitteleuropa»), то есть «Большой Германии». Её, в частности, развивал Ф. Науманн (Fr. Naumann) [См.: 32]. Подход Й. Хакмана поддержал российский учёный, директор Кунсткамеры из Петербурга А. С. Мыльников в статье с соответствующим названием: «Балтийское море — единство в многообразии» [31, S. 15—16]. А. С. Мыльников (1929—2003) высказался в «немецком духе» о калининградском регионе, что нельзя «игнорировать» чисто «территориальный» аспект «культурных традиций». Он почёл, что в Калининграде «интерес к традициям немецкой культуры стал фактором общественного значения» [31, S. 15—16]. Не указано, правда, что этот «интерес» всячески стимулируется из ФРГ.

В рамках подобного «детерминизма» в Калининграде давно навязывается практически общеобязательное почитание И. Канта. Дошло и до прямой русофобии, «подкреплённой» ошибочным толкованием классиков словесности. Ф. З. Кичатов отозвался о противниках навязывания некритического отношения к И. Канту как о «доморощеных русопёрах», издающих «бешеные вопли» [11, с. 128]. Он даже А. С. Пушкина выдал за сторонника немецкой философии, напоминая официальных философов советского периода, умевших «откомментировать» цитаты основоположников марксизма-ленинизма «в любую сторону». Так, К.З. Кичатов говорит о «формировании прокантовских взглядов Пушкина». Литературовед «притягивал» к Канту и П.Я. Чаадаева, христианского мыслителя, критика кантовского идеала «автономной этики» для свободного гражданина [11, с. 136].

Не удивительно — за десятилетия почти тотальной «кантовской пропаганды» в Калининграде навязана «мода на Канта». Вот показательная калининградская газетная заметка из 1999 г. Тогда уже вовсю шло «кантовское наступление». С придыханием сообщалось о немецкой выставке «Обед с Кантом» в «Музее Кёнигсберга» (Дуйсбург, ФРГ) с демонстрацией тематических картин трёх калининградских художниц. С восторгом говорилось, что «имя И. Канта навсегда останется для Калининграда его добрым гением, ангелом, символом, в чём-то эталоном, и этот список значений *нашего великого земляка* можно ещё долго продолжать» [5; курсив мой — В. Ш.]. Подобная квазирелигиозная апологетика на тему «Кант — это наше всё» преобладает и в местных «электронных» СМИ [7].

Итак, имя И. Канта, как и упоминание с симпатией других немецких деятелей, включая нацистов (поэтессе А. Мигель и гауляйтера Э. Коха), служат для отвращения россиян от собственных национальных проблем и интересов. Цель очевидна — формирование русофобского менталитета, характерного для ФРГ, — лидера западной русофобии (есть сравнительные подсчёты *Российского института стратегических исследований*). Германия стратегически нацелена на отъём у России Калининградской области, и проводит и третью за сто лет операцию по захвату Малороссии [17, с. 3]¹. Принцип Запада прост: лишите калининградское юношество «русских» ощущений и чувств, навязывая всё немецкое по принципу «с глаз долой — из сердца вон».

Так, местные авторитетные учёные, «сидящие на грантах», толкают к занятиям исключительно И. Кантом и его сторонниками, преимущественно западными, а затем — и другими «кенигсбержцами», например, Ханной Арендт. Юношеству уже все уши прожужжали о необходимости философской пропедевтики, отвращающей от русской мысли под

¹ Констатируется, что в Германии, на одну нейтральную публикацию о России приходится 70 негативных. «Берлин проводит стратегическую информационную операцию по перестройке российско-германских отношений <...> на формат резкой конфронтации <...> В стране созрело понимание, что ей пора становиться великой европейской державой и пересматривать в свою пользу итоги Второй мировой войны. <...> За период с 1918 года Германия предпринимает уже третью попытку оккупировать Украину».

предлогом всё того же лживого «географического детерминизма». Настаивают, что местные жители обязаны славить И. Канта, Х. Арендт и т.п. выразителей «гения места».

Западные «планировщики» ментально-нравственного «увода» Калининграда из России и местные «агенты перемен» кое о чем существенно умалчивают. В частности, апологеты «сумрачного германского гения» не указывают, что он прямой предшественник К. Маркса, ценившего философию И. Канта как «немецкую теорию Французской революции» («die deutsche Theorie der französischen Revolution») [Цит. по: 28, S. 6]. Ханна Арендт, лживо уравнивая Сталина и Гитлера, работала на ЦРУ в рамках задач «психологической войны», решавшихся США в «холодной войне», но об этом также ничего не говорят ни немцы, ни специалисты из БФУ им. И. Канта [См.: 22; Ср.: 23, с. 97. 160, 169, 177, 261, 278, 290, 333, 341, 342]¹.

Далее, не сообщается об отечественной традиции научно-философской критики воззрений И. Канта с христианской точки зрения. Философская кафедра, которая это делала, была обезглавлена в середине 2000-х гг. Проф. С.В. Корнилов — представитель «русского Воззрения» — был, по сути, отстранён от преподавания ею, а затем она была поглощена «соросовской» философской кафедрой, руководимой проф. В. Н. Брюшинкиным (1953—2012) [26].

Вузовское руководство политикой принудительной «кантизации» повлиало на городское начальство. Откроём, например, сайт «Администрации Калининграда». Читаем панегирик И. Канту, написанный Л. А. Калининковым, главнейшим местным кантоведом. Мэтр высказывает своё кредо: «Кант — это уникальнейшее явление культуры общечеловеческой... и, в то же самое время, дух 750-летнего города, его *genius loci* — гений места. До 1724 года дух Канта существовал как бы виртуально, он готовил рождение единого города, вызревал вместе с ним потенциально, а с этого года всё более и более явно дух Канта формирует облик города и хранит его... в прямом и переносном смысле» [8; курсив мой — В. Ш.]. Приведённая цитата с очевидностью свидетельствует, что наше кантоведение — это не наука, а род квазирелигии — *кантомании*.

Христиане верят в Троицу. Наш же ведун обожествляет человека, делая из него вечно сущего бога, «форматирующего» русских в хранителей германства. Как человек новой веры, мэтр оставил Маркса, уверовав в его предшественника [12, с. 9]. Поэтому в своей заграничной английской статье, написанной в 1992 г., Л. Калининков пишет, что преодолеть «идеологический кризис в России» надо, взяв на вооружение идеи Канта о правах и свободах человека-собственника. Государство должно признать стратегическим курс «на всеобщее и полное разоружение под пристальным (detailed) международным контролем». Наконец, Россия, должна «признать индивидуума в качестве Гражданина Мира, наслаждающегося обладанием равных прав в любой части земли наряду с гражданами любой другой страны». В завершение приводится главный догмат его «богословия»: «И поскольку Кант бессмертен, его город всё переживёт. *Кёнигсберг* будет жить» [30, с. 437—438; курсив мой — В. Ш.]

Итак, исповедание бога-Канта привело нашего исследователя к вере в возрождение якобы вечно-немецкого Кёнигсберга. Этот пример свидетельствует о далеко не случайном названии весьма популярной в Калининграде и его главном Вузе немецкой общественной организации «Обществом друзей Канта и Кёнигсберга». Она создана (вместе с тьмой подобных), чтобы веру в западнизм сообщать молодым калининградцам, дабы они, став «гражданами мира», переназвали сей град по-немецки, шагнув к потере нашего суверенитета на русском Балтийском Поморье. С собой эту ментальную операцию наш профессор уже провёл, закончив статью указанием, что она написана в «Кёнигсберге» 6 мая 1992 г.

Итак, прогрессирует борьба с философским русизмом с целью замены его германством. В интервью «Шпигелю» в 2004 г. по случаю 200-летия со дня смерти И. Канта Л. А. Калининков к удовольствию немцев ополчился уже и на Православие, осудив возведение в Калининграде православного Кафедрального Собора — Храма Христа Спасителя — на том основании, что И. Канту этот «откат в средневековье» бы не понравился.

¹ Конференция по Х. Арендт в БФУ проведена при поддержке ФРГ, как это значится на сборнике докладов.

Попутно мэтр назвал Президента «врагом просвещённой России» за храмоздательство и стремление к возрождению «сильной России» [33, S. 118]. Его коллега, «ведущий» историк Вуза, также считающий нашу землю воплощением германского «гения места», аналогичным образом находит ошибочным, если не преступным, «изгнание прусского духа» из Калининграда [13, с. 5]¹. Такого рода профессура, к сожалению, господствует в БФУ им. И. Канта, захватив господствующие позиции в преподавании ряда гуманитарных дисциплин. Такая подражательность, давно наименованная Ф. М. Достоевским «чужебием», не встречает должного «патриотического» ответа. Так, журнал БФУ помещает хвалебную рецензию на монографию Л. А. Калининкова о «влиянии» И. Канта на «русскую философскую культуру». Рецензент воспроизводит спорную, мягко говоря, мысль учёного, считающего, что «кантовская философия — это возведённая в степень квинтэссенция европеизма», которая может «содействовать повышению логической и метафизической культуры». Ничего не говорится о русской критике «кантизма» [16, с. 97].

Приведены примеры типичного «калининградского дискурса», воплотившегося во множестве «философских» текстов. Происходящее сегодня — это странный возврат давнего интеллигентски-философского безвременья. О нём с горечью писал В. Н. Эрн в монографии о Г. С. Сковороде, размышляя об «основном характере русской философской мысли». Мыслитель Серебряного века метко заметил наш, так сказать, когнитивный сбой, ещё не преодоленный: «Двухвековое преклонение перед Западом создало особую, глубоко залегшую складку в нашей общественной психологии. Мы заранее <...> априорно <...> склонны отдавать предпочтение всему, что не наше, преклоняться перед чужим <...> нет другой культурной нации в мире, которая бы так мало осознала свои духовные богатства, так мало ценила предоставленные ей возможности, как Россия» [27, с. 333; курсив автора].

Эту же мысль по-своему хлётко повторил В.В. Розанов в 1914 г., заостря внимание массового читателя на *необходимости рецепции духа отечественной мысли и практики*. Мыслитель сочувственно цитирует отзыв женщины-учёного М.В. Безобразовой о зрелище подражательной «философии» в России. Она заметила: «Сколько пережевываний Конта и Канта...». В.В. Розанов откликнулся актуальным комментарием: «Действительно, университетская наша философия всё пережевывает И. Канта, журнальная наша философия всё пережевывает О. Конта, являя <...> что-то ленивое, тусклое и безнадёжное. То и другое по безжизненности, отсутствию оригинальной и своей мысли, по отсутствию всякой связи с родной почвой, со своим племенем, со своей историей напоминает самые мрачные времена схоластики <...> душа [такой философии] — пассивна, холодна, инертна, лишена *вкуса к самой науке* и «знает, что знает» и никуда дальше не двгается» [21, с. 360—361; курсив автора].

Удивительно — к нашему положению в Калининграде абсолютно применима эта характеристика В. В. Розанова. Правда, с одним показательным добавлением. Ныне пресловутое подражательно-интеллигентское «пережевывание Канта» не только «лениво, тускло и безнадёжно», оно ещё и *продажно*, причём — *сознательно продажно*. Участники действа сознают, что измена русскому духу щедро вознаграждается, оборачиваясь бонусами в академической и культурной сферах. В этих важных областях жизни давно господствуют представители западнизма, получая вакансии и гранты.

Заинтересованные лица «обманываться рады», не ведая, что основной «духовный» мотив «классической» немецкой мысли XVIII—XIX вв. вёл её к утрате Христианства как руководящего мотива мысли. Констатация этого «системного сбоя» немецкого духа, сознававшая уже в пушкинское время, пока не воспринята «университетской философией» Калининграда. Приведу поясняющие свидетельства из нашей классики и со стороны тех, кто «стоял рядом». Вот, например, отзыв И. С. Гагарина, товарища Ф.И. Тютчева по дипломатической службе в Баварии в 1820—30-е гг. Он так суммировал юношеские ощущения о воздействии на него философического «немецкого духа»: «Под германским влиянием я стал привыкать к идее о безличном боге, что значило попросту исповедовать

¹ На стр. 2 указывается, что данная книга издана «при поддержке Американского совета научных сообществ».

безбожие» [6, с. 59]. И.С. Гагарин верно чувствовал основные, по сути, атеистические токи цивилизованного Запада, не умея им противостоять, что получалось у Пушкина, Тютчева и т. д. Этот русский подвиг отметил И. С. Аксаков в биографии поэта, вспоминая, что «Тютчев обличал в этой цивилизации оскудение духовного начала и пророчил, что, уклонясь от оснований веры, обязывавшихся... она дойдёт до самоотрицания и до самозаклания» [1, с. 256].

Такого рода заключения о Западе вообще были характерны для Русской классической мысли (например, в дневниках В. А. Жуковского). И. С. Аксаков имел полное право заметить: Тютчев «с самого начала как бы судил Запад» [1, с. 251; курсив автора]. Славянофил при этом отметил важную мысль Тютчева, аналогичную той, какая на Западе, благодаря П. Валери и А. Камю, явилась спустя более чем полвека [См.: 4; 9, с. 352]: «Тютчев... проводил различие между революцией как отпором незаконной власти и революцией как теорией... возведённой в право... Он обличал в этой революции присутствие целого нового <...> вероисповедания, которое, по мнению Тютчева, связывалось с общим историческим ходом философской и религиозной мысли на Западе» [1, с. 251—252]. Именно последний, «диалектический», грех легитимации «кровавой» Революции во всемирном масштабе был характерен для «сумрачного» гения Канта, что и вызвало одобрение его продолжателей — К. Маркса и В. И. Ленина, что, наконец, стало замечаться и западной мыслью. Так, А. Камю говорил о грехе «немецкой идеологии», приведшей к воцарению кровавого «бога» модерна: это «бог Канта, Якоби и Фихте». В итоге «Бог... был изгнан из этой исторической вселенной, и немецкая идеология зародилась там, где действие перестало быть совершенствованием, превратившись в чистое завоевание, то есть в тиранию» [9, с. 210, 351 (примечание 2)].

Таким образом, отечественная классика, усиливавшая модус христоцентричности, имела полное право быть «судилищем» Запада и «приказом Европы», как заключил уже А. С. Пушкин, а позднее повторил его соратник Ф. И. Тютчев. наших гениев объединил один дух — *русский* [19, с. 397]. Ф. И. Тютчев наблюдая в 1848 г. закономерный феномен «социальной» революции, заметил, что Германия становится её главной силой: «Шестьдесят лет господства *разрушительной философии* совершенно разрушили в ней все христианские верования и развили <...> главнейшее революционное чувство — гордыню ума — столь успешно, что... эта язва века, возможно, нигде не является так глубоко растравленной <...> Германия с неизбежной последовательностью ощущала в себе возраставшую ненависть к России <...> тяготясь оказанными Россией благодеяниями, Германия не могла не питать к ней неистребимой неприязни». Русофобия пересилила даже «чувство самосохранения» [24, с. 148; курсив мой — В.Ш.]

Поразительно, но факт, — сегодня типологически повторяется ситуация, замеченная Тютчевым: максимальный градус русофобии именно в Германии со стремлением нанести ей урон на Украине и в Калининграде последовал после эпохальных «благодеяний» Горбачёва и Ельцина, отдавших Восточную Германию в крепкие объятия ФРГ. Немец всегда немец. Посчитав случившееся фатальной слабостью современной России, он стал возвращаться «на круги своя», начав «культурное» наступление на Россию. Это обстоятельство и побуждает решительно возвращать в нашу национальную «практическую философию» свой собственный дух, с которым Россия умела достигать как творческого величия, так и победно наступать на Запад в 1812, 1916, 1944—45 гг. в ответ на германо-западный «натиск», который сегодня возобновлён.

В данных обстоятельствах долговременная «нерешенность» проблемы «национализации духа» на западе России приводит ко всё более отрицательным последствиям в общественной и государственной жизни (главный университет, кузница кадров, поражен отмеченной болезнью духа).

Проблему нашей национальной ориентированности почувствовал армянский художник XX в. М. Сарьян, о чём поведал А. Битов в «Уроках Армении». Ему довелось быть представленным великому живописцу, который удивился стеснению современных русских быть самими собой, несмотря на величие их культуры, науки и т.п. Старец за-

интересовался молодым человеком, приехавшим из славного русского города. Вначале М. Сарьян по-розановски поинтересовался его национальностью. Смущенный Битов признался, что он *русский*. Старец переспросил: «ты русский-русский?» Битов ответил утвердительно. М. Сарьян, которому, судя по контексту, было «за державу обидно», так пояснил причину своей настойчивости: «— А то, — сказал он задумчиво, и рука взлетела вверх, очень далеко, и оттуда медленно, как лист, стала падать, — *поляки, французы, немцы... а где русские?*— снова стремительно спросил он» [2, с. 157; курсив мой — В.Ш.]

Андреем Битовым, понявшим причины недоумения живописца, «овладел восторг». Он уяснил нечто «самое главное» в своей жизни, — её *национальный императив*, которому изменять «не можно». Этого пока не поняли многие университетские философы Калининграда, забывшие при содействии Запада о мощи и правоте самобытной Русской традиции. А. Ф. Лосев, её проводник, имея в виду «градус» духовности И. Канта, назвал его «мелкопоместным протестантом» [15, с. 549]. Идя путём П. А. Флоренского, он осознал ключевую роль И. Канта в становлении современной западной «сатанологии» [14, с. 256—263]. К ней скатилась «интеллигентщина», отшатнувшаяся от «теологии». Она соблазнилась гением Канта, заменив *его органическое, духовное и естественное* в идеале и устремлении жизни *искусственным, механическим и революционным* [25, с. 246].

Этот специфически русский подход, как уже отмечалось, был характерен для Ф. И. Тютчева, предшественника русских гениев XX века. Он отверг секулярно-рационалистический подход «классической немецкой философии». Близкий поэту-мыслителю баварец К. Пфеффель вспоминал о показательном споре юного Тютчева с маститом Шеллингом. В ответ на шеллинговское стремление «примирить» философию с Христианством Тютчев возражал: «...невозможное дело. Философия, которая отвергает сверхъестественное и стремится доказывать всё при помощи разума, неизбежно <...> погрязнет в атеизме. Единственная философия, совместимая с Христианством, целиком содержится в Катехизисе. Необходимо верить в то, что верил святой Павел, а после него Паскаль, склонять колена перед *Безумием креста* или же всё отрицать. Сверхъестественное лежит в глубине всего наиболее естественного... У него свои корни в человеческом сознании, которые гораздо сильнее того, что называют разумом, этим жалким разумом, признающим лишь то, что ему понятно, то есть *ничего!*» [20, с. 37; курсив автора].

В этих словах национального гения, по сути, отвергшего духовную «теплохладность» И. Канта, нашёл точное выражение общий философский подход отечественной классики Золотого и Серебряного веков нашей культуры. Она («по Пушкину, по Тютчеву» [3]) восславила *дух уверовавшей в святую народности*, понявшей в отличие от Канта и его последователей, что «благая вера» предполагает устремление к *христианской жизни*, — от хранения в чистоте душ «потомков православных» [18, с. 231] до ведения национальной политики, хозяйства, семьи с опорой на *русскую правду*. — Вплоть до «практики» молитвы, которую немецкий классик И. Кант отрицал в духе своей «гуманистической» этической «автономии».

Литература

1. Аксаков И.С. И слово правды... Стихи, пьеса, статьи, очерки / Сост. М. А. Чванов — Уфа: Башкирск. книжн. изд-во, 1986.
2. Битов А.Г. Кавказский пленник. — СПб.: Азбука-Классика, 2004.
3. Бородин Л.И. Мы с детства в Русь вколдованы... // <http://klin-demianovo.ru/http://klin-demianovo.ru/novosti/19996/ushel-iz-zhizni-glavnyiy-redaktor-zhurnala-moskva-leonid-borodin/>
4. Валери П. Кризис духа (1919) // Он же. Об искусстве. — М.: Искусство, 1976.
5. Васильева А. Обед с Кантом // Точка опоры. 5 ноября 1999.
6. Гагарин И.С. — Бахметевой А.Н. (январь 1875 г.) // Литературное Наследство. Т. 97. Фёдор Иванович Тютчев. Кн. 2. — М.: Наука, 1989.
7. Калининградский философ В. Балановский свозил идеи Канта в Афины // <https://strana39.ru/news/obuchenie/77078/kaliningradskiy-filosof-svozil-idei-kanta-v-afiny.html>

8. Калинин Л.А. Кант—Кёнигсберг—Калининград // http://www.klgd.ru/city/history/almanac/a5_13.php
9. Камю А. (Camus A.) Человек бунтующий (1951). — М.: Изд-во полит. лит., 1990.
10. Карамзин Н.М. Избранные статьи и письма. — М.: Современник, 1982.
11. Кичатов Ф.З. «Поклонник Канта и поэт...». Глава из книги «От Канта к Пушкину» // Балтика. 2004. № 2 (13).
12. Корнилов С.В. Кантики и фантаки // Литературная газета. 2013. № 20.
13. Костяшов Ю.В. Секретная история Калининградской области. — Калининград: Терра Балтика, 2009.
14. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа». — М.: Мысль, 2001.
15. Лосев А.Ф. «Я сослан в XX век... В 2 томах. — Т. 2. — М.: Время, 2002.
16. Луговой С.В. Калинин Л.А. Кант в русской философской культуре. — Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005. — 311 с. // Вестник РГУ им. И. Канта. 2006. № 6.
17. Николайчук И.А. Индекс агрессивности // Литературная газета. 2014. № 41.
18. Пушкин А.С. Борис Годунов // Он же. Полн. собр. соч. в 10 томах. Т. 5. — М.: Наука, 1964.
19. Пушкин А.С. «История поэзии» С.П. Шевырёва // Полн. собр. соч. в 10 томах. — М.: Наука, 1964.
20. Пфеффель К. Письмо редактору газеты «L'UNION» // Литературное Наследство. Т. 97. Фёдор Иванович Тютчев. Кн. 2. — М.: Наука, 1989.
21. Розанов В.В. На фундаменте прошлого. Статьи и очерки 1913—1915 гг. / Ред. А. Н. Николюкин — М.: Республика, 2007.
22. Современное значение идей Ханны Арендт. Материалы международной конференции / Редакторы доценты А. Н. Саликов, И. О. Дементьев, В.А. Чалый. — Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2015.
23. Сондерс Ф.С. ЦРУ и мир искусств: культурный фронт холодной войны. — 3-е изд. — М.: Ин-т внешнепол. исследов. и инициатив; Кучково поле. 2015.
24. Тютчев Ф.И. Россия и Революция // Полн. собр. соч. Письма. В 6 томах. Т. 3 / Сост. Б. Н. Тарасов. М.: Классика, 2003.
25. Флоренский П.А. Столп и утверждение Истины: Опыт православной теодицеи (1914 г.) — М.: Аст, 2003.
26. Шульгин В.Н. «Похоронивший русский народ» (январь 2016 г.) // http://ruskline.ru/opp/2016/01/20/pohoronivshij_russkij_narod/
27. Эрн В.Н. Борьба за логос. Г. Скворода. Жизнь и учение. — Мн.: Харвест, 2000.
28. Dumke F. Einführung // Kant I. Zum ewigen Frieden (1795). — Berlin: Verlag der Nation, 1985.
29. Hackmann J. Editorial // Mare Balticum, 1995. Mare Nostrum: Beiträge zur Geschichte, Kultur und Gegenwart des Ostseeraums. — Lübek-Travemünde: Ostsee-Akademie, 1995.
30. Kalinnikow L.A. Kant in Kaliningrad // Königsberg: Beiträge zu einem besonderen Kapitel der deutschen Geistesgeschichte des 18. Jahrhunderts / Begründet und herausgegeben von Joseph Kohen. — Frankfurt am Main, etc., 1994.
31. Myl'nikov A. Mare Balticum — Einheit in der Vielfalt // Mare Balticum, 1995. Mare Nostrum: Beiträge zur Geschichte, Kultur und Gegenwart des Ostseeraums. — Lübek-Travemünde: Ostsee-Akademie, 1995.
32. Naumann Fr. Mitteleuropa. — Berlin: Georg Reimer Verlag, 1915. — VIII, 299 s.
33. Neef Ch. Graben wie ein Maulwurf // Der Spiegel. 2004. № 6.

УДК 130.2:316.74

Коллективная память в современных обществах**The collective memory in modern societies**

Кузьмин Н. Н., кандидат философских наук, доцент кафедры религиоведения Таврической академии Крымского федерального университета

им. В. И. Вернадского

Kuzmin N. N., Candidate of Philosophical Sciences, Docent, Associate Professor of the Department Religious Studies, Taurida Academy, Crimean Federal V. I. Vernadsky University

Аннотация. В статье обосновывается идея о том, что коллективная память имеет свою специфику в разные культурные эпохи. В обществах модерна метанарративы, направляющие их развитие, используют коллективную память как свою предпосылку, «отталкиваются» от нее.

Abstract. Collective memory has its own specifics in different cultural epochs. In the societies of modern the metanarratives which are directing their development are using collective memory as their preconditions, «starting» with it.

Ключевые слова: коллективная память, исторический нарратив, модерн.

Key words: collective memory, historical narrative, modern.

Коллективная память присутствует на всех этапах развития человечества. Мифы о происхождении, родословные, хроники, научные концепции и идеологические конструкции — в этих или подобных им формах реализовывалась коллективная память как в первобытных коллективах, так и в развитых обществах современности, как в культурах, погруженных в воображаемое, так и опирающихся на ценности сциентизма.

Культурная универсальность коллективной памяти не исключает ее историческую специфику на разных этапах развития человечества. Традиционное общество конструировало этот феномен по своему, современные социумы делали это уже иначе, в современных реалиях постмодерна коллективная память приобретает новые особенности. Понимание сущности и значения коллективной памяти в обществах XXI в. требует анализа того, как формировался и функционировал этот феномен в более ранние периоды времени.

Наверное, большая часть исследований коллективной памяти направлена на анализ ее роли в формировании национального самосознания. Но нации в их законченном виде, в том числе с явно выраженной национальной идеологией, включающей в себя концепции происхождения нации, историческое обоснование ее территорий, образ врага — это феномен модерна, главным образом XIX века. А это эпоха веры в прогресс, эпоха устремленности в будущее.

В модерне, по сравнению с предыдущей эпохой, описываемой в терминах традиционного общества, традиционной культуры, происходит инверсия ценностных приоритетов: замена традиции прогрессом. И здесь мы видим определенный парадокс: в культуре, где одной из главных ценностей стало стремление к новому, в которой новое изначально ценнее старого, а вера в прогресс фактически получила сакральный статус, историческое обоснование приобрело такое значение. Нация как главный субъект политического развития обосновывалась в первую очередь исторически, онтологизировалась прошлым. Право на государственность, национальная территория обосновывалось так же историческими аргументами. Но разве недостаточно для обоснования национального государства наличия языкового и культурного единства?

То же самое можно сказать и о другой важнейшей идеологии XIX века — марксизме. Ему изначально свойственен историзм, история для марксистов имеет определенный смысл и направление, что определялось не только целевыми аргументами, но и анали-

зом прошлого. В рамках марксизма феномен классов и классовой борьбы, очевидный для времени, когда работал Маркс, обнаруживался в прошлом, вплоть до самого далекого. Модель смены общественно-экономических формаций, несмотря на все натяжки, стала основой колоссального исторического нарратива со своими героями и символами (например, образ Спартака). Марксизм породил не только политическое движение, но и направление в историографии. Причем идеологическая ангажированность нередко переконструировала историю. Нельзя не признать определенных важных достижений марксистской историографии, но мы помним и фантазии, например, о восстании рабов под предводительством Савмака в Боспорском царстве. Точно так же как идеологи национализма обнаруживали национальное единство в далеком прошлом, марксистские историки находили примеры классовой борьбы там, где их никогда не было. Но цель — историческая онтологизация насущных политических задач — оправдывала средства.

Но, все-таки, почему устремленный в будущее модерн обращается к прошлому? Можно предположить, что созерцание и осмысление истории в модерне представляет собой своеобразную компенсацию его устремленности в будущее. Значимость коллективной памяти в обществах модерна — это обратная сторона их прогрессизма. Устремленность в будущее и внимание к прошлому формирует структуру линейного времени, которое уже было частью ментальности Европы благодаря христианской традиции. Отсюда и ставшие расхожими утверждения, подчеркивающие единство прошлого и будущего. Иными словами, историзм и прогрессизм представляют собой две стороны одной медали.

Для национального нарратива история стала еще и способом сциентирования своей идеологии. XIX в., когда важнейшим фактором политики становилось национальное самосознание, это еще и век торжества научного мировоззрения. Для обоснования любого социально и политически значимого конструкта в это время требовалось прибегать к ссылкам на научное знание. У марксизма были весьма основательные экономические выкладки, а у национализма с наукой было намного сложнее. Рассуждения о «национальном духе» были не сильно убедительны, на помощь пришла историческая наука, которая как раз в это время приобретала научный статус. Благодаря трудам историков национальное строительство обрело научное обоснование. Так один из творцов национального исторического нарратива Франции Франсуа Гизо был министром просвещения и министром иностранных дел, а вершиной карьеры другого выдающегося историка Франции XIX века Адольфа Тьера стал пост президента государства.

Если в эпоху традиционных обществ коллективная память была тесно переплетена с сакральным, то в модерне идеологические конструкты памяти о прошлом выступают эрзацем сакрального в секуляризованном обществе. У Альтермат точно охарактеризовал этот процесс: «В XIX и XX веках национализм занял место религии. Национальное чувство в качестве функционального элемента взяло на себя интегративную функцию религии. Национализм идет навстречу религиозному состоянию человека и заменяет собой религию в качестве силы современного общества, формирующей общности... он содержит псевдорелигиозные элементы. Это выражается, например, в том, что он действует с помощью тех же средств, что и церковь, и имеет сакрально-литургические формы. Люди приветствуют национальный флаг как самое святое, они поют гимны стран» [1, с.140—141].

Если в традиционных обществах государственная власть получала свою легитимность за счет того или иного способа ее сакрализации (божественное происхождение, помазание и т. п.), то секуляризирующиеся общества утратили эту возможность. Поэтому в модерне история в виде национальных нарративов стала инструментом трансцендирования государства, придания ему значение, которое поднимало его над простыми посюсторонними задачами политической организации общества, защиты его от внутренних и внешних угроз, превращало его в нечто независимое от граждан. Для государства, которое в модерне стало основным субъектом развития, это необходимо. Государство XIX, да и значительной части XX века было достаточно безжалостно по отношению к тем, кому

формально предъявлялись гуманистические ценности. Слова Александра Блока «Под знаком равенства и братства здесь зрели темные дела» достаточно точно характеризуют дух этого времени. Прошлое (тоже часто кровавое и жесткое) легитимизировало действия современного государства, оправдывало внешнюю экспансию и борьбу за сферы влияния.

Строительство национального государства как нового политического субъекта нуждалось в таком трансцендировании, поскольку с обычными функциями государства неплохо справлялись наднациональные империи и династические государства. История как нарратив стала способом легитимации и идеологического обоснования.

Коллективная память модерна может быть и весьма критична. В ее рамках могут формироваться интерпретации, предъявляющие счет предкам, действия которых, по мнению интерпретаторов, были неправильны, ошибочны. Но, как правило, такого рода интерпретации делаются с целью оправдания существующего положения вещей или с целью морального назидания. Типичным примером такого рода конструктов служит интерпретация завоевания русских княжеств монголо-татарами. Дескать, если бы русские князья смогли объединить свои силы, то этого завоевания бы ни случилось. В этом смысле модерна коллективная память довольно-таки демократична — на отдельные недостатки и ошибки можно указывать даже в отношении самых священных коров прошлого, точно так же как критическому обсуждению, анализу плюсов и минусов подлежит практически любая политическая, социальная, экономическая деятельность настоящего. В конструировании будущего можно отталкиваться не только от славного прошлого, но и от анализа ошибок.

Таким образом, коллективная память в обществах модерна служила исходным тезисом для дальнейшего конструирования социально-политических нарративов, национального единства, претензий национального государства на свою особенную роль как в жизни общества, так и межгосударственных отношениях. Такое понимание роли коллективной памяти снимает противоречие между ее важной ролью в современных обществах и их устремленностью в будущее.

Литература

1. Альтерматт У. Этнонационализм в Европе / Урс Альтерматт; [пер. с нем. С.В. Базарнова]. — М., 2000. — 367с.

УДК 329.1/6

Особенности современного российского «либерализма»: отступление от классической традиции

Features of modern russian «liberalism»: retreat from classical tradition

Шульгина Н. В., кандидат исторических наук, доцент кафедры информационных технологий Калининградского института управления
Shulgina N. V., candidate of historical science, associate professor of the Department of Information Technologies of the Kaliningrad Institute of Management

Аннотация. Автор сопоставляет идеалы ряда современных российских либеральных движений с классическим либерализмом прошлого, одушевленным честным стремлением к развитию режима свободы гражданского общества. Делается вывод, что так называемый *Союз правых сил* и т.п. течения отказываются от ядра классического либерализма — учения о гражданской свободе и от национального патриотизма, действуя подчас в интересах Запада.
 Abstract. The author compares the ideals and programs of some key modern Russian liberal movements with the classical liberalism of the past, which strove to honestly develop the regime

of civil freedom. Analyzing the differences, it is concluded that the so-called *Union of Right Forces*, etc. currents abandon the core of classical liberalism — the doctrine of civil freedom and national patriotism, sometimes acting in the interests of the West.

Ключевые слова: правые и левые течения, принцип народности, консерватизм, радикализм, учение о гражданской и политической свободах в обществе, дух патриотизма, западничество.

Key words: right and left currents, the principle of nationality, conservatism, radicalism, the doctrine of civil and political liberties of citizens, the spirit of patriotism, Westernism.

В 2012 г. в России принят федеральный закон, упрощающий процедуру регистрации политических партий: минимальная численность партии снижена с 40 тысяч человек до 500 человек (т. е. в 80 раз) [1]. Либерализация требований к созданию и деятельности политических партий привела к появлению новых политических партий (Гражданская инициатива, Гражданская платформа и др.) или возрождению старых (Демократическая партия России). Часть политических партий открыто придерживается либерально-западной ориентации, но при этом нередко причисляют себя к общественным организациям правого толка.

Встаёт вопрос, как оценить это «новое-старое» движение (старое потому, что и прежде либералы предпринимали попытки овладеть электоратом). Решить эту задачу, которая носит не только исследовательский характер, необходимо. К этому толкает и то, что новые «правые» склонны считать себя продолжателями отечественного либерализма XIX — начала XX века. В «Российском либеральном манифесте» (программе «Союза правых сил») перечисляются имена либералов Российской империи и заявляется, что современные «правые» хранят наследие этой «давней и достойной традиции», то есть осуществляют их историческую миссию [4]. Анализ их программ и практической деятельности убеждает в обратном.

В европейской и русской политической традиции, в том её виде, который она приняла со времени Французской революции 1789—1791 гг., правыми обоснованно называют консервативные, традиционалистские партии или движения, отстаивающие национальные ценности европейских народов. Правые течения традиционно являются христианскими.

Классический европейский либерализм эпохи, длившейся между Французской революцией 1789 г. и Русской революцией 1917 г., всегда помещал себя левее правых политических движений. В духовном отношении либерализм опирался либо на религиозный дуализм, отрешившись от Христа Бога и превратившийся в богоборчество (Вольтер), либо на прямое безбожие либералов-позитивистов (О. Конт, Г. Спенсер).

Итак, европейско-русский либерализм давно отрекся от христианства, в лице своих носителей честно это признал. Положительное ядро классического либерализма, сформировавшееся в XVI—XVIII вв., состояло в честной и твёрдой вере в необходимость торжества гражданской свободы при законной верховной власти. Само прославление либералами идеала «правового государства» связано с этим ключевым элементом их учения. При этом гражданская свобода считалась первичной и не сливалась в сознании теоретиков либерализма от Г. Гроция до Б. Н. Чичерина с политической свободой. Гражданская свобода понималась как правовое равенство граждан — собственников недвижимых и движимых имуществ, участников «гражданского оборота», имеющих равное право на землю, торговлю, промышленную деятельность и другие занятия, которые дают возможность свободного существования.

С такой постановкой вопроса во многом соглашались свободные консерваторы школы Карамзина: курс на эволюционное развитие гражданской свободы при неизменной самодержавной православной государственности, защищающей величие отечества, является основополагающим. Агитацию радикалов в пользу обретения политической свободы при забвении идеалов гражданской свободы консерваторы-самобытники считали преступ-

лением. Они понимали, что обретение многопартийности и парламентаризма в стране с еще не завершившимся гражданским освобождением крестьянства чревато гибельной политической революцией [См.: 7, с. 84—135]. Предостережение оказалось пророческим.

Современные либералы склонны захватывать чужое им наименование «правых». Беда современного российского либерализма заключается в полном игнорировании как действительных достижений реального либерализма дореволюционной России, так и в забвении свободно-консервативной традиции.

Современные политики типа М. Касьянова, А. Навального, Л. Гозмана, В. Рыжкова и т. п. способны лишь повторить ошибки своих радикальных предшественников 1917 года, то есть под флагом политической свободы ещё раз попытаться развалить страну. При этом их уверения в собственной «либеральности» и приверженности к отечественному «первоклассному культурному наследию» не более чем сотрясение воздуха [6]. Игнорируется центральный пункт либерализма — учение о гражданской свободе. Они похожи на большевиков-троцкистов, поскольку стремятся исключительно к радикальным политическим переменам при игнорировании интересов народа в гражданской сфере, например, по обеспечению его землёй.

Программные документы Союза правых сил (СПС — партия существовала до 2008 г.) и Партии народной свободы (ПАРНАС) предполагали в основном политические преобразования, не затрагивая главнейшей для народа гражданской сферы жизни. Так, Программа СПС специально заявляла о своём наследии: «Даже во времена тоталитарного режима <...> российские либералы... не дали угаснуть традиции отечественного свободолобия и подготовили приход политической свободы в последние десятилетия двадцатого века» [4]. Подготовили же образом деятели ПАРНАСа считают главным политический процесс в надежде перехватить верховную власть в стране. Жизнь народа их не волнует. Так, в качестве одной из главных целей намечается: «формирование условий для ведения свободной политической деятельности, не ограничиваемой произволом чиновников; обеспечение на деле плюрализма мнений и политической конкуренции...» [5].

В программе ПАРНАСа читаем о необходимости «кардинального сокращения всех функций государства...» (то есть устранения социального государства, берущего на себя обеспечение медицины, народного образования и т.п.). ПАРНАС стремится к «отмене прописки... включая миграционный учёт...», то есть «борется» за дальнейшее наполнение страны чужестранцами с фатальной криминализацией наших городов и сёл, бьющей по трудоустройству коренных граждан, побуждая их к эмиграции.

Наконец, эта партия стоит за ликвидацию суверенитета России: «Россия должна стать частью общеевропейской цивилизации; всесторонняя интеграция с Европейским Союзом... отвечает интересам российских граждан <...> делает необходимым постепенное движение к формированию Союза Россия—НАТО для обеспечения европейской и глобальной безопасности на основе единых ценностей». «Программное заявление» партии только усиливает этот курс на самозакабаление. ПАРНАС призывает обеспечить «открытость российской экономики, снятие ограничений на иностранные инвестиции и участие в конкурсах, переход на европейские нормы технического регулирования, экономическую интеграцию с Европейским Союзом» [5].

Нас, по сути, призывают самоустраниться, усиленно отдавать Западу свои ресурсы. Между тем «Европа» нас никогда не считала своими, даже когда при последнем Императоре русские граждане проливали кровь за, казалось бы, общие интересы воюющих с Германией и Австро-Венгрией стран. Запад до сих пор не просил нас «объединиться», значит предлагается капитуляция России.

Политическая программа А. Навального столь же оторвана от того, что наши классики называли русским духом. Как и его коллеги по «либеральному» лагерю, этот политик, во-первых, свою программу духовно и культурно вообще не «укореняет». Во-вторых, он совершенно не учитывает наличие у России геополитического противника в лице объединённого Запада, от ФРГ и Франции до Великобритании и США. Столь же живы

констатации по «пропаганде», недопустимости политики «войны» и т. п. [3]. Очень похоже на пореформенное время XIX века, когда наши революционеры-радикалы, вроде М. А. Бакунина, блокировались с польскими повстанцами, стремились развязать внутренние бунты на национально-территориальной почве, делая ставку даже на сепаратизм. Этим честным, но наивным в геополитике людям тогда казалось, что Россия никуда не денется, что тотальная революция ей поможет в «социальном» отношении. Казалось, прошедшие полтора века страшных войн, ставших следствием «русского бунта, бессмысленного и беспощадного», о чём пророчески предупреждал А.С. Пушкин, должны научить хотя бы осторожности. Не научили.

А. Навальный делает вид, что это мы сами виновники политики «войны», как будто не очевиден начавшийся новый фазис извечного наступления Запада на православный греко-русский мир, о котором твёрдо знает не только отечественная классика, но и современная западная наука [См.: 2]. Достаточно прочесть политические статьи Ф. И. Тютчева середины XIX в., чтобы убедиться в абсолютной их актуальности сегодня, поскольку поэт-мыслитель указал на западные духовные отклонения от первоначального христианства как неумолимый фактор враждебности Запада России.

Итак, можно сделать вывод о полном отрыве политиков, выдающих себя за либералов, от реальных интересов страны, которая не желает растворяться среди чуждых ей народов, кстати говоря, охваченных сильнейшим системным кризисом бездуховной потребительской цивилизации. России, издревле имеющей свои ценности, не пристало закабалить саму себя.

Совершенно напрасно этот круг политиков называет своими предшественниками Б. Н. Чичерина, П. Б. Струве, В. С. Соловьёва, П. А. Столыпина и других либерально-консервативных мыслителей и деятелей. Стержнем консервативного либерализма классиков была приверженность к гражданской свободе. Современные политики, необоснованно называющие себя «правыми», ничего не говорят о необходимости торжества гражданской свободы в России. Не говорится, например, о необходимости возрождения массового крестьянского землевладения, проведения политики по ликвидации нового латифундизма (массовой скупки крестьянских земель, лесов), что подрывает внутренние силы страны, препятствует росту рождаемости у народа, освоению Сибири и Дальнего Востока. Не ставится и насущнейший вопрос о необходимости противостояния попыткам пресечения практики вывода в офшоры огромных средств. Об отсутствии же базовой национальной ориентированности лже-либералов (на деле — радикалов-космополитов) в духовной и культурно-образовательной сферах уже упоминалось.

Так называемые «либеральные» партии, называющие себя «правыми», не являются ни правыми, ни либеральными, поскольку не защищают национальные интересы России и сознательно отворачиваются от сердцевины европейского либерализма — национально-ориентированной гражданской свободы людей. Им нужно любыми средствами добыть власть для своих корпоративных целей и подрыва государственного суверенитета России.

Литература

1. Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ (ред. от 05.12.2017) «О политических партиях» // <http://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-11072001-n-95-fz-o/>
2. Меттан Ги. Запад — Россия: Тысячелетняя война. История русофобии от Карла Великого до украинского кризиса. — М.: Паулсен, 2016.
3. Навальный А. Прекрасная Россия будущего (2018) // <https://2018.navalny.com/post/492/>
4. Программа политической партии «Союз правых сил» (Российский либеральный манифест) 14.12.2001 // <http://pandia.ru/text/78/195/77756.php>

5. Программа политической партии Партия народной свободы «За Россию без произвола и коррупции» (принята Учредительным съездом 13.12.2010 // <http://solidarnost-nsk.org/node/581>)
6. Программное заявление Партии народной свободы «За Россию без произвола и коррупции» // http://www.ryzkov.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=30061&catid=11:2011-12-26-10-30-14&Itemid=6
7. Шульгин В.Н. Русский свободный консерватизм первой половины XIX века. — СПб.: Нестор-История, 2009.

УДК 140.8

Лжепатриотизм — социальный парадокс постмодерна

Pseudo-patriotism — social paradox of postmodernism

Грошев И. Л., доцент, к. с. н., профессор кафедры Гуманитарных и общенаучных дисциплин, Тюменское высшее военно-инженерное командное училище имени маршала инженерных войск А. И. Прошлякова
Грошева И. А., доцент, к. с. н., зав. кафедрой гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, АНО ВО «Московский институт государственного управления и права», Тюменский филиал
Groshev I. L., Associate Professor, candidate of sociological Sciences, Professor of the Department of Humanities and scientific disciplines, Tyumen Higher Military Engineering Command A. I. Proshlyakov School
Grosheva I. A., Associate Professor, candidate of sociological Sciences, head of the Department of Humanities and natural Sciences, ANO VO «Moscow Institute of Public Administration and Law», Tyumen Branch

Аннотация. В статье авторы рассматривают дихотомию понятий «патриот» и «лжепатриот» в рамках концепции постмодернизма. Проводится анализ критериев патриотизма на основе структурно-функционального анализа. Конкретизируются понятия «патриот» и «не-патриот».

Abstract. In the article the authors consider the dichotomy of the concepts of «patriot» and «pseudo-patriot» within the idea of postmodernism. The analysis of criteria of patriotism based on the structural and functional analysis is carried out. The concepts of «patriot» and «non-patriot» are specified.

Ключевые слова: патриотизм, мировоззрение, постмодернизм, «патриот», «не-патриот», лжепатриотизм.

Key words: patriotism, worldview, postmodernism, «patriot», «non-patriot», pseudo-patriot.

Популяризация через средства массовой информации патриотических публичных акций (вне зависимости от места, времени и причинно-следственных связей) стимулирует человека к синхронизации индивидуальных жизненных ритмов с коллективным (сознательным и бессознательным) мышлением. Человек, участвующий в постановочных акциях, автоматически становится патриотом. В постмодернистском обществе потребления такой подход полностью соответствует маркетинговым стратегиям, позволяет прямо и опосредованно стимулировать сбыт патриотической продукции, в которой, по большей

части, нет насущной необходимости. И.А. Ильин предупреждал, что душа человека может остаться «патриотически пустынной и мертвой», потому что множество несчастных и безродных людей поглотили лично-эгоистические интересы [1].

Постмодернизм порождает целый ряд культурных парадоксов, которые особенно остро проявляются в развитии социальных институтов: государства, семьи, права и др. Актуализируется подражательный формат: «Делай как все!», «Кто не скачет — тот москаль!», «Пей кока-колу — будешь крутым» и др. Подобный «ценностный суррогат» прост в «употреблении» и понятен по средствам и методам удовлетворения жизненных потребностей человека. Однако «короткие лозунги» нейтрализуют формирование целостной внутренней системы мировоззрения, предопределяют замещение дальних (стратегических) целей ближними (сиюминутными). Соответственно, обоснование поведенческой логики задействует лишь низшие потребности человека, апеллирует к его животным инстинктам. Наполнение пустоты фатально и требует жертв, угрожая не только телу, но и мышлению. По мнению Ж. Бодрийара, мы получаем постоянные инъекции нечистой совести [2, с. 34]. Толерантность постмодернистской парадигмы, с точки зрения З. Баумана, способствует размыванию, в первую очередь, нормативности, морали, превращая всё в символы [3].

Стремление сформировать на имеющемся «человеческом материале» стройную и устойчивую управленческую систему характеризуется внешним, фасадным обустройством, которое имеет значение в коллективно-массовом сознании, но не раскрывает потенциал каждого отдельного индивида. Последнее оказывает угнетающее влияние на личность, склонную к реализации активной жизненной позиции. Эти люди не «скачут на массовых мероприятиях», не склонны к экстремизму и агрессии, чаще всего, они «выдавливаются на обочину жизни» и теряют интерес к сфере межличностных коммуникаций. Э. Гидденс в свое время предупреждал о порождаемой постмодерном фрагментарности жизненного опыта индивида, появлении разрывов в сознании, трактовках истины в определенном контексте, теоретической беспомощности и «опустошении» повседневной жизни [4, р. 150].

Активных и энергичных индивидов принято причислять к патриотам страны, вкладывая в это понятие исключительно позитивный и созидательный компонент (греч. *patris* — отечество). Любые попытки конкретизировать понятие и разработать систему критериев воспринимается как «покушение на самооценку личности». В противовес постмодернизму, опираясь на теоретические поиски в идентификации патриотизма, осуществленные в работах И. А. Ильина, Л. Н. Толстого, Н. М. Карамзина и др., предлагается рассмотреть сущность патриотизма посредством структурно-функционального анализа, исходные посылы которого состоят в том, что социальные процессы, социальные явления исследуются как целостные структуры. Отдельные элементы социальной структуры выполняют служебную (функциональную) роль по отношению друг к другу и системе в целом. Социальная система, как утверждал Т. Парсонс, выступает способом организации элементов, с последующим устойчивым упорядоченным изменением моделей взаимодействия множества различных акторов [5, с. 96] (таблица).

Таблица

Структурно-функциональный анализ понятия «патриотизм»

Структурный компонент	Функциональная область	Признак качества
Приверженность политическим принципам и идеям, поддержка государственного курса	Стратегическая	Устойчивость поведенческой модели, обладающей эволюционным характером развития
Нравственность как приоритетное чувство	Эмоционально-психологическая	Доминирование позитивной коллективной морали

Структурный компонент	Функциональная область	Признак качества
Любовь к отечеству	Аксиологическая	Формирование устойчивых ценностных ориентаций и установок гражданственности
Преданность отечеству	Практическая	Готовность участвовать в позитивных изменениях на благо Родины
Гордость за прошлое и настоящее отечества	Образовательная	Хорошие познания истории государства, причинно-следственных связей в исторических процессах
Стремление защищать интересы родины	Мотивационная	Служба в ВС РФ, законопослушное поведение, соблюдение социальных норм общезнания
Привязанность к родной земле	Охранительная	Чувство «хозяина», бережное и рациональное использование ресурсов, уважительное отношение к природе
Привязанность языку	Лингво-коммуникативная	Владение родным языком в совершенстве, грамотная и культурная повседневная речь
Привязанность к традициям	Историческая	Генеалогическая преемственность поколений, основанная на накопленном опыте предков
Единение человека и общества	Воспитательная	Отстаивание общественных интересов как своих собственных, нетерпимость к асоциальным формам поведения других лиц
Уважение к народам других стран	Гуманистическая	Проявление толерантности к людям вне зависимости от национальности и места рождения
Чувства, идеи, возвышающие личность	Социальная	Активная жизненная позиция, направленная на позитивные преобразования, непременное участие в общественно значимых мероприятиях

Структурно-функциональный подход раскрывает внутренний механизм ассоциативной жизни человека и мотивации человека, рационального понимания своей роли и места в социальном окружении. Патриотизм без внутренней положительной мотивации целесообразно определить как «лжепатриотизм», имеющий, к тому же, определенную коммерческую стоимость. Оперирование личной выгодой, в свою очередь, культивирует образ «современного героя», добывающегося успеха во всем и всегда минимальными усилиями и за короткое время. Патриотизм, становясь «товаром», однозначно гарантирует наличие продавца и покупателя, а также товарно-денежных отношений. Главная опасность заключается в том, что для таких «лжепатриотов», не принципиальным является статус покупателя, форма и повод для торгово-денежных отношений. Акцент исключительно на внешней форме (например, массовые гуляния по факту выигранного футбольного матча) не создает внутреннюю механику, но приводит человека к деформации личности, формированию превратного мировоззрения и миропонимания. Возникает коллизия между внешне одобряемыми актами и личностными установками, многие аспекты жизнедеятельности воспринимаются исключительно в потребительском контексте (получение бонусов за участие в митингах и шествиях; волонтерская работа как средство карьерного роста; соблюдение трудовой дисциплины из-за страха потерять работу (хорошее место); забота о престарелых родителях с целью получения наследства и др.).

На самом деле было бы разумным конкретизировать понятие «патриот», используя прием «зеркального анализа», т. е. дать характеристику «не-патриота», предполагая, что все, кто не соответствует такой характеристике по определению, является патриотом.

В характеристике патриота преобладают субъективные качества личности (любовь, привязанность, уважение, готовность и др.), которые неизмеримы по сути и сложны в идентификации. Здесь операционально важными являются внутренние механизмы и мировоззрение в целом. Определить «не-патриота» существенно проще. Вполне достаточно того, что человек сам себя к патриотам не причисляет. Однако в этом он честен и перед собой, и перед социальным окружением, соответственно, у него отсутствует необходимость «играть спектакль», создавая надуманный образ. Поведенческая модель открыта для наблюдения и анализа. Необходимо отличать «лжепатриотизм» от «псевдопатриотизма», который имеет идеологическую составляющую. Псевдопатриотизм проявляется в различных социальных движениях и может стать предметом отдельного научного исследования.

Сравнивая содержательное наполнение понятий «патриот» и «лжепатриот» в пост-модернистской парадигме, стоит зафиксировать существенную специфику в интерпретации. У первого фундамент ценностей подвержен внешнему воздействию, но, в отличие от «лжепатриота», ситуация внешнего давления укрепляет человека в его взглядах, так как реальность демонстрирует практическую целесообразность тех качеств, которые были слабо задействованы в мирных, рутинных жизненных процессах. На этом фоне происходит эффективная фильтрация качеств с позиции социальной (а не личностной) значимости. Создаваемая система приобретает дополнительные опорные элементы. Второй тип практически ничего не теряет, поскольку ничего не приобретал.

В заключение следует отметить, что концептуальные установки постмодернизма лишь на первый взгляд выглядят революционно: отход от старых форм индустриального производства, признание возрастающего плюрализма в обществе, уход от массовости к индивидуальности и др. В обществе формируются угрозы, ощущаемые на социальном уровне, исходящие из процесса глобализации и проявляющиеся в росте неопределённости общественного прогресса, снижении возможностей социального прогнозирования и др. Фактически вместо качественного и быстрого революционного переустройства общества, наблюдаются поверхностные социальные изменения, влекущие за собой лишь «косметический ремонт» общественной системы.

Литература

1. Ильин И.А. Путь духовного обновления [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.sport.ru/ilyin_i_a/put_duhovnogo_ (дата обращения: 30.04. 2018).
2. Бодрийар Ж. Прозрачность зла / Перевод Л. Любарской, Е. Марковской. — М.: Добросвет, 2000. — 217 с.
3. Bauman Z. Intimations of Postmodernity. — London: Routledge, 1992. — 232 pp.
4. Giddens A. The Consequences of Modernity. — Cambridge: Polity Press, 1990. — 188 pp.
5. Парсонс Т. О социальных системах / Под ред. В. Ф. Чесноковой и С. А. Белановского. — М.: Академический Проект, 2002. — 832 с.

УДК 124.2/.5; 17.022.1; 177; 304.444; 316.6/752

Смыслы жизни в преемственности российских поколений

The meaning of life in the succession of Russian generations

Лебедева Л. Г., магистр педагогических наук, старший преподаватель кафедры социологии и психологии, Самарский государственный экономический университет (СГЭУ)

Lebedeva L. G., Master of pedagogical Sciences, Senior Lecturer, Department of sociology and psychology, Samara State University of Economics (SSEU)

Аннотация. Поставленная проблема рассматривается на основе идей В. С. Соловьева и Е. Н. Трубецкого. Анализируются современные подходы к смыслу жизни.

Abstract. The problem is considered on the basis of the ideas of V. S. Solovyov and E. N. Trubetskoy. Modern approaches to the meaning of life are analyzed.

Ключевые слова: преемственность поколений, смысл жизни, ценности.

Key words: succession of generations, meaning of life, values.

Обращение к поставленной теме в значительной мере связано с идеями видных российских мыслителей и общественных деятелей — Владимира Сергеевича Соловьева (1853—1900) и Евгения Николаевича Трубецкого (1863—1920). Так, в книге «Оправдание добра. Нравственная философия» В. С. Соловьев уделит особое внимание проблеме нравственного смысла жизни, который, по его мнению, сводится в сущности к всесторонней борьбе и торжеству добра над злом. При этом добро понималось В. С. Соловьевым как Правда в рамках нравственной философии и как Истина в рамках теоретической философии [1, с. 442, 447].

Е. Н. Трубецкой одним из первых, наряду с В. С. Соловьевым, поставил прямо и определённо социально-философский вопрос о смысле жизни, чему был посвящён и специальный труд Е. Н. Трубецкого «Смысл жизни» (первая глава появилась в 1914 г. в период уже начавшейся мировой войны, а завершён труд был в 1918 г. перед окончанием войны) [2]. Однако, по признанию самого Е. Н. Трубецкого, этот труд явился выражением всего его мирозерцания и продолжением хода мыслей прежних трудов, в частности, двухтомного труда «Мирозерцание Вл. С. Соловьёва», вышедшего в свет до войны (1913 г.) [3, 4]. По оценке Е. Н. Трубецкого, центральной философской задачей в мысли Соловьева стал вопрос о смысле жизни, о его содержании [3, с. 40]. И Е. Н. Трубецкой писал, что нравственный смысл человеческой жизни (по Соловьёву) заключается в служении Добру чистому, всестороннему и весильному [4, с. 60]. Е. Н. Трубецкой выделяет слова В. С. Соловьева: «Собственный предмет нравственной философии есть понятие добра; выяснить все, что разум, возбуждаемый опытом, мыслит в этом понятии, и тем самым дать определённый ответ на главный для нас вопрос о должном содержании или смысле нашей жизни, — такова задача этой философии» [4, с. 63].

В период после Второй мировой войны проблема смысла жизни актуализировалась по-своему и в так называемых «западных» странах. Этапными в этом отношении стали работы Виктора Франкла [5; 6]; они вызвали заслуженный интерес и признание и в России (в Советском Союзе). В частности, значение проблемы смысла в жизни человека В. Франкл оценивал так: «Осуществляя смысл, человек реализует сам себя» [6, с. 41]. Стремление к смыслу В. Франкл рассматривал как мотив «*sui generis*» (уникальный), который несводим к другим потребностям и выводим из них [6, с. 29]. В частности, В. Франкл обратил внимание также на появление проблемы «экзистенциального вакуума» (отсутствия, утраты смысла в жизни человека, которое соединено с ощущением пустоты), притом, в обществе изобилия, которое ни одну из базовых, по А. Маслоу, по-

требностей не оставляет неудовлетворенной. Но, как заметил Франкл, это происходит именно оттого, что общество изобилия только удовлетворяет потребность, но не реализует стремление к смыслу [6, с. 43].

В последние годы в России стали появляться оригинальные исследования и публикации, посвящённые проблеме смысла жизни [7; 8]. Это наглядно свидетельствует об актуальности идей В. С. Соловьёва и Е. Н. Трубецкого. Дело, однако, заключается в том, чтобы, внимательно присмотревшись к идейному наследию замечательных философов, постараться увидеть и то, что пока оставалось в тени, но также может оказаться полезным в сегодняшнем идейном арсенале. На наш взгляд, один из важных аспектов идей В. С. Соловьёва и Е. Н. Трубецкого о смысле жизни связан с вопросом о ценностях (как смыслах) в преемственности поколений. «Смысл неразрывно связан с ценностью, он насквозь ею пропитан» [9, с. 15]. Но у ценностей нет конкретного автора, они передаются из поколения к поколению часто в неизменном виде, в то время как каждое поколение по-новому переосмысливает свою жизнь [10, с. 804]. Е. Н. Трубецкой убеждённо заявлял, что «душа жаждет положительного смысла, ради которого стоит жить; она ищет жизни, достойной вечности» [2, с. 333]. Если отвлечься от религиозной формы, оставить общий смысл этих слов, то, конечно, следует признать стремление нормального человека искать и находить в жизни «положительного смысла, ради которого стоит жить». Большое внимание Е. Н. Трубецкой уделил вопросам гражданственности как важнейшей составной части российского общественного сознания в преемственной связи поколений. По оценке Е. Н. Трубецкого, население может проявлять себя либо ответственными гражданами государства, либо безответственными обывателями и зрителями [11, с. 621].

Вопрос о связи между понятиями «поколение» и «ценности» иногда ставится весьма радикально и прямолинейно. Например, Н. В. Корж и Е. В. Щанина утверждают, что на основе системы ценностей индивидов, родившихся в некоторый исторический период, можно производить деление на поколения [12, с. 144]. При этом авторы опираются на авторитетные работы различных исследователей (например, В. Т. Лисовского, Ю. А. Левады, В. В. Семеновой, М. Б. Глотова и других). Этот подход продолжает традицию классика мировой социологии Т. Парсонса. Так, анализируя ценности, мотивы и системы действия, Т. Парсонс признавал, что система ценностей образует коллективный портрет соответствующей общности, что согласованное действие предполагает наличие коллективной целевой ориентации или общих ценностей [13, с. 201].

Каждая личность благодаря процессу социализации становится частью определённого поколения как социальной общности с той или иной системой ценностей, которые не остаются лишь умозрительными конструкциями, а преобразуются в практические ценностные ориентации. Эти ценностные ориентации, отражая жизненный опыт отдельных индивидов и ближайшего их окружения, а также опыт поколений (в сжатом виде — в виде культурных образцов, норм, традиций), оказываются своеобразной «сердцевиной» сознания, определяющей решения личности по жизненно важным вопросам [14, с. 6]. Разнообразные проблемы в общественной и личной жизни, однако, неоднозначно влияют на различных индивидов и создают риски искажения ценностей в сознании, что влияет и на поведение индивидов, в том числе в девиантном духе. Это может касаться и больших масс людей в тех или иных поколениях. Так, например, произошло в конце XX века в России (как и в других постсоветских странах). Поэтому, видимо, справедлив призыв осуществить инвентаризацию ценностных ориентиров и предложить шкалу ценностей, способствующую восстановлению связи поколений [15, с. 22].

У отдельных индивидов и целых групп могут формироваться не только положительные смыслы жизни, что определённым образом сказывается и на поведении этих людей. По замечанию В. Э. Чудновского, обрётённый человеком смысл жизни может влиять на жизнь человека, на его судьбу либо конструктивно, либо деструктивно [7, с. 22—23]. Размышления В. С. Соловьёва, Е. Н. Трубецкого и других, включая наших современников, подчёркивают переходящую из поколения в поколение актуальность проблемы смысла жизни, которая является, по сути, проблемой существования человека и челове-

чества [8, с. 12]. Подтверждается и оценка вопроса о смысле жизни как одного из главных и «вечных» вопросов, имеющих мировоззренческий смысл [16, с. 18], от которого зависит и практическое поведение индивидов и целых поколений.

Со ссылкой на В. С. Соловьёва, Е. Н. Трубецкой подчёркивал, что социальный прогресс последних веков совершился в духе человеколюбия и справедливости [4, с. 318]. Однако, жизнь показывает ещё значительные проявления безнравственности в поведении многих людей. Соответственно, востребован новый цивилизационный проект: от человека разумного — к человеку духовному [16, с. 18]. Всем тем добрым, что человек делает на земле, он продолжает дело предшествовавших поколений, продолжает их жизнь [4, с. 412]. Важно обеспечить преемственность именно доброго, положительного, разумного, духовного, истинно человеческого при социализации, формировании новых поколений.

Литература

1. Соловьёв В. С. Оправдание добра. Нравственная философия // Сочинения в 2 т. Т. 1. — М.: Мысль, 1988. — С. 47-580.
2. Трубецкой Е. Н. Смысл жизни // В сборнике: Трубецкой Е. Н. Смысл жизни / Сост. и отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2011. — 656 с. — С. 12—361.
3. Трубецкой Е. Н. Миросозерцание Вл. С. Соловьёва. Том I. — М.: Товарищество тип. А. И. Мамонтова, 1913. — 652 с.
4. Трубецкой Е. Н. Миросозерцание Вл. С. Соловьёва. Том II. — М.: Товарищество тип. А. И. Мамонтова, 1913. — 420 с.
5. Frankl V. Der Mensch vor der Frage nach dem Sinn. — München, Zürich, Piper, 1979. — 309 S.
6. Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник: Пер. с англ. и нем. / Общ. ред. Л. Я. Гозмана и Д. А. Леонтьева; вст. ст. Д. А. Леонтьева. — М.: Прогресс, 1990. — 368 с.
7. Смысл жизни и судьба Вилена Эммануиловича Чудновского. Коллективная монография / Ред. Н. Л. Карпова, Т. А. Попова, Г. А. Вайзер. — М.: ПИ РАО, 2017. — 145 с.
8. Тощенко Ж. Т. Смысл жизни: опыт анализа с позиций социологии жизни // Социологические исследования. — 2016. — № 11. — С. 3—14.
9. Воеводин А. П. Информация и смысл // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Философия. Политология. Культурология». Том 27 (66). — 2014. — № 3. — С. 3—19.
10. Межуев В. М. Ценности и смыслы в контексте культуры // Международные Лихачевские научные чтения. Глобализация и диалог культур. Избр. доклады (1995—2015). — СПб., 2015. — С. 802—805.
11. Трубецкой, Е.Н. Отечественная война и ее духовный смысл // В сборнике: Трубецкой Е.Н. Смысл жизни / Сост. и отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2011. — 656 с. — С. 614—640.
12. Корж Н. В., Щанина Е. В. Сравнительная характеристика ценностных ориентаций разных поколений россиян // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. — 2016. — № 1 (37). — С. 143-152.
13. Парсонс Т. О структуре социального действия. — М.: Академический Проект, 2000. — 880 с.
14. Жупник О. Н. Понятие «ценностные ориентации»: к проблеме определения // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. Том 3 (69). — 2017. — № 2. — С. 3—11.

15. Кальной И. И. Амбивалентность ценностных ориентиров: размышление о нравственных рисках в современном обществе // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. Том 2 (68). — 2016. — № 3. — С. 18—26.
16. Лазарев Ф. В. Практическая философия в контексте XXI столетия // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. Том 3 (69). — 2017. — № 3. — С. 18—29.

УДК: 321.7

Демократия, гражданское общество и проблема социальной справедливости

Democracy, civil society and the problem of social justice

Швецова А. В., д-р филос. наук, профессор, заведующая кафедрой философии, культурологии и гуманитарных дисциплин ГБОУ ВО РК «Крымский университет культуры, искусств и туризма»
Shvetsova A. V., doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy, Culturology and Humanitarian Disciplines of the State Educational Institution of Higher Education of the RK
 «Crimean University of Culture, Arts and Tourism»

А н н о т а ц и я. Гражданское общество как основа и продукт демократического государства. Взаимодействие и взаимозависимость государства и гражданского общества в обеспечении прав и свобод человека и гражданина. Принцип социальной справедливости как основополагающий в развитии гражданского общества и демократии.

Abstract. The text deals with civil society as the basis and the product of a democratic state. Interaction and interdependence of the state and civil society as a security of civil and political rights and freedoms are assumed. The principle of social justice as a fundamental in the development of civil society and democracy is considered.

Ключевые слова: демократия, гражданское общество, государство, социальная справедливость.

Key words: democracy, civil society, the state, social justice.

Демократия является процессом воплощения конкретных принципов организации социальной жизни, для чего необходимы соответствующие условия и организационные формы — в частности, формирование и развитие гражданского общества на основе соответствующих ценностей. Наиболее эффективно и гармонично демократия развивается там, где ей предшествует исторически закономерное формирование гражданского общества, предусматривающее формирование и укрепление среднего класса, самоуправляющихся союзов и объединений, взаимодействующих с государственной властью и влияющих на нее, а также осуществление жизнедеятельности людей на основании таких социально-культурных ценностей, как солидарность, взаимопомощь, коллективизм, справедливость, гуманизм, неприятие насилия и унижения человеческого достоинства, глубокое уважение к закону, правам и свободам личности и т.п.

Однако, в случае перехода к демократии непосредственно от авторитарного режима, особую роль в формировании гражданского общества играет государство, имеющее правовую, социальную природу и создающее соответствующие условия. Именно государство должно обеспечивать возможности для достижения гражданами достойного уровня жизни, свободного и справедливого доступа к духовным и материальным благам, созда-

вать механизмы социальной защиты и социальной самодостаточности человека, обеспечения человеческого достоинства, прав и свобод и т. п. А. В. Родионова подчеркивает, что, «исходя из сущности правоотношения гражданства как комплекса взаимных прав и обязанностей государства и гражданина право на достойное человеческое существование должно иметь государственное обеспечение...» [7, с. 187].

Именно государство определяет и защищает «правила игры» на поле гражданского общества и его взаимоотношений с государственной властью. Именно государство сегодня является главным распорядителем прав и соответствующих действий, а поэтому именно от него зависит обеспечение людям возможности нормального существования в условиях социального партнерства и попечительства как со стороны государства, так и со стороны общественных организаций, о всех гражданах без исключения как равноправных и равнодостоинных членов общества. В силу того, что проблемы гражданского общества охватывают едва ли не все сферы жизнедеятельности социума, указывая при этом на ее определенное качество, они постоянно поднимают такие «больные» для государственной власти вопросы, как право частной собственности, экономическая независимость и инициатива граждан, свободное предпринимательство, приоритет интересов граждан перед интересами государства, безусловное уважение и защита государственной властью прав и свобод человека (независимо от его происхождения и социального статуса), независимый суд (например, суд присяжных), контроль за деятельностью государственной власти со стороны граждан и ее прямая ответственность перед ними, участие в обсуждении и принятии социально значимых решений, постоянный диалог власти и граждан и т. п. В. Н. Кручинин по этому поводу отмечает, что для «становления и стабильного функционирования гражданского общества важны такие политические факторы, как гражданская активность и ответственность, демократизация политической системы, направленная на реализацию суверенности каждого члена общества, расширение возможности реального участия людей в формировании и смене государственной власти, принятии важнейших государственных решений и контроле за их воплощением в жизнь» [5].

Как известно, любая система, в том числе и общество, имеет основополагающее начало — то, что определяет ее смысл, сущность и взаимосвязи других элементов, гармоничное и устойчивое развитие. На наш взгляд, таким основополагающим началом выступает принцип справедливости.

По этому поводу О. В. Мартышин указывает, что «к вечным ценностям можно отнести, пожалуй, только справедливость (и близкую к ней добродетель), общее благо (благополучие как его вариант) и очень тесно связанные порядок и безопасность... На высшую ступень в этой иерархии может претендовать лишь всеобъемлющий принцип справедливости, тесно связанный с общим благом. Все другие ценности соизмеряются с ним и признаются лишь в той мере, в какой они справедливы» [6, с. 7—8].

В современной теории справедливость рассматривается и как ценность, и как критерий оценки, и как принцип и идеал права, и как нравственная категория, и как основополагающий принцип социального единства, фундамент, необходимый для процесса непрерывного обновления особой конвенциональной связи — согласия, определяющего качественные характеристики гражданского общества [см. 3, 6, 9]. Более того, как считает В. В. Кизима, «Справедливость — другое название целевой стратегии гражданского общества» [4, с. 337].

Таким образом, социальная справедливость — основополагающая в системе ценностей гражданского общества и демократии. Проблема социальной справедливости — одна из самых древних и наиболее дискуссионных.

Автор «теории справедливости» Дж. Роулс отмечал, что справедливость можно представить в виде двух принципов: «1) каждый человек должен иметь равные права в отношении наиболее обширной схемы равных основных свобод, совместимых с подобными схемами свобод для других; 2) социальные и экономические неравенства должны быть устроены так, чтобы: (а) от них можно было бы разумно ожидать преимуществ для

всех, и (б) доступ к положениям (positions) и должностям был бы открыт всем» [8, с. 79]. При этом ученый считал, что в каждом обществе должно быть достигнуто соглашение относительно того, что является справедливым и несправедливым — без этого людям намного сложнее результативно координировать свои планы и действия для достижения стойкого и взаимовыгодного сотрудничества.

Безусловно, каждое общество и культура создает свое понимание справедливости. И этот вопрос требует постоянного осмысления и корректировки в условиях непрерывных социальных и природных изменений. «Уместнее, по-моему, — пишет, например, А. Д. Шоркин, — задаться иными острейшими вопросами (увы, менее модными и менее экзотическими, но вполне злободневными): почему, скажем, футболиста общество поощряет гораздо щедрее, чем нобелевского лауреата...» [10, с. 93].

Однако при любых условиях, если подлинные человеческие ценности и идеалы подменяются меркантильными, популистскими и эпатажными, если в обществе происходит радикальная социальная «поляризация», «зашкаливает» квинтильный коэффициент, общенациональные ресурсы эксплуатируются и используются в личных интересах, срываются бизнес и власть, развиваются «социальные обиды», и большинство населения считает, что справедливость как ценность и принцип жизни отсутствует, — демократия и гражданское общество ни существовать, ни развиваться не могут.

Поэтому, на наш взгляд, не совсем корректным является представление ценности справедливости как одной из составляющих феномена «социальная солидарность» [см. 3, с. 18]. Скорее наоборот — именно на основе социальной справедливости и формируется социальная солидарность, единение людей как сограждан, равноправных участников общественной жизни и совладельцев национального богатства, равных в своих свободах, правах и ответственности. Более того, и другие важнейшие ценности, такие как патриотизм, гражданственность, толерантность и т.п., также возможны лишь на основе социальной справедливости. Исходя из этого, именно социальная справедливость является той цементирующей основой, на которой создается демократическое государство и гражданское общество, а степень реализации социальной справедливости выступает критерием национального и социального развития, определяет будущее нации.

И когда речь идет о препятствиях, мешающих развитию гражданского общества, то эти препятствия, как мы видим, напрямую связаны с нарушениями принципа справедливости. В частности, Абражеева Д. В. и Музыкин А. А. указывают на такие проблемы развития гражданского общества (и, соответственно, обеспечения социальной справедливости) в России, как необеспеченность равенства граждан и организаций перед законом; увеличение корыстных побуждений граждан; проблема коррупции во взаимоотношениях между гражданским обществом и властями; отсутствие твердого экономического фундамента для гражданских обществ; расплывчатость и двусмысленность российского законодательства; постановка под сомнение свободы слова и прессы — через различные формы давления на средства массовой информации, неугодные властям и др. [1].

Учитывая вышесказанное, можно сделать взвод, что сегодня речь идет о наполнении реальным содержанием провозглашенных Конституцией и законодательством Российской Федерации и признанных современным цивилизованным обществом норм и ценностей, среди которых главенствующее место занимает социальная справедливость, определяющая такие черты гражданского общества и демократического государства, как солидарность, согласие, равенство, свобода, общее благо, прогресс, толерантность, доверие и др.

Литература

1. Абражеева Д. В., Музыкин А. А. Гражданское общество современной России // Актуальные проблемы права: материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Москва, декабрь 2017 г.). — М.: Буки-Веди, 2017. — С. 1—4. — URL: <http://moluch.ru/conf/law/archive/282/13150/> (дата обращения: 25.04.2018).

2. Данилюк А. Я., Кондаков А. М., Тишков В. А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России / А. Я. Данилюк, А. М. Кондаков, В. А. Тишков. — М.: «Просвещение», 2009. — 24 с.
3. Дыльнова Т. В. К вопросу о функциях социальной справедливости // Вестн. Моск. ун-та. — Сер. 18. Социология и политология. — 2006. — № 1. — С. 55—62.
4. Кизима В. В. Стратегемы гражданского общества // Гражданское общество в эпоху тотальной глобализации / Науч. ред. проф. И. И. Кальной, доц. А. В. Горбань. — Симферополь, 2011. — С. 326—347.
5. Кручинин В. Н. Гражданское общество в современной России, проблемы формирования и функционирования // Вопросы управления. — 2013. — № 4 (6). — С. 7—15. — URL: <http://vestnik.uapa.ru/ru/issue/2013/04/1/> (дата обращения 24.04.2018).
6. Мартышин О. В. Проблема ценностей в теории государства и права / О. В. Мартышин // Государство и право. — 2004. — № 4. — С. 5—14.
7. Родионова О. В. Юридическая сущность «права на достойное человеческое существование» // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 2004. — № 2. — С. 182—188.
8. Роулс Дж. Теория справедливости. / Дж.Роулс; Пер. и науч. ред. В. В. Целищев. Новосибирск: Издательство Новосибирского университета, 1995. — 535 с.
9. Хайруллин В. И. Справедливость как комплексная ценность // Государство и право. — 2010. — № 3. — С. 100—103.
10. Шоркин А. Д. Институциональная изнанка культуры / А. Д. Шоркин // Вестник Санкт-Петербургского университета. — Сер. 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. — 2015. — Вып. 2. — С. 85—94.

УДК 1(091)

Мифологические основания идеологии насилия Третьего Рейха.

Mythological foundation of the ideology of violence of the Third Reich

Исак И. А., аспирант исторического факультета Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
Isak I. A., graduate student of the Department of History Tavrída Academy V. I. Vernadsky Crimean Federal University

Аннотация. Мифология в Третьем Рейхе является открытым проблемным вопросом на сегодняшний день. Идут споры и дискуссии касательного того, являются ли мифы, которые использовали нацисты, основой их учения. В связи с этим можно выделить ряд наиболее важных вопросов. Являются ли они вообще основой идеологии нацистов, какой направленности были эти мифы и для чего использовались? Какова их роль в идеологии? Можно ли считать мифологическую концепцию нацистов основой для их расовой идеологии? В статье приводятся аргументированные ответы на данные вопросы. Мифологические основы присутствуют в идеологии нацистов, в частности в расовой идеологии, которая подвигла нацистов на создание оружия массового уничтожения «неарийского населения».

Abstract. Mythology in the Third Reich is an open problem issue for today. There are debates and discussions about whether the myths used by the Nazis are the basis of their ideology. In this regard, we can identify a number of the most important question/ are they at all the basis of Nazi ideology? What kind of focus were these myths and what were they used for? What is their role

in ideology? Is it possible to consider the mythological concept of the Nazi as the basis for their racial ideology? The article provides reasoned answers to these questions.

Ключевые слова: мифология, Третий Рейх, расовая идеология, А. Гитлер, нацизм.

Key words: mythology, Third Reich, racial ideology, A. Hitler, Nazism.

Цель статьи: Описать основные мифы, используемые нацистами в своей идеологии, дать обоснование их применения как инструмента насилия в расовой идеологии.

Проблема: Показать роль мифологических идей и оснований как предмета, которым руководствовались лидеры нацистского режима в уничтожении расово непригодного населения.

Объектом исследования в статье является Третий Рейх, **предметом** — его расовая идеология и мифологические основы, применяемые нацистами.

После победы Гитлера на выборах в Германии в 1933 году посты президента и рейхсканцлера были объединены в его руках, что позволило Гитлеру сосредоточить в своих руках всю власть в Германии. Был взят новый политический курс возрождения страны и выхода из экономического кризиса. Новый лидер страны дал ей и новое название — Третий Рейх, что в немецком языке *Drittes Reich* трактовалось как третья империя или третье царство. В средневековых мистических трактатах данный термин упоминается как «учение о трех царствах». Германские идеологи нашли ему применение и трактовку на современном этапе и немного преобразили его. «Священная Римская Империя» и Германская империя 1871—1918 гг. в мифе первые два «рейха». В «третьем» или «тысячелетнем» рейхе нацизм является завершающим этапом «высшей» стадии развития Германской нации. [1.]

В современной историографии бытует гипотеза о том, что нацизм уникален. Согласно данной гипотезе «нацизм» нечто новое для своего времени. Он имеет истоки в средневековой мистике, учениях тайных сообществ, тайных рукописях инквизиции и массе других подобных версий. Но если подробнее ознакомится с трудами немецких и зарубежных мыслителей конца XIX — начала XX века, то можно вполне аргументированно опровергнуть данную гипотезу.

Всем известно, что главная отличительная черта нацизма — это его расовая концепция: борьба между расами за существование, «расширение жизненного пространства» для немцев, с ударением на антисемитизм. В конце XIX — начале XX века об этом уже очень активно говорили, хотя тех, кто это пропагандировал, всерьез не воспринимали, но сторонники у этих идеологов уже были и их довольно немало. Авторами подобных произведений были известные и уважаемые люди в свое время не только в Германии, но и за ее пределами.

Основателем расовой гигиены в то время считался В. Шалльмейер, который утверждал, что «физически или душевнобольных» людей необходимо срочно стерилизовать, а инвалидов выслать из страны. Его современник и идеолог врач А. Плётц в своей книге «Основы расовой гигиены» процесс уничтожения больных и слабых людей среди немецкого населения называл «выпалыванием». В книге «Народная служба», которую анонимно издал А. Тилле в 1893 году идет призыв выбраковывания детей, у которых дурная наследственность, а также звучит требование увеличения «жизненного пространства для немцев» путем уничтожения слабых рас [9].

Полигамию для расово идеальных мужчин предлагал узаконить профессор философии Х. Эрнфельс из Праги. Он так же считал, что метод искусственного оплодотворения поможет возродить и привести к идеалу немецкую расу. В этот период приобретает популярность концепция расовой борьбы между славянами и германцами. Сам же термин «антисемитизм» появился еще в 70-е годы XIX века. Ввел его известный немецкий журналист В. Марр, который уже тогда в своей книге «Евреи и индогерманцы» негативно отзывался о евреях. Обвинения в адрес еврейского народа звучат из книги «Отчаянная борьба арийских народов против еврейства» экономиста Г. Альвардта. Во время своего

выступления в рейхстаге он требовал «искоренения» евреев как нации, которая приносит беды арийскому народу [10].

Концепция тоталитарного государства была изложена в книге Г. Класа «Если бы я стал канцлером». При личной встрече будущий диктатор отметит книгу Класа как идеальную программу по возрождению немецкого народа и всей Германии. Из книг подобного содержания черпнет для себя глоток ужасных идей и Г. Гиммлер, которые позднее войдут в его программу по «выведению» расы — «Лебенсборн».

Идеи немецкого национализма, которые прослеживались в литературе 80—90 годов XIX века, порождали множество других теорий и учений, которые дали еще более мощный толчок к развитию нацистской идеологии. Из всех таких учений можно выделить только одно, которое можно назвать предшественником нацизма — ариософия. Появилось данное течение еще перед Первой мировой войной, деятельность свою начинали в Вене. В своем учении ариософы соединили народный немецкий национализм и расизм, придав ему оккультную окраску, которую они позаимствовали из теософии Е. П. Блаватской. Их целью было оправдать предсказания о том, что грядет эра мирового немецкого порядка.

Ариософы считали, что существует заговор против германского народа, в который входят все неарийские расы, евреи и ранняя Церковь. Причина ослабления германской власти они считали постоянные войны, экономические кризисы, территориальную раздробленность которые привели к расовому смешению. Создавая тайные религиозные общества, ариософы пытались возродить утраченные знания и расовые достоинства древних арийцев, чтобы впоследствии возродить всегерманскую империю. Основанная на культурных, исторических элементах, а также с использованием различных пророчеств и мистических доказательств, ариософия является основной теорией првосхождения немецкого народа, учитывая, что именно эти доказательства берутся за основу, а никак не научные.

Основные положения нацизма можно найти в идеях ариософов. Можно предположить, что Гитлер имел возможные связи с ариософами и был знаком с их журналом *Ostara*, в котором содержались расистские идеи. Один из ариософов Л. Либенфельс говорил, что Гитлер «один из наших учеников». А. Ноль высмеивал нацистов тем, что они позаимствовали свои идеи из их журнала *Ostara*. Ланц даже рассказывал о том, что в 1909 году Гитлер приезжал к нему в редакцию журнала в Родауне: его интересовали более ранние выпуски журнала, которые ему не удалось заполучить для своей коллекции. В этих журналах содержались интересующие Гитлера расовые теории Ланца [4].

В свою очередь, Гитлер всячески опровергал связь с Ланцом и его журналом, который он впоследствии закрыл, а труды запретил. Это может говорить о том, что Гитлер не хотел раскрывать свои связи с венскими сектантами. Чтобы показать, что идеология нацизма является верхом интеллектуальной мысли Германии, приводится официальный перечень авторов идеологии, среди которых философы Германии от Гегеля до Ницше, просветитель У. Гуттен, деятели культуры И. Гердер, Р. Вагнер, Э. Арндт и даже братья Гримм. Расовая теория имела иностранное происхождения и в стане нацизма формировалась под взглядами Ж. Гобино, Х. Чемберлена [2].

Идеологами «Третьего рейха» зачастую принято считать в первую очередь А. Гитлера с его книгой «Моя борьба», которая для всей верхушки Рейха стала «Библией» и основой идеологии национал-социализма. Главным «философом» расизма являлся А. Розенберг. В своей книге «Миф XX века» он рассматривал расу, как основу нацистской «теории познания». По его мнению, расовое убеждение являлось сознанием нацистского мировоззрения. «Ариезацией» и внедрением понятия германского «сверхчеловека» занимался Й. Геббельс. Всевозможная пропаганда, вытеснение лиц неарийской и еврейской национальности из всех сфер жизни Германии, а также психологическая подготовка нации к войне были главными задачами Геббельса. «Очищение» нации от асоциальных элементов и «неарийских народов» было главной задачей Г. Гиммлера. Являясь рейхсфюрером СС, он должен был обеспечить «новое жизненное пространство» немецкому народу.

На основании всей информации, которой обладали лидеры нацизма, были сформированы три основных закона, направленные на уничтожение «низших» и «неугодных» рас. Разумеется, автором всех трех законов был А. Гитлер. В первом своем законе «биологической гравитации» А. Гитлер изложил теорию о том, что помимо существующего понятия «семья», т.е. семья одного человека, есть еще несколько типов данного понятия — семья одного или нескольких народов. Все это подкреплялось лозунгом «Германия для немецкого народа», который А. Гитлер считал наиболее подходящим и научно обоснованным [5].

По уровням враждебности нацисты делили население на внешних и внутренних врагов. Внешними были русские большевики и европейские демократы, а внутренними — марксисты, масоны, либералы, христиане, уголовники, гомосексуалисты, инвалиды и т. д. Расовыми врагами как внешними, так и внутренними считались все те, кто не относился к арийской расе, а именно славяне, цыгане, негры... В особую категорию были отведены евреи, которые, по словам Геббельса, являлись «величайшим несчастьем германской нации».

Вторым законом А. Гитлер называл автракию, которая объяснялась как экономическая самодостаточность и самоудовлетворенность германской нации в экономическом плане. Всеобщую занятость и порядок в стране А. Гитлер называл «светлым будущим» для немецкого народа. Учитывая тот факт, что подобной политики придерживались и другие государства, которые «автаркией» форму своей экономической жизни не называли, данную формулировку закона можно поставить под сомнение [6].

Идея великой арийской расы принадлежит Г. Гиммлеру и является третьим законом в идеологии нацистов. Расширение жизненного пространства для «белокурой расы» сформировало один из самых главных законов нацистской идеологии. В партийном руководстве этот документ называли доктриной «крови и почвы». Это объяснялось тем, что нацистским ученым пришлось в голову поделить животный и растительный мир на представителей высшей — нордической и низшей — европейской. После многочисленных заявлений о превосходстве белой расы над цветными, была создана внутренняя иерархия среди белой расы, вверху которой стояла арийская нация [7]. Существовал также «нордический миф», который основывался на антропологических данных с учетом формы, размера и величины черепной коробки. Впоследствии, чтобы как-то аргументировать этот миф, во время Второй мировой войны нацисты начинают проводить ужасные опыты над военнопленными. В лагерях смерти узников зачастую делили по национальному признаку, после чего отправляли на мучительные пытки и опыты. Нацистские хирурги изобретали всяческие приборы и механизмы для уничтожения «недочеловеков», которыми являлись изначально евреи, потом поляки и советские военнопленные. Если говорить о том, как относилось население Германии к тем ужасам, которые происходили в концентрационных лагерях, которые еще до начала Второй мировой войны уже существовали в Германии. Так как нацистская пропаганда во главе с Геббельсом работала исправно, немцы были убеждены в том, что всех «неугодных» правящее руководство страны просто выселяло за пределы Германии на другие территории, когда в то время их на самом деле безжалостно пытали и убивали в лагерях смерти неподалеку от города [8].

За 12 лет существования нацистского государства Германия, оно успело оставить неизгладимый след в мировой истории. Начиная с первых месяцев после прихода к власти, нацисты начали воплощать свои расистские идеи в жизнь. Фактически антисемитизм был узаконен в государстве. Жизнь евреев и других «неугодных» становилась все жестче. Основываясь на трудах немецких исследователей конца XIX — начала XX века об идеях расового совершенства арийской нации, германские лидеры во главе с А. Гитлером сумели систематизировать и вывести все это в одну идеологию — расовое превосходство. Мифология и оккультные учения так же являются неотъемлемой частью этого учения. Не обоснованные и бездоказательные мифы нацисты пытались воплотить в жизнь, используя концентрационные лагеря смерти в качестве «лабораторий» для своих опытов.

Народами «второго сорта» считали русских, украинцев, белорусов, евреев, которые и стали «материалом» для нацистов. А. Гитлер совершил грубейшую ошибку в своих планах, недооценив противника, которому удалось собственными силами дать героический отпор германской машине и опрокинуть нацистский режим в Германии.

Литература

1. Бессонов Б. Н. Фашизм: идеология, политика. Изд. 2-е, доп. и перераб. М., 1995, с. 27.
2. Бонгард-Левин Г., Грантовский Э. От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. М., Мысль, 1983, с. 34.
3. Випперман В. Европейский фашизм в сравнении 1922—1982. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000, с. 142.
4. Гудрик-Кларк Н. Оккультные корни нацизма. Тайные арийские культуры и их влияние на нацистскую идеологию: Ариософы Австрии и Германии, 1890—1935. СПб: Евразия, 1993, с. 55.
5. Левит С. Культурология. XX век. Энциклопедия. Издание в двух томах. Санкт-Петербург: Университетская книга; 000 «Алетейя», 1998, с. 109.
6. Мельников Д., Черная Л. Преступник номер 1. Нацистский режим и его фюрер. М., Новости, 1991, с. 34.
7. Рахшмир П. Происхождение фашизма. Москва: Наука, 1981.
8. Ширер У. Взлет и падение третьего рейха. Издание в двух томах. Т. 1, М., Воениздат, 1991. с. 44.
9. Heuss T. Hitlers Weg: Eine Schrift aus dem Jahre 1932. Tübingen: Wunderlich, 1968.
10. Schieder W. Faschismus als soziale Bewegung. Deutschland und Italien im Vergleich. Hamburg: Hoffmann und Kampe, 1976.

IV ГОРИЗОНТЫ ЭКОНОМИКИ

УДК 1:303

Экономика как гуманитарная наука

Economics as a humanitarian science

Воронина Е. В., аспирант Института экономики
и управления (структурное подразделение)

Крымского федерального университета
им. В. И. Вернадского

Voronina E. V., postgraduate student of the Institute of
Economics and Management (structural subdivision)
Crimean Federal V. I. Vernadsky University

Аннотация. В данной статье рассматривается взаимосвязь экономики и других наук. Особое внимание уделяется понятию «экономика» как социально-гуманитарной науки. Анализируется процесс обособления экономики как отдельной науки. Проводится обзор дисциплинарной структуры экономического знания.

Abstract. This article examines the relationship between economics and other sciences. Particular attention is paid to the concept of «economics» as a social and humanitarian science. The process of separating the economy as a separate science is analyzed. The disciplinary structure of economic knowledge is reviewed.

Ключевые слова: экономика, наука, гуманитарная наука, методология, классификация.

Key words: economics, science, humanities, methodology, classification.

Специалисты в области философии науки в научном знании выделяют не только естественные, технические и гуманитарные науки, но и логико-математические, естественно-научные, инженерно-технические и социально-гуманитарные науки. Такой подход связан с присущими каждому классу наук специфических признаков рациональности. Экономике относят к социально-гуманитарным наукам.

Экономика — это общественная наука, которая базируется на отношениях между людьми, а также людьми и окружающей средой, которые возникают в процессе производства, распределения, обмена и потребления продуктов, благ и услуг. Экономике как науке присуще применение математических методов для получения исследовательских результатов. Основанная на опыте, экономическая наука во многом является эмпирической, чем и предопределяет свое отношение к общественным, гуманитарным наукам [1]. В первую очередь, экономика — это наука о домохозяйстве, способах его ведения и управления им.

Экономика — это гуманитарная наука, которая изучает отношения человека и общества. Но, по сравнению со многими другими общественно-гуманитарными науками, в экономике математические методы и модели используются в значительно большей степени. Это связано с тем, что в экономической науке исчислимость результатов играет огромную роль.

Точные науки используют общелогические методы проверки гипотез и исследуют количественно точные последовательности, которые основаны на возобновляемых экспериментах и строгих дискурсивных рассуждениях, где нет места субъективному фактору.

В экономике, несмотря на обилие цифр и формул, основным предметом изучения является экономическая сфера общественной жизни. Математические методы только помогают этому процессу — решению проблем общества.

Рисунок 1. Взаимосвязь экономики с гуманитарными, социальными и математическими науками
[составлено автором]

Советский философ, историк и методолог науки Б. М. Кедров разработал классификацию наук, в которой разделил всю действительность на природу и человека; в «человеке» Б. М. Кедров выделил две составляющие — мышление и общество, тем самым науки разделились на три категории: науки о природе (естественные науки), науки об обществе (социальные науки) и науки о мышлении (философские науки). Экономике как науку философ отнес к числу общественных и гуманитарных наук.

В общенаучной классификации экономикой относят к гуманитарным наукам. Главным образом это касается экономической теории. Но также в экономике имеется большое количество прикладных дисциплин, которые рассматриваются по отношению к определенному объекту (предприятию, рынку, инвестиционному процессу), где необходимо хорошее владение математическим аппаратом, основами социологии, психологии, этики.

В российской классификации наук экономикой относят к общественно-гуманитарным наукам. Занимая при этом особое место, экономическая наука наряду с социальными факторами учитывает биологические основы поведения человека, рассматривая их как объективную действительность. Кроме того, используются математические методы, которые сближают ее с естественными науками [2, с. 16].

Экономика одна из первых выделилась как наука в области гуманитарного знания. Термин «экономика» упоминался еще в 1790 году. Предметом данной науки до конца XIX века являлась политическая экономия. Именно экономист и философ А. Смит стал основателем классической экономики и впервые в 1776 году создал трактат «Исследование о природе и причинах богатства народов», в котором охарактеризовал отдельного индивида как лицо, эгоистически направленное в пределах экономического процесса, и руководствующее в своих действиях исключительно позицией личной выгоды. Тем самым он предопределил в экономике человеческий фактор как главенствующий. В работе «Исследование о природе и причинах богатства народов» он изучил теорию стоимости и распределения доходов, капитала и его накопления, взгляды на экономическую политику, финансы государства, экономическую историю Западной Европы. А. Смит рассматривал экономикой как целостную систему, в которой функционируют объективные законы, которые можно познать. К классикам экономической мысли также относят Д. Рикардо («Принципы политической экономии и налогообложения», 1817 год), Дж. С. Милля («Принципы политической экономии», 1848 год), А. Маршалла («Принципы экономики», 1890 год), Карла Маркса («Капитал», 1867 год) [3].

В настоящее время экономическую теорию рассматривают как науку о богатстве и происхождении богатства. В экономике важную роль играет изучение поведения людей в процессах производства, распределения, обмена и потребления благ в мире ограниченных ресурсов. Рассматривается поиск продуктивного использования редких (ограниченных) ресурсов в производстве товаров и услуг для удовлетворения человеческих потребностей [4, с. 78]. Человеческий фактор всегда играл огромную роль в экономике, поэтому развитие этой науки напрямую зависит от ментальности и мировосприятия данного общества.

Экономика как наука изучает действия огромного количества людей в рыночной ситуации. В малых или больших поступках, в общественной или частной жизни люди в принципе не могут не затронуть экономических отношений. Делая покупки на рынке и в магазинах, подсчитывая свои доходы и расходы, при трудоустройстве на работу, при выплате заработной платы, на биржевых рынках, они прямо или косвенно используют принципы экономики.

Как и все гуманитарные науки, экономика распространяется на большие массы. Мировой рынок охватывает свыше 5 млрд людей. Например, если случится кризис в России или Китае, то он тут же отразится на биржах Америки, Японии, Англии и всей Европы. Когда производители начинают готовить к продаже очередную партию новой продукции, их интересует мнение не отдельной, даже не определенной малой группы, а мнение большинства людей. Это очевидно, ведь закон прибыли требует производить больше продукции и по более выгодной цене, при этом получая максимальную прибыль с оборота товара, а не с единичного производства.

Если не исследовать поведение людей в рыночной ситуации, то экономика имеет большой риск просто остаться техникой подсчета прибыли, капитала, процентов, связанных между собой абстрактными построениями теории.

Литература

1. Academic.ru — Большой Энциклопедический словарь // [Официальный сайт] // URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_economic_law/18145/%D0%AD%D0%9A%D0%9E%D0%9D%D0%9E%D0%9C%D0%98%D0%A7%D0%95%D0%A1%D0%9A%D0%90%D0%AF (дата обращения: 03.05.2018).
2. Тутов, Л. А. Философия и методология экономики: учеб. пособие / под ред. Л. А. Тутова. — М., 2017. — 386 с.
3. Fb.ru — Информационный портал // [Официальный сайт] // URL: <http://fb.ru/article/189344/issledovanie-o-prirode-i-prichinah-bogatstva-narodov-v-teorii-adama-smita> (дата обращения: 04.05.2018).
4. Матяш, Т. П. История и философия науки: учебник / Т. П. Матяш, Е. Ю. Положенкова, К. В. Воденко, Г. И. Могилевская; отв. ред. К. В. Воденко. — М.: КНОРУС, 2016. — 272 с.
5. Добренков, В. И. Социология: учебное пособие / В. И. Добренков, А. И. Кравченко, И. В. Сорокина. — М.: НИЦ ИНФРА-М, 2017. — 624 с.
6. Габов, А. В. Координация экономической деятельности в российском правовом пространстве: монография / А. В. Габов, М. А. Егорова, С. Д. Могилевский и др. — М.: Юстицинформ, 2015. — 656 с.

УДК. 347.471: 342.417.

Экономические основы развития гражданского общества в России

The Economic Grounds for the Progress of a Civil Society in Russia

Михайлов А. Н., кандидат философских наук, доцент кафедры философии естественнонаучного профиля Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
Mikhailov A. N., Candidate of Philosophical Sciences, Docent, Associate Professor of the Department Philosophies of a Natural-science Profile Tavricheskaya Academy Crimean Federal University V. I. Vernadsky

Аннотация. В статье обосновывается экономический фундамент гражданского общества, и на основе анализа причин бедности предлагаются экономические меры развития гражданского общества в России.

Abstract. This article propounds the essence of civil society foundation with the analysis of the causes of poverty and puts forward the economic measures for the progress of civil society in Russia.

Ключевые слова: гражданское общество, средний класс, бедность, нищета, малое предпринимательство, инфляция, девальвация.

Key words: civil society, middle class, poverty, misery, small business, inflation, devaluation.

Всё большее значение в общественном мнении и реальной жизни России занимает гражданское общество. «Убежден, — отмечал Президент России В. В. Путин, — что ни одну из актуальных задач, стоящих перед нашей страной, мы не сможем решить без обеспечения прав и свобод граждан, без эффективной организации самого государства, без развития демократии и гражданского общества» [1].

Такая позиция руководства страны остаётся неизменной на протяжении последнего десятилетия. «Хочу подчеркнуть, — говорил В. В. Путин, — что государство и дальше будет уделять особое внимание развитию правозащитных институтов и институтов гражданского общества» [2].

В современной общественной мысли под гражданским обществом понимается такая система связей и интересов, которая обеспечивает свободную реализацию каждым человеком его естественных прав на жизнь, достойное существование, семью, свободу делать всё то, что не вредит другим, на собственность, равенство перед законом.

Генезис идеи гражданского общества следует искать в объективно существующей потребности индивидуальной свободы, уникальной ценности каждой личности. Такой подход присутствует в философских школах Платона и Аристотеля.

С середины XVIII века начинается осмысление структуры гражданского общества, которое протекает как реакция против идеала средневековых порядков. В Новое время Т. Гоббсом, Д. Локком и Ж.-Ж. Руссо было сформулировано и окончательно отделено от понятия «государство» понятие «гражданского общества». Последнее понималось как система, гарантирующая реализацию прав личности. У И. Канта гражданское общество есть отношение между свободными людьми.

В труде «Философия права» Гегель рассматривает гражданское общество как систему потребностей, основанных на частной собственности. Фундаментом гражданского общества являются семья, сословия, государство и его институты, мораль, долг, культура, свобода, находящиеся в системе взаимозависимостей.

Гегель разграничил семью, гражданское общество и государство, а также показал, что гражданское общество — это опосредованная трудом система потребностей, покоящаяся на господстве частной собственности и общем формальном равенстве людей. Граждан-

ское общество вместе с семьей составляют базис государства. В государстве представлена всеобщая воля граждан. Гражданское общество — это сфера особых, частных интересов отдельных индивидов.

Из гегелевской концепции вышли идеи К. Маркса, который понимал гражданское общество как форму экономических отношений, соответствующих определенному уровню развития производительных сил

Для нашего исследования важно, что К. Маркс выявил и четко определил экономический фундамент гражданского общества. В предисловии к «Критике политической экономии» он так оценивает это: «Мои исследования привели меня к тому результату, что правовые отношения, так же точно, как и формы государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа, что, наоборот, они коренятся в материальных отношениях, совокупность которых Гегель, по примеру английских и французских писателей XVIII века, называет «гражданским обществом», и что анатомию гражданского общества следует искать в политической экономии» [3, с. 6].

Уже в ранних работах К. Маркса четко прослеживается цепочка зависимостей: характер производства — гражданское общество — государство. «Возьмите определенную степень развития производства, обмена и потребления, — отмечал Маркс в письме к П. В. Анненкову в 1846 г., — и вы получите определенный общественный строй, определенную организацию семьи, сословий или классов, — словом, определенное гражданское общество. Возьмите определенное гражданское общество, и вы получите определенный политический строй, который является лишь официальным выражением гражданского общества» [4, с. 402].

Маркс был убежден, указывал после его кончины Ф. Энгельс, что «вообще не государством обуславливается и определяется гражданское общество, а, наоборот, гражданским обществом обуславливается и определяется государство, что, следовательно, политику и ее историю надо объяснять экономическими отношениями и их развитием, а не наоборот» [5, с. 220].

Двумя важнейшими условиями существования гражданского общества, с точки зрения К. Маркса, являются:

— личная свобода индивидов и свободная возможность их взаимосвязи и объединения в союзы, партии, ассоциации, объединения;

— освобождение от государства, независимость от его структур.

История показывает, что чем выше защищенность личных и общественных сфер жизни от жесткой регламентации со стороны государства и его органов, тем эффективнее развитие общества. Чем больше развито гражданское общество, тем больше оснований для удовлетворения социальных запросов людей. С другой стороны, высокоразвитое гражданское общество является основой стабильности политической власти.

Характерно, что гражданское общество более развито в странах с развитой экономикой, которая обеспечивает формирование среднего класса, то есть людей, получающих доходы, значительно превышающие минимальный прожиточный минимум. Средний класс — опора гражданского общества и гарантия стабильности режима. Это осознали еще мыслители Древней Греции. Аристотель в своей работе «Политика» отмечал, что государство, состоящее из средних людей, будет иметь наилучший государственный строй.

Одним из главных препятствий на пути увеличения среднего класса в России оказался недостаточный рост доходов граждан. Соответственно, экономической основой увеличения среднего класса и развития гражданского общества, тем звеном цепи, ухватившись за которое можно выгадать всю цепь, является преодоление бедности в нашей стране. По различным оценкам и методикам расчёта число бедных в России колеблется от 20 до 30 и более процентов.

К основным причинам бедности относятся: высокий уровень коррупции и теневой экономики, сравнительно низкий уровень развития малого предпринимательства, низкая эффективность труда в России в сравнении с развитыми странами; высокий уровень

социального расслоения общества; плоская шкала налога на доходы физических лиц; экономические санкции, введённые против России рядом государств; девальвация рубля и инфляция, которые не полностью покрываются индексацией пенсий и заработных плат. Кроме того, происходит реальное обеднение населения в долларовом исчислении. Если в июле 2014 года минимальная заработная плата в пересчёте на доллары составляла в России 167 долларов, то в августе 2017 года — уже 132,2 доллара.

Эффективными экономическими мерами преодоления бедности и, соответственно, развития гражданского общества, по мнению автора, могут стать следующие.

1. Снижение налогового бремени и государственный протекционизм в отношении малого предпринимательства.

2. Существенное повышение заработной платы работников различных отраслей экономики за счёт повышения доли труда в себестоимости продукции с 8—10% до 35—45%.

3. Законодательное закрепление разрыва в заработной плате у работников бюджетных предприятий, организаций и учреждений не более чем в 4—6 раз.

4. Решение жилищной проблемы для молодых семей путем предоставления ипотечных кредитов под 1—1,5% годовых, а также увеличения государственного строительства.

5. Введение прогрессивной многоступенчатой шкалы налогообложения на доходы физических лиц. Чем выше доход, тем выше и налоговая ставка.

6. Расширение социальной прослойки меценатства и благотворительности из числа российских миллиардеров. Это можно сделать, предоставив потенциальным меценатам определённые льготы и преференции.

7. Реформирование системы пенсионного обеспечения по пути обеспечения социальной справедливости. Пенсия должна насчитываться всем категориям граждан только исходя из размера заработной платы и трудового стажа.

Эти меры, на взгляд автора, позволят в ближайшее время в значительной мере решить проблему бедности в России и, соответственно, значительно расширят социальную базу среднего класса и гражданского общества.

Литература

1. Путин В. В. Послание Президента Федеральному собранию Российской Федерации 10 мая 2006 года // <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2006/05/105546.shtml>.
2. Путин В. В. Выступление на заседании Совета по правам человека в Кремле 14 октября 2014 года; РИА Новости <http://ria.ru/politics/20141014/1028255967.html#ixzz3zrIPV7sZ>].
3. Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 13. С. 5—9.
4. Маркс К. Письмо к П. В. Анненкову 28 декабря 1846 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 27, С. 401—412.
5. Энгельс Ф. К истории Союза коммунистов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 21. С. 214—232.

УДК 101.1: 316

**Классика, неклассика и постнеклассика
в исследовании систем хозяйствования****Classics, non-classics and post-nonclassics in economic systems studies**

Демина М. Г., аспирантка кафедры философии,
Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н. И. Лобачевского
Demina M. G., postgraduate student of the Department of
Philosophy, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Аннотация. Автор рассматривает динамику изменений систем хозяйствования в различные исторические этапы с целью описания экономической теории в срезе различных типов рациональности. Экономическая теория сталкивается с проблемами, характерными для кризиса науки в преддверии научной революции. Для поиска новых методов исследования систем хозяйствования автор предлагает философский подход.

Abstract. The author considers dynamics of changes in economic systems during different historical periods to describe economics through the various types of rationality. There are problems of studying economics which indicate the existence of crisis of science before a scientific revolution. The author offers a philosophical approach to find the new methods of studying economic systems.

Ключевые слова: Постнеклассическая рациональность, системы хозяйствования, научная революция.

Key words: Post-nonclassical rationality, economic systems, scientific revolution.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-311-00152

Исследование систем хозяйствования, в том числе моделей хозяйствования, через призму различных типов рациональности — это сложная философская проблема осмысления новой экономической теории.

Дифференцированием типов рациональности занимались ученые философы такие, как В. С. Степин, именно он ввел термин «постнеклассическая рациональность». Возьмем за основу терминологию В. С. Степина.

В общих чертах типы рациональности различаются следующим образом.

В. С. Степин описывает три типа «рефлексии над деятельностью». Он выделяет классическую рациональность, характерную для механической картины мира, классическая наука подходит «для освоения объектов, организованных как простые системы» [1 с. 249]; неклассическую рациональность, где в каждом конкретном наблюдении необходимо учитывать средства познания субъекта, она характерна для обеспечения «освоения сложных саморегулирующихся систем» [1 с. 249]; и постнеклассическую, где необходимо учитывать, что субъект находится в саморазвивающейся, сложной системе, растворяясь в ней.

Согласно представлениям о постнеклассической рациональности, общество влияет само на себя, субъект, растворенный в новых идеалах и нормах, сам является объектом. Экономическая теория, как продукт деятельности людей, подчиняет себе субъект.

Процесс перехода к постнеклассической науке — глобальный, всеохватывающий, затрагивающий все аспекты человеческой деятельности.

Исследуя изменения в мировой экономике, можно проследить тенденции, характерные для кризисов в преддверии научной революции.

Экономическая теория в XXI веке сталкивается с характерными проблемами для общественных наук, таких как социология, психология (где индивид является ключевым объектом). В научной литературе критикуется достоверность экономических исследований, что обозначается как «кризис». Для кризиса характерны: «устаревшие» клас-

сические теории XIX века, которые сменились теориями, не способными объяснить процессы, происходящие в обществе XXI века, наличие устаревающих терминов, методик, расхождение теории и практики.

Согласно представлениям о структуре научных революций, вышеперечисленные проблемы являются индикаторами трансформации научной картины мира. Экономика, как общественная наука, сталкивается со специфическими трудностями, так как в центре изучения находится человек, который, в свою очередь, находится в сложном динамичном мире. Для нового мира еще не существует полной осмысленности, не найдены новые смыслы, не определена роль человека настоящего. Мир, погруженный в новые постмодернистские смыслы пока только разрушает, деконструирует старые, но не создает теоретической целостности.

С целью описания экономической теории в срезе различных типов рациональности рассмотрим динамику изменений систем хозяйствования.

Этап классической науки характеризует «видение» объектов экономических отношений (товаров и услуг) как «вещей», имеющих бытие. Товары реальные, материальные, имеют определенную ценность. Предоставляемые услуги связаны с положением человека в обществе и не выходят за рамки обыденной жизни и реальности (например: труд крестьянина). Жизнь человека как субъекта экономики не подчинена абстракциям и смыслам, порожденным рынком. Труд, товар и услуги находятся в одной «плоскости» с жизненным миром.

На ранних этапах экономического развития распространен бартерный обмен. Вещи имеют реальную ценность, связанную с их «бытием» или природой.

Впоследствии средства платежа (деньги) имеют ценность в отношении к природным драгоценным металлам.

Типичная хозяйственная система данного этапа — традиционная. «Традиционная система базируется на использовании ресурсов, строго направленных на производство ограниченного (традиционного) перечня продуктов. Например, Бразилия производит кофе, используя для этого ресурсы, приспособленные для производства данного продукта» [2 с. 51].

Специфические условия жизни ряда азиатских стран, в том числе России, сформировали общинную систему хозяйствования.

Основной особенностью хозяйственных систем доиндустриального периода является слияние экономики и жизненного мира, взаимодействие субъекта с экономическими объектами как с любой частью объективной реальности.

Этап неклассической науки связан с периодом масштабной индустриализации. На временном отрезке он чаще всего представлен XIX—XX веками. Основные системы хозяйствования данного этапа: рыночная, плановая, смешанная, подразделяющиеся на множество моделей (японскую, американскую, неолиберальную, шведскую и др.)

Этап неклассической рациональности в экономике переносит человека в дополненную реальность новых смыслов, не вписывающихся в жизненный мир, но имеющих приоритетные позиции в системе ценностей.

Изменения в экономике стран носят глобальный характер, приближая развитие человечества к новому этапу в мировой экономике. Развитие новых средств производства создают такие явления, как стандартизация, унификация. Рабочие, разделяющие свою жизнь на «жизнь дома» и «работу» оказываются во власти отчужденного труда, описанного К. Марсом. Появляется такое явление, как фордизм.

Усложнение средств производства и стремительное развитие промышленности требует все больше новых видов деятельности. Во второй половине XX века сфера услуг в развитых странах выходит на лидирующую позицию.

Мир человека превращается в двойственный — с одной стороны, реальный, жизненный мир, и с другой, мир экономических смыслов и понятий. Отныне благосостояние человека, а возможно и его счастье, зависит от курсов валют, цен на сырье, мировых кризисов, финансовой статистики и прочих явлений дополненной экономической реальности

Деньги постепенно теряют привязку к драгоценным металлам и становятся ценными в зависимости от абстрактных экономических факторов, это можно описать, как «деньги делают деньги» или «деньги из воздуха».

Основной особенностью неклассической рациональности является способность описывать саморегулирующие глобальные системы. Такой системой и является глобальная экономика. Она огромна, сложна, но в тоже время разрушение одной ее части не уничтожает систему, а позволяет ей отрегуливаться самостоятельно.

В конце XX века была создана новая геоэкономическая архитектура мира. Развитие информационных технологий и других средств коммуникации ослабило роль географического фактора в международных отношениях.

Новая структура мира обусловлена процессами глобализации и появления новых международных «игроков» в геоэкономическом пространстве, таких как транснациональные корпорации и международные организации.

В XXI веке темпы глобальных изменений стремительно ускоряются. Сейчас глобальная экономика переходит в новый этап, который требует изучения в рамках постнеклассической науки.

Человек вступает в новый мир слияния смыслов, символов и бытия вещей. Вещи превращаются в виртуальную реальность, а виртуальная реальность становится реальной и приоритетной, как ценные вещи.

Типичный пример нового экономического объекта — криптовалюта. Криптовалюты сами по себе в жизненном мире не имеют никакой ценности, они ценны только в зависимости от того, сколько долларов США они стоят. Существуют криптовалютные игры, такие как *Cryptokitties.org*, где люди покупают и продают нарисованных виртуальных котят с разными параметрами за криптовалюту, цена которых иногда превышает десятки тысяч долларов США.

Мир социальных сетей и видеоблогов уже создал виртуальную реальность, которая слилась с жизненным миром. Происходящее в сети стало подчас важнее событий в настоящей жизни, а экономическая успешность зависит от популярности в сети.

Постнеклассическая наука описывает глобальные саморазвивающиеся системы (способные функционировать без участия индивида). Сейчас мы наблюдаем, что мировая экономика порождает нового человека, и сама задает ему правила игры. В тоже время человек, не различающий символов и бытия, не способен построить будущее для свободных людей.

Литература

1. Степин В. С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения / Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб.: Издательский дом «Мирь», 2009. С. 249—295.
2. Стерликов Ф. Ф. Модели хозяйствования // Экономические науки. — 2012. — №3 (88). — С. 51—55.

УДК 174

Постановка проблемы этики бизнес-коммуникации в контексте виртуализации профессиональных контактов

Statement of the problem of the ethics of business communication in the context of virtualization of professional contacts

Сидорова Л. П., руководитель департамента социальных наук, кандидат философских наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Хусьяинов Т. М., преподаватель департамента социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», аспирант кафедры философии Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского
Sidorova L. P., Head of Department of Social Sciences, Candidate of Philosophy National Research University Higher School of Economics

Khusyainov T. M., Teacher of the Department of Social Sciences National Research University Higher School of Economics Postgraduate Student, Department of Philosophy National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Аннотация. В данной работе рассматриваются изменения в этике деловой коммуникации, связанные с виртуализацией. Перенесение деловой коммуникации в виртуальное пространство изменяет сам процесс взаимодействия и, как следствие, этические принципы в профессиональной среде.

Abstract. This paper examines the changes in the ethics of business communication associated with virtualization. The transfer of business communication to virtual space alters the very process of interaction and, as a consequence, ethical principles in a professional environment.

Ключевые слова: этика бизнеса, деловая коммуникация, виртуальное взаимодействие, виртуализация.

Key words: business ethics, business communication, virtual interaction, virtualization.

Развитие информационных технологий оказало существенное влияние на развитие общества, формирование виртуальной реальности и новых коммуникативных сред привело к возникновению новых форм и видов взаимодействия в бизнесе, включая ведение деловых переговоров, передачу результатов и заданий, перевод денежных средств. Развитие Интернет-технологий привело к возникновению новых способов коммуникации: социальные сети, мессенджеры, видеосвязи и погружение в виртуальную реальность при помощи специальных средств.

Киберпространство, в отличие от предметной реальности, обладает особенностями, связанными с опосредованностью коммуникации технологиями. Все это требует трансформации и этики в сфере бизнес-коммуникации, так как с изменением формы взаимодействия меняются и нормы ведения переговоров в этой сфере.

Также, одной из наиболее важных сторон делового общения является восприятие партнера, клиента, коллеги и других лиц, вступающих в деловое взаимодействие. В этике бизнеса целостный образ участника делового общения, который формируется посредством восприятия его делового имиджа, называется перцепцией [1, с. 216]. На формирование восприятия делового имиджа влияет как оценка моделей поведения человека, так и его внешний вид — одежда, внешность и пр. В связи с развитием Интернет-технологий

и изменением коммуникаций в сфере бизнес-этики, изменяется и перцептивная сторона делового общения, что ведет за собой трансформацию установления контактов, взаимопонимания и сотрудничества между участниками взаимодействия в деловой среде. Приведем примеры некоторых изменений механизмов перцепции, связанных с нарастающими тенденциями перемещения бизнес — общения в Интернет-пространство.

Во-первых, «эффект авансирования», содержание которого сводится к тому, что человеку приписывают несуществующие достоинства, а затем в процессе делового общения, разочаровываются в нем, усиливается в виртуальном пространстве. Это, может быть, связано с тем, что находясь за компьютером в комфортной обстановке, человек чувствует себя расслабленно, испытывает меньше стресса и волнения, чем при личном взаимодействии, что позволяет создать более привлекательный образ в глазах делового партнера или, к примеру, работодателя. Посредством интернет-коммуникации реальные достоинства и недостатки участника взаимодействия выявляются гораздо позже, чем при общении «face to face». Кроме того, виртуальная коммуникация дает определенный уровень анонимности, возможности произвольной самопрезентации, представления себя таким, каким его хотят видеть.

Во-вторых, «эффект красоты», суть которого заключается в том, что внешне привлекательные люди производят в восприятии собеседника более приятный образ в целом. При личном взаимодействии человек может продемонстрировать чувство стиля в одежде, использовать приятный парфюм и корректные случаю аксессуары, проявить обаяние и особенности харизмы, что поможет усилить «эффект красоты» и быстрее установить деловые контакты. Отсутствие визуализации при деловых коммуникациях в Интернет-среде (или же общение с помощью видеосвязи, которое искажает реальную внешность человека), практически нивелируют данный эффект. Но этот факт можно рассматривать и с положительной стороны, поскольку «эффект красоты» действует и в обратном направлении — внешне непривлекательные люди производят в целом менее приятное впечатление. Так что, тем, кто не умеет создавать позитивное впечатление благодаря своим внешним данным и особенностям личного имиджа, намного проще самопрезентовать себя посредством делового общения в сети Интернет. Те же, чья дальнейшее взаимодействие не предполагает личных контактов, могут использовать для самопрезентации других людей, чья внешность, манеры и т.д. будут положительно восприняты.

Третий пример касается «эффекта присутствия». В зависимости от качества навыков человека в определенной деятельности окружающие люди в рабочем пространстве будут либо стимулировать высокие результаты, либо мешать выполнять работу. Соответственно, с одной стороны, дистанционная работа может позволить человеку с недостаточным опытом и навыками чувствовать себя комфортнее, чем, например, в офисе; выполнять свою работу более качественно, не отвлекаясь на окружающих людей. С другой стороны, подобная удаленная работа не позволит профессионалу своего дела достичь наивысших результатов в своей деятельности.

Таким образом, в процессе виртуализации профессиональных контактов появляются новые особенности деловой коммуникации, трансформируются нормы деловых переговоров и переписки, изменяются правила делового этикета. Эти тенденции необходимо учитывать всем участникам бизнес-коммуникации.

Уже сейчас подобные изменения влияют на развитие новых технических средств для бизнес-коммуникации. В частности, возникновение новых сервисов компании «Skype» — «Professional Account» [2], специализированные аккаунты, которые предполагается использовать самозанятыми специалистами, предоставляющими услуги посредством этого средства — репетиторство, консалтинг и т.д. Их создание будет учитывать некоторые особенности именно виртуальной коммуникации, например, расписание, удобное пользователю для взаимодействия. Возникает большое количество различных сервисов, нацеленных на повышение удобства и эффективности деловых переговоров в Интернет-пространстве.

Литература

1. Соболев В. И., Абросимова Е. Б. О деловом этикете, и не только... Книга для предпринимателей, руководителей и персонала компаний. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2013.
2. Имаев В. Skype выпустил Professional Account для фрилансеров // Inc. URL: <https://incussia.ru/news/skype-vypustil-professional-account-dlya-frilanserov/> (дата обращения: 25.04.2018)

УДК 332.142

Устойчивое развитие региона: фантом или реальная возможность?

Sustainable Development of the Region: a Phantom or Real Opportunity?

Керимова Л. Д., аспирант, кафедра мировой экономики
Института экономики и управления
Крымского федерального университета
им. В. И. Вернадского

Kerimova L. D., postgraduate student of the Department of
World Economy, Institute of Economics and Management
V. I. Vernadsky Crimean Federal University

Аннотация. В статье рассмотрены подходы ученых к определению категории «устойчивое развитие». Изучены внешние и внутренние факторы устойчивого развития региона. Выявлена проблема роста мирового энергопотребления. Проведен анализ сырьевой зависимости Каспийского региона и вопросов его экологической безопасности. Отмечена важность международного сотрудничества в сфере урегулирования региональных геополитических конфликтов и модернизации экономик в условиях перехода к новому технологическому укладу.

Abstract. In the article the approaches of scientists to the definition of the category «sustainable development» are considered. The external and internal factors of the region's sustainable development is studied. The problem of growing global energy consumption is identified. The analysis of the Caspian region raw dependence and the issues of its environmental safety is carried out. The importance of international cooperation in the field of settling regional geopolitical conflicts and economies' modernization in the context of transition to a new technological order was noted.

Ключевые слова: устойчивое развитие, развитие региона, геоэкономические факторы, технологический уклад, модернизация экономики.

Key words: sustainable development, development of the region, geoeconomic factors, technological order, modernization of the economy.

В основе идеи устойчивого развития находится осмысление нарастающих глобальных угроз, которые были сформулированы в трудах Римского клуба — неправительственной международной организации, объединяющей ученых, представителей политических и деловых кругов из разных стран мира. Организация ставила своей целью углублять понимание особенностей развития человечества в эпоху научно-технической революции и способствовать привлечению внимания мировой общественности к нарастающему обострению глобальных проблем [4].

Понятие «устойчивое развитие» изучено и раскрыто в научных трудах В. А. Копюга [5], Г. Г., А. С. Дохоляна [3], Н. В. Невейкиной [7], О. П. Кожинной [4] и других ученых. Так, Невейкина Н. В. сгруппировала подходы к данной категории в два блока: временное

и пространственное равновесие устойчивого развития. К временному относится способность системы согласовывать во времени интересы настоящего и будущего поколений. Пространственное равновесие заключается в способности «системы противостоять внешним и внутренним возмущениям, достигать запланированных индикаторов развития, сохранять равновесие в ходе структурных преобразований» [7].

Дохолян А. С. считает необходимым рассматривать устойчивость в статическом и динамическом аспектах. В своих научных трудах он отмечает возможность поддержания устойчивого развития экономики с учетом вытеснения одного доминирующего технологического уклада другим, сопровождающегося «ростом масштабов производства, производительности труда, усложнением хозяйственных связей и отношений» [3, с. 2].

В научных исследованиях Гусейнова Л. А. предлагает смысл английского термина «sustainable development» в официальном переводе названия Концепции ООН заменить «понятием «гармоничное социоприродное развитие», лежащее на границе экономики, экологии и философии» [2, с. 20].

Подобный взгляд вполне обоснован, так как «абсолютно устойчивая система в принципе не может развиваться, ибо в ней невозможны изменения. Неустойчивая же, напротив, очень изменчива, но требует активного управления» [1].

В условиях глобальной регионализации управление социально-экономическим развитием регионов на конкретной территории предполагает реализацию стратегии устойчивого развития с учетом множества взаимосвязанных между собой факторов, оказывающих влияние на различные сферы внешней и внутренней среды региона, изменяющих направленность его развития и возможности использования его потенциала [9].

Обобщив подходы к определению геоэкономических факторов развития региона, можно их систематизировать (рис. 1).

Геоэкономические факторы устойчивого развития региона		
Внешние	Внутренние	
- доступ к рынкам товаров и услуг	Естественные	Искусственные
- доступ к рынкам капитала		
- доступ к технологиям	- географические	- транспортно-коммуникационные
- условия обмена	- ресурсные	- энергетические
- геополитические факторы	- геокультурные	- производственные
- интеграционные и кооперационные связи		- человеческий капитал
		- размер регионального рынка

Рисунок 1. Геоэкономические факторы устойчивого развития региона
 Источник: составлено автором на основе [10]

В условиях перехода стран на новый технологический уклад можно выделить ещё один фактор устойчивого развития региона — информационные ресурсы, под которыми понимаются как индивидуальные знания, так и знания всего общества. Формирование информационного общества накладывает «новые требования на концепцию устойчивого развития, которая в данном аспекте превращается в морально-нравственный императив, касается не только эколого-экономических рекомендаций, но и социальных [6, с. 78].

Наблюдая тенденции развития мирового хозяйства и общества в целом, можно утверждать ярко выраженное несоответствие реализуемых целей устойчивого развития

ООН и фактов, которые свидетельствуют о нарастании глобальных социальных, экологических и экономических угроз. Вопреки разработанным стратегиям и прогнозам, мировое сообщество не в силах нивелировать все нарастающие последствия глобальных кризисных явлений. Современная геополитика также оказалась безуспешной в предотвращении и разрешении царящего хаоса и радикализма Арабской весны, голода и войны в Йемене, геноцида в Мьянме и массы других смертоносных конфликтов.

Рассматривая экологическую составляющую устойчивого развития, следует отметить, что вопреки активному формированию новых подходов к эффективному использованию топливно-энергетических ресурсов на основе современных энергосберегающих технологий, доля потребления нефти странами мира на современном этапе составляет треть мирового объема. Рост мирового потребления нефти в 2016 г. составил в среднем 1,6 млн. баррелей в день или 1,6%, что превышает средний показатель за 10 лет (1,2%) второй год подряд. Мировое потребление природного газа выросло на 63 млрд. м³ что на 1,5% ниже среднего показателя за последние 10 лет (2,3%) [11].

В условиях увеличения доли потребления энергоресурсов странами мира рассмотрим значимость Каспийского региона, обусловленную его энергетическим и транзитным потенциалом. Высокая зависимость бюджета каспийских стран от нефтегазовых доходов составляет угрозу экономической безопасности региона. Высокая доля топливно-энергетических товаров в общем объеме экспорта стран Каспийского региона подтверждает доминирование сырьевой модели развития национальных экономик. Проанализировав динамику экспорта энергоресурсов по данным Международного торгового центра ЮНКТАД-ВТО в период с 2012 г. по 2016 г., получен средний показатель доли топливно-энергетических товаров в экспорте каспийских стран — 77,3%. В 2016 г. усредненный показатель понизился до 69,7% против 81,1% в 2012 г. Но стоит отметить, что снижение было обусловлено не сокращением поставок, а из-за падения цены на нефть более чем в два раза.

Заинтересованность в освоении минеральных ресурсов Каспия, транспортировке углеводородов на мировые рынки, сохранении и рациональном использовании биологических ресурсов моря, улучшении экологической ситуации на акватории Каспия и его прибрежной зоне ставят прикаспийские государства перед необходимостью скорейшего разрешения имеющихся проблем [8, с. 54]. После смягчения геополитической напряженности по поводу разделения нефтяных ресурсов между странами подписанием в 2018 г. в Астане договора о правовом статусе Каспийского моря на повестку дня должен быть остро поставлен вопрос эффективного экологического контроля над нефтяными операциями путем создания межгосударственного экологического органа, наделенного соответствующими полномочиями.

Таким образом, анализируемый междисциплинарный характер феномена устойчивого развития обладает системной сложностью, интегральную суть которого затруднительно выразить терминологически определенно. Концепция устойчивого развития подразумевает модификацию экономики, при которой на основе рационального использования всех видов ресурсов, применения новых технологий и организационных мер будет обеспечено сохранение природы и условий для развития общества.

Литература

1. Волостных В. В. Стратегическое управление и фантом «устойчивого развития» [Электронный ресурс] / В. В. Волостных, Т. С. Иванкович, А. В. Иванкович // Современные проблемы науки и образования. — 2012. — № 4. — Режим доступа: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=6835>
2. Гусейнова Л. А. Глобальное и региональное в гармонизации социоприродных систем: философско-методологический анализ: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук (09.00.11) / Л. А. Гусейнова — М., 2009. — 37 с.

3. Дохолян А. С. Проблемы устойчивого развития экономики региона [Электронный ресурс] / А. С. Дохолян // Современные проблемы науки и образования. — 2011. — № 5. — Режим доступа: <http://www.science-education.ru/99-4975>
4. Кожина О. П., Кожина А. В. Понятие «устойчивое развитие». Посвящается 80-летию со дня рождения академика В. А. Коптюга / О. П. Кожина, А. В. Кожина // Философия образования. — 2011. — № 3 (36). — С. 3—11.
5. Коптюг В. А. Устойчивое развитие цивилизации и место в ней России: проблемы формирования национальной стратегии / В. А. Коптюг, В. М. Матросов, В. К. Левашов, Ю. Г. Демянко // Избр. труды. М.: Наука, 2006. — Т. 4. — С. 453—497.
6. Модели и информационные системы современной экономики: монография / Н. В. Апатова, О. В. Бойченко, С. В. Герасимова и др.; под ред. Н. В. Апатовой. — Симферополь: ДИАИПИ, 2015. — 554 с.
7. Невейкина Н. В. Управление устойчивым развитием регионов: методология, теория, инструментарий [Электронный ресурс]: дис... д-ра экон. наук. — Воронеж, 2014. — 332 с. <https://www.swsu.ru/structura/aup/upiakvk/oad/Neveykinanv%20diss.pdf>
8. Петров С. П. Проблемы Каспия в современном мире [Электронный ресурс] / С. П. Петров // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. — 2003. — №1. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kaspiya-v-sovremennom-mire>
9. Пивень И. Г. Концептуальные основы стратегического управления устойчивым развитием региона / И. Г. Пивень // Новые технологии. — 2014. — № 3. — С. 58—64.
10. Российская Федерация в современном геоэкономическом пространстве: коллективная монография / И. Н. Буценко, К. Э. Гафарова и др. / под ред. М. Г. Никитиной — Уфа: АЭТЕРНА, 2017. — 349 с.
11. BP Statistical Review of World Energy 2017 [Electronic resource]. — Access-mode: <https://www.bp.com/content/dam/bp/en/corporate/pdf/energy-economics/statistical-review-2017/bp-statistical-review-of-world-energy-2017-full-report.pdf>

УДК 101.1::316

Экономизация образовательной сферы: феномены глобальной экономической культуры

Economization of education: phenomenons of global economic culture

Воронина И. О., аспирант кафедры философии,
Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н. И. Лобачевского
Voronina I. O., postgraduate student of the Department of
Philosophy, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Аннотация. В данной статье рассматриваются некоторые феномены современной экономической культуры и то, как они проецируются на сферу образования. Дается оценка результатов этого влияния.

Abstract. This article discusses some of the phenomena of modern economic culture and how they affect education. The results of this influence are evaluated.

Ключевые слова: образование, экономика, клиповое мышление, стандартизация образования, виртуализация.

Key words: education, economics, clip-on thinking, standardization of education, virtualization.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-311-00152

Образование, как и все в нашем мире, за последние десятилетия подверглось экономизации. Этот процесс мы наблюдаем уже давно, и эта тема поднималась не раз [1, с. 50], [2]. Кто-то считает, что это плохо, некоторые видят и положительные стороны.

Основные движущие силы в экономике — это спрос и предложение, и поскольку на рынке труда наличие высшего образования на данный момент является очень важным фактором конкурентности, предоставление такого образования становится востребованным товаром. А значит, на него начинают распространяться все правила экономики.

В настоящей работе предпринята попытка анализа процесса проникновения феноменов современной экономической культуры в образование и последствий этого явления.

Современные способы коммуникации все больше свидетельствуют о клиповом мышлении [3, с. 38], [4] (от англ. clip — отрывок из музыкального видео или фильма, фрагмент текста, вырезка из газеты), сюда можно отнести комиксы, направление мемов и демотиваторов [5]. Это означает сужение пространства для размышления и фантазии, как результат, ухудшение восприятия информации обучающимися приводит к необходимости создания коротких и ярких средств обучения и образовательных программ. Это можно отследить даже по названиям программ, которые пользуются наибольшей популярностью: «10 лучших приемов маркетинга», «5 шагов к своему делу», «английский за месяц» и т. д. Все названия обещают за короткий срок и максимально просто освоить ту или иную область знаний. Подобный вариант образования приводит к тому, что мы имеем огромное количество людей, которые считают себя специалистами, зная всего лишь эти 10 приемов. А круг настоящих специалистов, которые глубоко разбираются в предметной области, сужается.

Второй феномен можно назвать кодовым словом «Макдональдс» — это быстрое и дешевое питание «на ходу». А в случае с образованием — это заочное обучение. «На ходу», не отрываясь от повседневных дел и работы, вы получаете свою порцию быстрых знаний, а в конце за меньшее, чем на дневном отделении, время — диплом. И вот вы «сыты» — получили диплом, необходимый для работы и карьеры, и считаетесь специалистом, и не потратили на это лишнего времени и денег. Обратная сторона — уровень освоения специальности невысокий. Недаром идет речь об отмене заочной формы обучения.

Еще одно интересное явление в современном мире — одинаковые штекеры почти для всех сотовых телефонов, то есть стандартизация. Универсальный подход можно проследить во многих сферах жизни, и образование не исключение. В нашей стране самый яркий пример — это ЕГЭ и Болонский процесс. Первое подразумевает унификацию результатов школьного обучения для уравнивания шансов при поступлении в ВУЗы, а в результате получается войско роботов, способных только решать тесты, и убитые творческие единицы, а не сумевшие приспособиться к «одному гребенке». Второе вызвано желанием адаптировать наших специалистов к западным стандартам, а в итоге столкновение с собственной системой — проблемы резкого перехода на новую систему возникли и у ВУЗов, и у студентов, и у работодателей. Образовательным организациям необходимо перерабатывать программы и формат обучения, работодатели с привычки не воспринимают бакалавриат как полное высшее образование, студенты в этой ситуации не знают, куда деваться, ведь поступить один раз не просто, а тут надо два, да еще и платить больше придется. Хотя переходный период всегда связан с трудностями, но возможно, нам следовало в случае с образованием идти своим путем и хранить наработанные традиции.

Следующий феномен — on-line магазины. Мы получили возможность купить практически все, что угодно. Множество магазинов, в том числе в интернете, предлагают разнообразные товары. Большинство из них сделано в страхе третьего мира, а разнообразие и дешевизна достигается снижением качества. Образование в данном случае как товар пользуется популярностью, и тенденцию снижения цены за счет качества ему избежать не удалось. На территории нашей страны открылось много новых ВУЗов, в уже существующих открылись новые направления. Это вполне соответствовало спросу, поскольку каждый работодатель стал требовать от молодого сотрудника наличие диплома о высшем образовании. Но со временем стало понятно, что не все образовательные

учреждения могут обеспечить качественный уровень образования, хотя бы потому, что количество достойных преподавателей ограничено, а потребность в них резко возросла. Вот и получается, что найти образовательные программы можно на любой запрос и кошелек, но их качество остается под вопросом.

И красной нитью сквозь все эти феномены проходит самый главный — виртуализация. Все сферы жизни стремительно переходят в on-line формат [6, с. 124]. В образовании это происходит, в первую очередь, в виде MOOC. Конечно, образование on-line задумано с благими намерениями, и нельзя отрицать его плюсов. Это и доступность, и удобство использования, и возможность послушать лекции известного ученого, и многое другое. Но, с другой стороны, такое образование нацелено на клиповое мышление, поскольку вид курса должен быть стандартным в каждом модуле, видео-ролики с лекциями короткие и яркие, информация лаконичная, чтобы не потерять внимание пользователя.

Также on-line форма своей быстротой и доступностью помогает развивать «питание на ходу» в обучении. Основной формой проверки является тестирование, иначе не обучить тысячи человек, что опять говорит о стандартизации знаний, отсутствии творческого зерна. Ну и, конечно, такой формат способствует увеличению количества и разнообразия курсов, но отслеживать качество их наполнения уже сложно.

Тем не менее, виртуализация стала полезна для другой аудитории — профессионалов, которые нуждаются в непрерывной актуализации своих знаний. Теперь у них есть возможность посоветоваться с коллегами и поделиться опытом с помощью форумов и сообществ. Раньше же это было возможно только при очной встрече на семинаре или в узком кругу знакомых специалистов.

Самое важное, что стоит отметить — переход в режим жизни on-line лишает людей социализации, а образование — это один из основных ее этапов. Именно в школе и ВУЗе мы учимся контактировать с людьми, объединяемся в группы по интересам, учимся решать проблемы, достигать целей. При образовании через сеть интернет мы теряем уникальную возможность научиться контактировать с людьми, что важно для жизнедеятельности в обществе. А с точки зрения результатов обучения важно, что только живой человек, преподаватель, сможет объяснить материал подходящим для конкретной аудитории способом и ответить на индивидуальные вопросы каждого студента.

Литература

1. Микуленко Т. Образование как товар //Alma Mater. Вестник высшей школы. — 2001. — №. 10. — С. 49—52.
2. Савченко Ю. Ю. Услуги высшего профессионального образования как товар и общественное благо //Современные проблемы науки и образования. — 2014. — №. 3. — С. 310—310.
3. Смолина Е. Г. «Клиповое мышление» в информационном обществе: последствия для образовательного процесса //Университет в глобальном мире: новый статус и миссия. — 2017. — С. 238—240.
4. Пазина Л. О., Зубарева С. С. Клиповое мышление — отличительная черта современного поколения //Теоретические и практические проблемы развития современной науки. — 2015. — С. 105—106.
5. Аксенова Д. А. и др. Мем как единица передачи культурной информации и отражение современной действительности //Современные исследования социальных проблем. — 2017. — Т. 9. — №. 3-3. — С. 97—112.
6. Кутырев В. А. Человеческое тело в философии постмодернизма / В. А. Кутырев // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. — 2010. — №1. — С. 121—127.

V ГОРИЗОНТЫ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 1:378

Практическая философия, как философия образования: ретроспектива и перспектива

Practical philosophy as philosophy of education: retrospect and prospect

Лыхина Ю. В., ст. преподаватель кафедры философии естественнонаучного профиля КФУ им. В. И. Вернадского
Lykhina Y. V., Crimean Federal V. I. Vernadskiy University,
Senior Lecturer of the Department of Philosophy of a Natural Science Profile

Аннотация. Статья посвящена исследованию вопроса практической философии с точки зрения философии образования. Рассмотрен исторический опыт и определены будущие перспективы.

Abstract. The article is devoted to the study of practical philosophy from the point of view of philosophy of education. Considered historical experience and identifies future prospects.

Ключевые слова: образование, общество, личность, культурные нормы, перспектива.
Key words: education, society, personality, values, cultural norms, prospect.

Философия, как особая форма духовной созидательной деятельности человека, всегда имела практическое предназначение, начиная с момента зарождения самого понятия «философия» и до наших дней. Философия всегда стремилась помочь человеку объяснить окружающий мир и сделать жизнь человечества немного понятнее и лучше.

Древнегреческие натурфилософы пытались найти рациональное объяснение окружающего мира и космоса и тем самым двигали вперед научное познание.

Сократический и постсократический периоды философии характеризуются обращением философии от изучения природы к самопознанию и изучению человеческой сущности. Философия этого периода пытается освободить людей от первобытных страхов: страха смерти и страха перед богами, ищет истину.

Философская мысль эпохи Средневековья, несмотря на ограничение науки и общую теологическую направленность, оттачивает логику будущей научной мысли в схоластических спорах и поиске доказательств бытия Бога. В то же время сами философы Средневековья видят практическое назначение философии в объяснении сложных и противоречивых вопросов теологии.

Новое Время дарит человечеству теории, которые сегодня воплощены в реальность практически в каждом государстве: естественно-правовая доктрина равенства природных прав человека, закрепленная в нормах позитивного права каждой цивилизованной страны, теория разделения властей, нашедшая свое отражение в большинстве современных конституций, теория гражданского общества, ставшая основой построения любого социума.

Марксизм уже состоялся как философия, призванная преобразовывать общественную действительность в русле не юридического, но социального равенства, т.к. развитие этой концепции способствовало появлению в XX веке социалистических государств.

Экзистенциализм, как доминирующее направление философии Новейшего времени, создал новое понимание свободы человека, свободы не юридической, а свободы жить в согласии с самим собой, облегчив понимание жизни.

На протяжении писанной истории человечества философская мысль, как мысль об идеальном, всегда опережала настоящее и творила будущее, воплощая мечты в реальность. А это новое будущее создавалось в настоящем посредством обучения, воспитания и просвещения.

Образование стало своеобразным рубежом и «линией фронта» преобразования действительности. Новое знание и мечта о лучшем начинались в просвещенных умах, передавались через образовательный процесс, и постепенно овладевали массами. Античные мудрецы, богословы Средневековья, ученые Ренессанса и Нового времени, представители интеллигенции Новейшей эпохи создавали концепции, способные перевернуть мир, и передавали знания ученикам.

Сократ считал, что мудрости достоин каждый, поэтому охотно обучал любого желающего прямо на улице, в окружении толпы зевак, противопоставляя себя софистам — платным учителям мудрости [1].

Ученик Сократа Платон также видел в образовании источник преобразований реальности и действовал в соответствии со своей концепцией об идеальном государстве, пытаясь просветить правителя. Платон в произведении говорит: «дайте мне государство, подчиненное неограниченному господству одного лица, и пусть этот государь будет молод, восприимчив, с хорошей памятью, мужествен и великодушен, при этом безупречен по природе и умерен в своих желаниях, наконец, так счастлив, что имеет своим современником способного и мудрого законодателя, который, благодаря благоприятному стечению обстоятельств, приводится с ним в личные отношения; — вот все условия, необходимые для того, чтобы сделать государство в высшей степени счастливым» [2]. Однако, мечта Платона о сильном государстве и просвещенном монархе так и не увенчалась успехом. Попытки дать лучшее образование Дионисию Младшему не смогли превратить тирана в просвещенного монарха.

Выдающийся греческий философ, ученик Платона — Аристотель следовал заветам своего учителя, обучая Александра — сына македонского царя Филиппа. Мечты Платона и Аристотеля об объединении разрозненных греческих полисов, о сильном едином государстве были воплощены Александром Македонским. Несмотря на позитивную роль объединения, оно имело печальные последствия, так как положило конец греческой демократии.

Представитель патристике, известный философ конца Античности и начала Средневековья — Августин Блаженный был очевидцем распада Римской Империи. В ту переходную эпоху он мыслил как идеал, христианское государство, в котором будет закреплён приоритет духовной власти над светской. Для европейских государств этот идеал Августина Аврелия стал объективной реальностью почти на тысячу лет [3]. Такой длительный период господства одной идеологии обусловлен, в первую очередь, тем, что образование находилось в руках церкви и обеспечивало единство социума на общей культурной основе.

Переворот в подходах к образованию и воспитанию сделала эпоха французского Просвещения. Эта эпоха смогла обеспечить французскому обществу не только всеобщий доступ к научным знаниям, выпустив Энциклопедию, но и обратила внимание на идеологическую составляющую воспитания. По мнению Гельвеция, «ум человека — не дар природы, а результат воспитания... человек формируется исключительно под влиянием среды и воспитания и по своей сути является продуктом всех общественных условий» [4].

Тем не менее, подлинное Просвещение наступило только в XX веке, этому способствовало бурное развитие массовых информационных и коммуникационных технологий. Еще до появления интернета советское общество через программу ликвидации безграмотности обеспечило обязательность и всеобщность образования.

Современная эпоха — эпоха Постмодерна является очередным переходным периодом в истории человечества. Общество стоит перед новыми вызовами. Перенаселение, бедность, угроза экологической катастрофы, угроза войны, культурные разногласия — все это разобщает людей и препятствует консолидации человечества.

Новые технологии только усиливают взаимную отчужденность в обществе, средства массовой информации пытаются манипулировать общественным сознанием. Поэтому, по мнению автора, именно образовательный процесс является основой подлинной культур-

ной межличностной коммуникации и передачи культурного кода общества. Перед философией образования стоит сложная задача дать обществу ориентир и надежду на выживание.

Д. Белл, описывая общество будущего, говорил о неизбежном усилении роли университетов и постепенном увеличении их значения в формировании социальной реальности [5]. С этой позицией солидарен и российский философ — Гершунский Б. С.

По мнению Гершунского, «в будущем (не исключено, что уже в XXI веке). Партия Образования станет и Партией Власти... Такова неумолимая логика выживания социума, его не только социальное, но и биологическое, естественное стремление к собственному продолжению, к гарантированному духовному, ментальному воспроизводству. Причем, к «воспроизводству» непременно «расширенному», обогащенному на каждом новом витке спирали духовного самосовершенствования, — вне сферы образования принципиально невозможного... По существу, единственным гарантом жизнеобеспечивающих ментальных ценностей социума является сфера образования, выступающая... технологически наиболее работоспособным менталеформирующим и менталеобразующим компонентом культуры» [6, 422—423].

По нашему мнению, усиление роли образования в самом ближайшем будущем является не просто теоретически обоснованной позицией, но жизненной необходимостью и залогом выживания человечества.

Литература:

1. Асмус В.Ф. Античная философия: — М.: Высшая школа, 1976 г. — 543.
2. Русская историческая библиотека Платон — Биография URL: <http://rushist.com/index.php/greece-rome/2202-platon-biografiya>, 05.05.2018
3. Августин Аврелий. О Граде Божьем. Книги 1—12 URL: http://az.lib.ru/a/awgustin_a/text_0427_de_civitate_dei-1.shtml, 05.05.2018
4. Библиотека Гумер. Педагогика Клод Гельвеций. О человеке, его умственных возможностях и его воспитании URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pedagog/galag/13.php, 05.05.2018
5. Белл Даниел. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. Перевод с английского. М.: Academia, 1999. — 956 с.
6. Гершунский Б. С. Философия образования для XXI века. (В поисках практико-ориентированных образовательных концепций) — М.: Изд-во «Совершенство», 1998. — 608 с.

УДК 168

Научный мир, научный миф и мы.

Специфика и актуальные проблемы популяризации науки в России

The scientific world, the scientific myth and we.

Specificity and actual problems of popularization of science in Russia

Милодан А. В., аспирантка Физико-технического института Крымского федерального университета

им. В. И. Вернадского

Milodan A. V., post-graduate student of the Physico-technical Institute Crimean Federal of V. I. Vernadsky University

Аннотация. В статье рассмотрены основные этапы истории, имеющийся инструментальный популяризации науки, актуальные проблемы популяризации науки в России. Сделаны выводы о перспективах развития.

Abstract. The article considers the main stages of history, the available tools for popularizing science, the current problems of popularizing science in Russia. Conclusions are made about the prospects for development.

Ключевые слова: популяризация науки, наука, научные знания, научный миф, учёный, научная фантастика, проблемы популяризации науки.

Key words: popularization of science, science, scientific knowledge, scientific myth, scientist, science fiction, problems of popularization of science.

В современном обществе наблюдается падение уровня образования и общей эрудиции. Это касается не только тех, кто имеет лишь среднее образование, но и выпускников ВУЗов. Согласно данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), треть россиян уверена в том, что Солнце вращается вокруг Земли, 20% — что пол ребёнка зависит только от генов матери, 11% считают, что кипячение радиоактивного молока делает его безопасным и т.д. [1] Подобных заблуждений множество. Широко распространены научные мифы и профанации.

Всё это приводит к неправильной оценке положения дел в жизни, бизнесе, политике, экономике, принятию неверных решений и, в конечном счёте, к низким темпам развития государства в целом.

В решении имеющихся проблем огромную роль играет популяризация науки, представляющая собой процесс распространения научных знаний в доступной, современной форме для широкого круга людей. Популяризация может быть общей, рассчитанной на широкую аудиторию, и специальной: внутри научных сообществ или ориентированной на разные возрастные группы (дети, молодёжь, пожилые люди). Кроме того, она должна учитывать уровень подготовки населения к восприятию информации. И здесь одной из важнейших задач популяризации науки является подача сложных для понимания теорий и фактов в доступных, интересных формах.

В распространении научных знаний заинтересованы, в первую очередь, учёные, для обоснования социальной значимости своей работы, привлечения в науку новых кадров, развития междисциплинарных связей. Заинтересовано государство, для повышения общего уровня адекватности оценки жизни, принятия решений, волеизъявления населения. Безусловно, заинтересован в популяризации науки бизнес, так как она даёт возможность получения большего количества квалифицированных специалистов. И, конечно, само общество заинтересовано в удовлетворении естественной потребности в познании и развитии.

Говорить о популяризации науки как таковой можно, начиная с XVII века. В это время популярным стало проведение публичных опытов. В частности, в светских салонах и на приемах широко практиковались опыты по электричеству. Иногда масштаб этих опытов был весьма значительным. Изобретенная лейденская банка использовалась для демонстрации разряда через цепочку взявших за руку людей. В некоторых опытах участвовало до 1000 человек. Уже в Новое время стали популярными публичные лекции, на которых демонстрировались различные научные опыты. К началу XIX века мероприятия, связанные с популяризацией науки стали проводиться особенно активно. В 1831 году в Великобритании был проведён первый научный фестиваль. В этот же период появилась и новая форма популяризации науки, в дальнейшем получившая название «научная фантастика».

Начало в середине XX века третьей научно-технической революции вывело популяризацию на качественно новый уровень. Стало понятно, что конкурентоспособность напрямую связана с наукой и техникой. Это потребовало ускоренного развития науки, техники и технологии. Для решения этих задач нужны были кадры. Потребовалось привлечь в науку и инженерию большие массы людей. Поэтому в этот период популяризация была поставлена, что называется, на «промышленную» основу. Стимулирование к написанию научно-популярных произведений стало обязательной заботой многих госу-

дарств. Так, в СССР существовали издательства, специализирующиеся на издании научно-популярных произведений, для чего привлекались ведущие учёные. Существовала развитая сеть лекториев общества «Знание». Снимали научно-популярные фильмы. Для этого действовали специализированные киностудии.

В современной России также существует ряд мероприятий, направленных на популяризацию науки. Это, в первую очередь, Всероссийский фестиваль НАУКА 0+. В 25 регионах России при поддержке ведущих технологических и наукоёмких компаний, ВУЗов и СМИ проводится Science Slam, или битва учёных в форме стендапа. В ней участвуют молодые учёные, задачей которых является в течение 10 минут в доступной и остроумной форме рассказать о собственных исследованиях и достижениях. Мероприятие проводится обычно в кафе, зрители голосуют аплодисментами.

Среди популяризаторов науки XX века следует отметить ряд выдающихся имён: Айзек Азимов (физика, математика, биология, химия), Стивен Хокинг (космология, физика), Брайан Грин (астрономия, физика), Мартин Гарднер (математика), Жак-Ив Кусто (география, биология), Митино Каку (физика, астрономия). В России — прежде всего Яков Перельман (математика, физика), Иосиф Шкловский (астрономия, астрофизика). Большой вклад в популяризацию науки внесла научная фантастика. Здесь можно назвать такие имена, как Аркадий и Борис Стругацкие, Александр Беляев, Алексей Толстой, Николай Горькавый, Герберт Уэллс, Роберт Шекли и многие другие. В основном популяризаторами науки становятся учёные, но немало и любителей, внесших неоценимый вклад в её развитие [2].

В наше время существует обширный инструментарий для популяризации:

- СМИ, коммуникативная результативность которых весьма высока;
  - научно-популярные лекции, отличающиеся интерактивностью и подачей материала аудитории непосредственно;
  - научные музеи. В России всё большее развитие получают такие проекты, как Экспериментариум, Политехнический музей, Лунариум, Театр занимательной науки. Эти музеи популярны и доступны для самой различной аудитории;
  - научно-популярная литература. Включает в себя научно-популярные журналы и книги, материалы, рассчитанные на широкий круг читателей. Это, безусловно, и научная фантастика, которая обладает многообразием художественных форм. Наряду с прекрасным изложением научных фактов и теорий она подаёт также и свежие идеи, которые впоследствии успешно используются учёными и приводят к новым открытиям;
  - мероприятия и фестивали, направленные на популяризацию науки;
  - кинематограф. Научно-популярные фильмы снимались ещё в эпоху немого кино. В СССР существовали специальные киностудии Научфильм, которые специализировались на съёмках научно-популярных и обучающих фильмов. Художественный кинематограф также играет немалую роль за счёт экранизаций научно-фантастических произведений;
  - фонды и организации по поддержке популяризации науки. Здесь необходимо отметить Американскую ассоциацию содействия и развития науки, Фонд Ричарда Докинза в поддержку разума и науки, Фонд Династия и другие;
  - Интернет. Пожалуй, самый многообещающий ресурс, так как в нём сочетаются все вышеперечисленные способы популяризации. Интернет отличается также интерактивностью, пользователи могут высказывать своё мнение в комментариях;
- Однако, при всём многообразии возможностей для популяризации, существует ряд проблем:
- локализованность научно-популярных мероприятий и музеев в больших городах и недостаточное их количество на периферии. Не секрет, что в столицах и больших городах финансирование социальных проектов гораздо лучше, чем в провинции. Это сказывается и на уровне образования и эрудиции населения и диктует спрос. Таким

образом возникает ситуация, при которой продвигать в небольших городах научно-популярные проекты становится очень сложно;

- сложность научного материала для конвертации его в более простые формы. Популяризаторы науки имеют дело со сложными научными теориями, специальной научной терминологией. Ориентируясь на широкую аудиторию, далеко не всегда можно упростить материал без частичной потери его смысла;

- распространение научных мифов. Под научным мифом понимается, обычно, широко распространённое заблуждение, преподносимое, как научный факт или открытие. Происходит это по ряду причин. Во-первых, в процессе адаптации и упрощения сложного материала происходит искажение фактов и причинно-следственных связей. Во-вторых, за такую работу берутся не специалисты, излагающие суть научных теорий и открытий с, подчас, грубейшими ошибками. В третьих, используются некорректные сравнения и аналогии, которые потом входят в обиход, заменяя собой объективную научную информацию;

- отсутствие системы в популяризации науки. К сожалению, нет единой государственной программы, которая регулировала бы эту сферу. Мероприятия, направленные на распространение научных знаний дискретны и сосредоточены в больших городах. Нет единого государственного финансирования популяризации науки. В СССР научно-популярные книги издавались за государственный счёт тиражами по 50000 экземпляров. Сейчас объём тиражей упал на порядок и финансируется, в основном, авторами или частными фондами;

- отсутствие критериев оценки адекватности научно-популярного материала. В идеале все научно-популярные материалы должны рецензироваться учёными, так же как и научные статьи. Однако, научно-популярная форма изложения гораздо свободнее научной, и здесь единого подхода нет;

- отсутствие популяризационного подхода в системе высшего образования. Данная проблема заключается в том, что в образовательных программах ВУЗов само понятие популяризации науки полностью отсутствует. Студенты и аспиранты зачастую не умеют просто и доходчиво рассказывать о своей научной работе;

- негативное отношение к популяризации со стороны самих учёных. Среди самих учёных, к сожалению, распространено мнение, что популяризацией науки занимаются те, кто в научной работе достичь ничего не смог. Это в корне неверное представление, поскольку среди великих популяризаторов немало серьёзных учёных;

- профанации и спекуляции на научных знаниях. Профанации и искажения случаются, зачастую, из-за недостаточной подготовки журналистов СМИ, освещающих данную область. Спекуляции используются для создания в обществе нездоровых сенсаций. Так, преувеличение опасности некоторых заболеваний направлено на увеличение продаж лекарственных препаратов.

В сложившейся ситуации возникает вопрос: Что можно сделать для решения имеющихся проблем и развития популяризации науки в нашей стране?

Безусловно, нужна единая государственная программа популяризации науки с постоянным финансированием. Кроме того:

- организация научно-популярных лекториев на базе ВУЗов с привлечением к этой деятельности студентов и аспирантов;

- проведение Science Slams с приглашением школьников и студентов в качестве зрителей;

- создание на базе ВУЗов, помимо научных альманахов, научно-популярных изданий, ориентированных на круг читателей, принадлежащих к другим специализациям;

- использование различных форм популяризации науки: научных фестивалей и лекториев, организация научных музеев, развитие социальной рекламы научной деятельности.

Таким образом, следует отметить, что российская наука и её популяризация имеют богатую историю, и перспективы развития у популяризации науки в России, безусловно, есть. А большинство проблем и трудностей в этой сфере преодолимы.

Литература

1. Н. В. Сухенко. Специфика популяризации науки в России [Электронный ресурс] Всероссийский фестиваль «Наука 0+// Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/spetsifika-populyarizatsii-nauki-v-rossii>
2. А. В. Милодан. Популяризаторы науки в современной научной фантастике // Журнал «Фанданго» № 10, 2010», 2010 г.

УДК: 379.831+ 908

Моделизм как метод патриотического воспитания

Modelism as a method of patriotic education

Скоробогатов С. Б., аспирант исторического факультета Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
Skorobogatov S. B., graduate student of the Department of History Tavrida Academy V. I. Vernadsky Crimean Federal University

А н н о т а ц и я. В статье показана необходимость поиска новых форм воспитательной парадигмы. Патриотическое воспитание необходимо развивать не только громкими лозунгами, но и практическим наполнением. Освещен опыт деятельности передвижной экспозиции «История мировой военной авиации» в масштабе 1:72.

Abstract. The article shows the need search for new forms the educational paradigm. Patriotic education should be developed not only with loud slogans, but also practical filling. The experience of the mobile exhibition «History of World Military Aviation» in scale 1:72.

К л ю ч е в ы е с л о в а: идеология воспитания, патриотическое воспитание, история Симферополя, стендовый моделизм.

Key words: ideology of upbringing, patriotic education, history of Simferopol, scale modeling.

Одним из ключевых аспектов современной системы образования Российской Федерации является патриотическое воспитание молодого поколения. В самом широком смысле подлинными гражданами Отечества, людьми со стойкими убеждениями смогут стать учащиеся, в системе воспитания которых присутствует идеологическая составляющая. Необходимо особо подчеркнуть, что главной задачей всей воспитательной работы является формирование культуры каждого человека.

Это подтверждается и в Программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016-2020 гг.», где в качестве основной цели указана необходимость обеспечения необходимых условий для повышения гражданской ответственности за судьбу страны, вовлечение граждан в процесс защиты, сбережения и укрепления могущества Российской Федерации, обеспечение преемственности поколений россиян, укрепление чувства сопричастности граждан к истории и культуре России.

Одним из методов патриотического воспитания является исследование жизни личностей, прославивших регион, важных деятелей социальных сфер, которые могут служить примером для подражания у молодого поколения и объектом гордости соотечественников. Одним из инструментов, с помощью которого можно достичь поставленных целей воспитания, является приобщение к истории через занятие моделизмом.

Модель (фр. *modele* — образец, прообраз) — это система элементов, воспроизводящая определенные стороны, связи, функции предмета исследования (оригинала). Простейшими примерами моделей могут служить выполняемые из гипса, картона, пластмасс и других материалов макеты, которые можно встретить в музеях, учебных заведениях и т.п. Моделирование — это метод научного исследования, заключающийся в построении и изучении модели исследуемого объекта [1]. Моделизм — это конструирование, постройка и испытание моделей машин, механизмов и сооружений (чаще самолетов и судов) [2, с. 385].

Б. А. Киселев, В. М. Субботин под моделизмом понимают вид хобби, изготовление уменьшенных моделей и макетов различной техники и архитектурных сооружений. В свою очередь, моделизм делится на два основных направления:

— постройка действующих моделей;

— стендовый моделизм, т.е. создание статичных объектов для демонстрации зрителям, максимально точно воспроизводящих внешний вид прототипа [3, с. 84].

Таким образом, в самом широком понимании, моделизм — это конструирование и создание отдельными людьми, сообществами и клубами, промышленными производителями действующих или стендовых моделей различной техники — летательных аппаратов, автомобилей, бронетехники, кораблей и других технических средств передвижений, а также миниатюрных человеческих фигур в определенном масштабе. Моделизм может проявляться как в форме индивидуального хобби, так и на занятиях в клубах, кружках, а также в форме общения на выставках, форумах и спортивно-технических соревнованиях. Следовательно, под моделизмом можно понимать процесс созидания, способствующий не только познанию истории, но и развитию личностных качеств человека, таких как целеустремленность, любознательность, усидчивость и другие.

Использование моделизма как метода патриотического воспитания можно продемонстрировать на примере опыта деятельности передвижной экспозиции «История мировой военной авиации» в масштабе 1:72, что и является целью данной статьи.

Передвижная экспозиция «История мировой военной авиации» начала свою деятельность с 2001 г. в г. Симферополь. В 2016 году экспозиция была занесена в Книгу рекордов России как самая большая передвижная экспозиция стендовых моделей [4]. В данной экспозиции насчитывается более пятисот экспонатов, охватывающих период с 1903 по 2018 годы. На ней представлены летательные аппараты с опознавательными знаками более чем из шестидесяти стран мира.

На примере этой коллекции можно познакомить посетителей как с техническим развитием авиационной техники, так и с судьбами людей, связанных с авиацией. Это и выдающиеся гражданские и военные пилоты, летчики-испытатели, и авиаконструкторы, а также технические специалисты. Это особенно важно потому, что Крым занимает важное место в истории авиации России.

Многолетний опыт общения авторов и организаторов передвижной экспозиции с учащимися учебных заведений Крыма, России и Украины показал, как мало знает современная молодежь своих героев. Только с городом Симферополь можно связать имена более десяти выдающихся личностей, связанных с авиацией. Среди них [5; 6]:

— Амет-Хан Султан, дважды Герой Советского Союза, заслуженный летчик-испытатель; выпускник Симферопольского аэроклуба. В его честь названа одна из площадей города Симферополя;

— Вильямсон Александр Александрович, Герой Советского Союза, командир эскадрильи 104-го гвардейского истребительного авиационного полка, гвардии капитан. В его честь названа одна из улиц города Симферополя;

— Грузевич Бронислав Иванович, Герой Советского Союза, летчик-испытатель Государственного научно-испытательного института ВВС;

— Ерошенко Виктор Иванович, Герой Советского Союза, военный летчик;

— Зацепя Николай Иванович, Герой Советского Союза. Работал руководителем Симферопольского аэропорта, командир Особого Черноморского авиаотряда Гражданского Воздушного Флота;

— Котов Олег Валериевич, Герой Российской Федерации, летчик-космонавт Российской Федерации, трижды побывавший в космосе;

— Луцкий Владимир Александрович, Герой Советского Союза, летчик-истребитель. — Мальченко Михаил Павлович, Герой Советского Союза; летчик-штурмовик, работал в аэропорту Симферополя. В честь него названа одна из улиц Симферополя;

— Трубаченко Василий Петрович, Герой Советского Союза, командир эскадрильи истребительного авиационного полка. В его честь названа одна из улиц Симферополя.

Модели самолетов, прототипы которых связаны с упомянутыми выше симферопольцами, представлены в передвижной экспозиции.

Организаторы выставки в процессе работы над моделями самолетов детально изучают музейные и архивные фонды, общаются с поисковым движением России, военными специалистами, историками, ветеранскими и патриотическими организациями.

Во время проведения выставок организаторы охотно делятся информацией о судьбе летчиков и историей создания и эксплуатации летательных аппаратов. Это является одной из целей выставки — заинтересовать историей отечества, познакомить с именами героев. Поэтому выставки сопровождаются лекциями, видео материалами, конференциями. После каждой встречи с учащимися множится количество желающих заниматься моделизмом. Создание стендовой модели — это не только творческий процесс, связанный с конструированием, росписью и скульптурой, но он и напрямую влияет на знание истории. Невозможно создать достойную масштабную модель без знания прототипа и исторического контекста, в котором он появился или использовался. Каждый раз, создавая новую модель, человек погружается в новую историческую эпоху, познает новые тонкости и аспекты. В подобном случае история оживает.

Таким образом, моделизм можно считать одним из методов идеологического воспитания, а идеологией современного воспитания выступает патриотизм. Только говорить о патриотическом воспитании — недостаточно, необходимо демонстрировать молодому поколению образы и примеры для подражания. Сформированное политическое сознание укрепляет нравственную позицию молодого поколения, помогает аргументированно отстаивать свои взгляды, добиваться поставленных целей и проявлять общественно-политическую активность во всех сферах деятельности. Выставка коллекции «История мировой военной авиации» как раз и является малым, но важным элементом идеологического воспитания.

Литература

1. Толковый словарь русского языка / С. Ожегов, Н. Шведова. — ИНФОРТЕХ. — 2009. — 944 с.
2. Малый академический словарь. — М.: Институт русского языка Академии наук СССР / А.П. Евгеньева. — 1985. — 562 с.
3. Киселев Б.А. Модели воздушного боя. — М.: Изд-во ДОСААФ СССР. — 1981. — 120 с.
4. Самая большая передвижная экспозиция стендовых моделей «История мировой военной авиации» в масштабе 1:72 // Книга рекордов России. [Электронный ресурс]. — URL: <http://knigarekordovrossii.ru/index.php/rekordy/kategorii/kollektsii/1577-samaya-bolshaya-peredvizhnaya-ekspozitsiya-stendovyykh-modelej-istoriya-mirovoj-voennoj-aviatsii-v-masshtabe-1-72.html>
5. Звезды немеркнущей славы: Очерки о крымчанах — Героях Советского Союза / [Автор-сост. Третьяков Ф.А.]. — 3-е перераб. и доп. изд. — Симферополь: Таврия. — 1984. — 304 с.
6. Герои боев за Крым / [Автор-сост. Казарян А.А.]. — Симферополь: Таврия. — 1972. — 287 с.

VI ГОРИЗОНТЫ ВИРТУАЛИЗАЦИИ

УДК 172:342.727

Проблемы анонимности и открытости в сети Интернет

Problems of anonymity and openness in the Internet

Наухацкий И. А., аспирант, заведующий лабораторией кафедры теоретической физики и физики твердого тела Физико-технического института Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского

Сафонова Н. В., кандидат философских наук, доцент кафедры философии естественнонаучного профиля Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского

Nauhatsky I. A., post-graduate student, the head of the laboratory of the department of theoretical physics and solid-state physics of the Physical-Technical Institute of V. I. Vernadsky Crimean Federal University

Safonova N. V., Candidate of Philosophical Sciences, Docent, Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadskiy University, Associate Professor of the Department Philosophies of a Natural-science Profile

Аннотация. Авторы, выделяя положительные и отрицательные особенности анонимности в сети интернет, приходят к выводу, что анонимность не выступает обеспечением свободы слова, а ведет к произволу. В этой сфере необходима срочная разработка законодательной базы.

Abstract. The authors, highlighting the positive and negative features of anonymity in the Internet, come to the conclusion that anonymity does not provide freedom of speech, but leads to arbitrariness. In this area, an urgent development of the legislative base is needed.

Ключевые слова: интернет, анонимность, преступления, свобода, произвол, законодательная база.

Key words: internet, anonymity, criminal, freedom, arbitrariness, the legislative framework.

19 апреля 2018 года в России по решению суда была заблокирована работа широко распространенной чатовой службы Telegram. Суд следовал просьбе Роскомнадзора, который требовал доступа к зашифрованным чатам. Основанием послужило подозрение властей в том, что при использовании возможности этой службы, террористы могут скрытно общаться при планировании атак, наркоторговцы продавать наркотики, а финансовые преступники — «отмывать деньги». Реакция разработчика мессенджера, Павла Дурова, была сдержанной. Он заявил, что значительного урона мессенджер не получил, а действия по блокировке являются нарушением прав пользователей, и анонсировал акции сопротивления в защиту цифровых свобод и прогресса [1].

Этот случай заставляет поднять вопрос о перерождении интернета и «работающих» в нем программ из просто нейтрального посредника между передатчиком и приемником, автором и читателем в явление социальное, диктующее свои собственные законы, переплетенные с философией, этикой анонимности и открытости.

Интернет отменяет временные и пространственные ограничения, ведь связь предоставляется круглосуточно. Эти качества интернета позволяют передавать и принимать контент, совершенно не замечая политически выраженные границы.

Как правило, человек выступает под псевдонимом в контакте с другими, что добавляет чувство анонимности, позволяя быстрее налаживать связи.

Что обеспечивает анонимность? Рассмотрим ситуацию «за и против».

По мнению авторов, именно анонимность создает благоприятные условия для *противоправных действий*, и к перечню, инкриминируемого пользователям Telegram, можно добавить следующее.

Хотя интернет в его нынешнем виде был разработан еще в 1989 году в CERN в Женеве, впервые только в 1998 году было обращено внимание Федеральной администрации Швейцарии к проблеме анонимности в Интернете. Это произошло после появления контента с ярко выраженной расистской направленностью. Министерству юстиции и полиции поступил запрос о проверке ответственности интернет-провайдера за содержание трафика. Расследование показало, что правовое положение неясно, законодательная база не разработана, необходимы законодотворческие действия. Сейчас наказанием за указанные выше действия на территории Швейцарии может быть уголовная ответственность [2]. Спустя 20 лет после первого запроса в правоохранительные органы по вопросу анонимных расистских высказываний, поводов для подобных обращений стало значительно больше. К примеру, преступники не считаются с исключительной ценностью жизни детей и подростков, их психическим и физическим здоровьем. Выбрав жертву, злоумышленник добирается ее не по возрасту сложными вопросами и идеями, чем вовлекает в различные запрещенные интернет-сообщества, а иногда и в так называемые «группы смерти». Другим отвратительным явлением, распространенным в сети интернет, является кибер-буллинг или кибер-травля, троллинг, сводящаяся к рассылке сообщений, фото или видеоматериалов оскорбительного или непристойного характера, отправка угроз, распространение клеветы.

Положительные стороны анонимности отражены в системе ценностей, сформированной вокруг построения строго ограниченной личной информационной среды — объединенных персональных устройств, доступ к которым строго регламентируется владельцем и содержание которых не подвержено цензуре. Возникновение такого пространства, называемого *pan-internet*, (*personal area network* — персональная сеть, построенная «вокруг» человека), стало возможным после десятилетий перекрестного взаимодействия с различными сетевыми сообществами. Анонимность, наряду с другими, ранее недоступными возможностями социального взаимодействия, является одним из ключевых элементов социального взаимодействия. В рамках масштабных сетевых сообществ персоналии способны, в том числе, противостоять диктату государственной власти, что, несомненно, ассоциируется с поддержанием свободного общества [3]. Анонимность рассматривается как абсолютная необходимость, допускающая дискуссию в условиях, когда вклад человека оценивается исключительно по его достоинству и не определяется предвзятостью других участников в отношении пола, формального образования, этнической принадлежности, дохода, возраста или культуры, происхождения этого лица. Анонимность предоставляет лицам, которые, в противном случае, были бы исключены из диалога из-за предвзятости или предрассудков, возможность иметь право голоса и равное право в политических или философских дебатах. Она также предлагает защиту от критикуемых организаций, будь то корпоративные, политические или религиозные сообщества. Например, ключевой частью успеха интернет-сообщества Anonymus в борьбе с Церковью Саентологии, которая пыталась убрать из Интернета интервью с Томом Крузом, была неспособность Церкви отомстить конкретным лицам. Здравый смысл присутствует и в использовании троллинга, с поддержкой анонимности, при раскрытии лицемерия или экстремистских наклонностей, когда оппонент недостаточно умен, чтобы различать дразнящий или вульгарный язык и бурно реагирует, показывая свое истинное

лицо. Такой, «точечный», троллинг не имеет ничего общего с тем вредоносным, несущим катастрофические последствия троллингом, который был описан выше.

При этом, механизмы взаимодействия pan-internet в рамках глобальных сетевых сообществ стали включать и условные ограничения. Примером служит использование интернет-сообществом возможности аннулирования анонимности и опубликования личных документов реального лица, т. н. «doxxing» (от «dox», «documents», «drop documents» — «документы», «бросить документ») [4]. Этическая сторона доксинга, как не-санкционированного сбора информации, справедливо считается сомнительной, но такая крайняя мера является самым сильным оружием против тех, кто совершает несправедливые, жестокие, безнравственные поступки — издевательства, умерщвление животных, распространение детской порнографии, идей расизма и т. п. [5]. Опыт показал, что неотвратимость «виртуального» наказания с последующим неминуемым уголовным преследованием действует очень эффективно.

Таким образом, философия современного pan-internet базируется на анонимности, позиционирующей себя как право человека на свободу слова.

Выясним, так ли это. Пожалуй, универсального определения свободы нет, так как это понятие многогранно, и охватить все его аспекты одной емкой фразой невозможно. Те стороны проявления свободы, которые учитываются авторами, вполне обеспечены следующим определением: «Свобода — это способность человека поступать в соответствии со своими желаниями, интересами и целями на основе знания объективной действительности» [6]. В нем выделяется два аспекта: адекватное понимание действительности и поступок. Можно согласиться с автором учебного пособия «Философия. История и теория» Мысливченко А. Г., что свобода выражается в поступке, одного осознания действительности недостаточно [7, с. 588—589].

И то, и другое, по мнению авторов, при условии требования анонимности очень сомнительно. Если человек, совершая поступок, понимает, что наказания не последует, то это — не свобода, а произвол, (то есть свобода для самого себя, когда ущемляются права другого). Высшая степень проявления свободы (осознанной необходимости) проявляется тогда, когда, совершая свободный поступок, человек готов пострадать (на него будут наложены санкции). А анонимность и есть условие, при котором можно уйти от ответственности. Не случайно в СССР анонимные жалобы презрительно называли анонимкой.

В вопросе осознания объективной действительности в сети интернет также не все в порядке. Активные пользователи сети интернет, как правило, обладают виртуальным мышлением. Одной из характерных его черт является ущербность критического оценочного мышления. Виртуальное мышление формируется в результате обилия информации: человек усваивает услышанное и увиденное вместе с уже сформированным кем-то мнением — он не успевает самостоятельно осознать информацию.

Таким образом, анонимность не обеспечивает свободу, а является лишь предпосылкой для проявления свободы слова. Случайно прибежавшая шавка, облаивающая прохожих, обладает такой же «свободой слова». Эта не та свобода, которой должен обладать человек.

Вывод. Выход из ситуации авторам видится в следующем. Нужно отказаться от иллюзий: в анонимности в сети интернет нет свободы. Чтобы не пожирать горькие плоды попустительства, уже сейчас необходима внимательная, скрупулезная работа по обеспечению законодательства в интернет сети. Свобода слова обеспечена законодательной базой во всех демократических государствах. На тех же моральных и этических принципах должна быть обеспечена законодательная база правил коммуникации в сети интернет. Очевидно, она будет иметь свои специфические черты, так как речь идет о виртуальном мире, но представления о свободе, этике и морали не должны подменяться фантомами.

Литература

1. Рыбачёк Е. Цифровое Сопротивление: [Электронный ресурс]. 17.04.2018. URL: <https://techfusion.ru/pavel-durov-sozdaet-tsifrovoe-soprotivlenie/>
2. Schweizerisches Strafgesetzbuch vom 21. (Stand am 1. März 2018). — S.79, 105, 108.
3. Саенко Л.А., Егоров М.В. Интернет-пространство как фактор формирования сетевого сообщества // Историческая и социально-образовательная мысль. — Том 7 №1. — 2015. — с.159—162.
4. Peter Snyder [et al.]. — Fifteen Minutes of Unwanted Fame: Detecting and Characterizing Doxing. — 2017. — ACM, New York, NY, USA, p. 2.
5. Julia M. MacAllister, The Doxing Dilemma: Seeking a Remedy for the Malicious Publication of Personal Information, 85 Fordham L. Rev.2451. — 2017. — p. 2453-2460.
6. Социологический энциклопедический словарь: На русском, английском, немецком, французском и чешском языках /Ред. Г. В. Осипов: ИНФРА-М-НОРМА, 1998. — 480 с.
7. Философия. История и теория: Учебное пособие для вузов / Под общ. ред. А. А. Гусейнова и Ю. Н. Солодухин. — М.: Мир философии, 2016. — 799 с.

УДК 1:82.09

Виртуализация социума как основополагающий принцип киберпанкового романа

Virtualization of the socium as the fundamental principle of the cyberpunk novel

Пахомова Ю. Е., аспирант 1-го года обучения, кафедра русской и зарубежной литературы Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
Pakhomova Y. Y., post-graduate student of the first year of study, Department of Russian and Foreign Literature, Taurida Academy, Crimean Federal V. I. Vernadsky University

Аннотация. Статья посвящена исследованию основополагающего принципа киберпанковой прозы на материале романа В. Панова «Московский клуб».

Abstract. The article is devoted to the study of the fundamental principle of cyberpunk prose on the material of V. Panov's novel «The Moscow Club».

Ключевые слова: виртуализация, виртуализация социума, виртуальная реальность, киберпанк, киберпанковый роман, научная фантастика, русский киберпанк, русский киберпанковый роман, Панов.

Key words: virtualization, virtualization of society, virtual reality, cyberpunk, cyberpunk novel, science fiction, Russian cyberpunk, Russian cyberpunk novel, Panov.

Стремление к нахождению понимания процессов, которые трансформируют общественную реальность, является одной из наиболее актуальных тем не только в литературных произведениях, но и в философии. В контексте современности отмечается возникновение и развитие особенного типа общественной реальности, названного «виртуальной реальностью». Обратимся к истории вопроса.

Считается, что термин «виртуальная реальность» возник в конце 1970-х гг. в США (в Массачусетском технологическом институте), который был введен для обозначения трехмерных макромоделей, имитирующих реальность и создаваемых компьютерной техникой. Эти модели позволяли имитировать эффект полного присутствия человека [9].

Сотрудник Центра фундаментальной социологии Н. А. Харламов под виртуализацией понимает «заметный на всех уровнях социального мира комплекс процессов, основой которых является создание поверх или вместо материальной реальности другой, идеально-фантазийной, имагинативной реальности» [3].

Следует отметить, что понимаемая нами виртуальная реальность образуется в результате замещения реальных объектов социума их образами, или симуляциями, с помощью поддержки информационно-технических средств. Поэтому виртуализация, как неотъемлемая часть современного социального пространства, является одним из основных понятий, формирующих новый принцип мировоззрения в результате преобразования мира человека. Эта проблема социально-философского знания находит свое отражение и в литературе, становясь основополагающим принципом киберпанкового романа. Виртуализация в нем включает в себя сложные трансформации, происходящие в обществе, связывается с информационно-технологическим прогрессом, объясняя радикальные перемены во всех сферах социального бытия. При этом виртуальная реальность формирует специфическую субкультуру интерактивного киберпространства в качестве аналога реального социума. По мнению кандидата философских наук Лугининой А. Г., обесличенная виртуальная реальность покрывает всю планету как плотная сеть коллективной инфраструктуры, обеспечивая индивиду свободу передвижения «не выходя из дома» [1]. Отражением этого явления может послужить литература киберпанка, которая размывает границу между действительностью и виртуальной реальностью. К примеру, в подобных романах описывается прямое подключение человеческого мозга к компьютерным системам, изображая мир как темное, зловещее место, в котором правительство подчиняется гигантским, транснациональным корпорациям [5].

Непосредственно термин «киберпанк» возникает в начале 1980-х годов и хронологически соответствует технологиям недалекого будущего. Формула жизни в киберпанковом романе может звучать как фраза американского критика Гарднера Доза: «High tech. Low life» («Высокие технологии, низкий уровень жизни») [7]. «Панковская» частица в данном случае означает не только бедность, но и выявляет следующие недостатки социума: незащищенность, бесправие, бесперспективность.

Одним из первых писателей, писавших в жанре киберпанкового романа, стал Брюс Стерлинг, который выдвинул принцип виртуализации социума в литературе на первый план. Следующая цитата из его эссе «Киберпанк в девяностых» очень точно показывает причины возникновения этого явления:

«...Почти все, что мы делаем с крысами, можно проделать и с человеком. А с крысами мы можем сделать многое. Об этом нелегко думать, но это правда. Она не исчезнет, если мы закроем глаза. Это и есть киберпанк» [11].

Таким образом, Б. Стерлинг считает причиной появления киберпанкового романа отсутствие духовности у большинства людей, он считает, что люди забывают о гуманности, стремясь к технологиям, которые могут принести не только прогресс, но и гибель [12].

Такие монографии как «Виртуальные географии: киберпанк как пересечение постмодернистской литературы и научной фантастики» С. Хойзера и «Киберпанк и киберкультура» Д. Кавалоро [8, 10] также выявляют современные проблемы общества, вызванные крахами корпораций, правительственной коррупцией, развитием механизмов для слежки и всеобщим отчуждением.

В своей статье «10 и 1 файл про киберпанк» Б. Невский приводит отличительные черты киберпанкового романа [6], и значительное место среди них занимают два пункта:

1. Виртуальная реальность, или киберпространство, является той средой обитания, в которой главной ценностью является информация и, соответственно, развита киберпреступность. Основные причины и цели данного явления сформулированы В. Голубевым в статье «Киберпреступность — угрозы и прогнозы». Приведем следующую цитату автора: «Основной целью киберпреступника является компьютерная система, которая управляет разнообразными процессами, та информация, что циркулирует в них. В от-

личие от обычного преступника, что действует в реальном мире, киберпреступник не использует традиционное оружие — нож и пистолет. Его арсенал — информационное оружие, все инструменты, которые используются для проникновения в сети, взлома и модификации программного обеспечения, несанкционированного получения информации или блокировки работы компьютерных систем» [4].

2. Искусственный интеллект, представленный в виде роботов, биороботов, киборогов, андроидов. Зачастую они превосходят человека почти во всем и стремятся его поработить или уничтожить как вид. «Активное использование нанитов и геной инженерии, применение биоимплантов, тотальная киборгизация сделали людей практически симбионтами компьютеров» [6]. Например, в киберпанковом романе В. Панова «Московский клуб» повсеместно распространены биоимпланты, в которых хранится вся информация о человеке. Одним из них является чип беспроводного присоединения к информационной сети под сленговым названием «балалайка», данным ему из-за треугольной формы. Чип подключался через вживленный в голову разъем. В романе даже описывается эволюция данного устройства — «первые балалайки управлялись голосом, а роль экрана выполняли специальные очки, подключаемые с помощью психопривода» [2]. Эта разработка во многом схожа с ныне уже существующими технологиями — «очками виртуальной реальности», с помощью которых можно войти в Сеть. Конечный этап развития устройства заключался в том, что во время повествования экран наносился непосредственно на глаза, а помимо голосового управления было предусмотрено вживление активных элементов в подушечки пальцев.

Автор, подчеркивая пугающее сходство литературного сюжета с внедрением виртуальных технологий в реальную жизнь современного общества, сообщает о том, что реклама постоянно «рассказывала об удобстве прямого выхода в сеть, о преимуществах в работе и играх». Миллионы людей добровольно жертвовали свободой и «личной тайной» ради массы удобств и преимуществ, навязанных им властями, делая прогрессивную технологию одновременно и символом рабства, и символом победы.

Таким образом, описание такой составляющей виртуализации, как нейрочип, показывает, что развитие технологий необходимо не только для облегчения и упрощения жизни граждан, но и для того, чтобы контролировать людей различными корпорациями, приобретая власть над людьми, их мыслями и воспоминаниями, лишая внутреннего мира, и, в конечном итоге, нивелируя сам смысл человеческого существования.

Подводя итог, следует отметить, что виртуальное пространство уже существенно изменило облик современного общества как глобальной системы, что находит отражение в современной литературе. Киберпанковые романы, в которых на первое место выходит принцип виртуализации, позволяют создать образы виртуальной среды и всех субъектов взаимодействия сюжета, перенося информационное взаимодействие в виртуальное пространство. И читатель может прийти к выводу, что в условиях социума, относящегося к эпохе глобализации, роль информационных ресурсов становится главной, превращаясь уже в технологический ресурс.

Литература

1. Лугинина, А. Г. Виртуализация общества как проблема современной социальной философии / А. Г. Лугинина. — Краснодар: КГАУ, 2007. — 138 с.
2. Панов, В. Московский клуб / В. Панов. — М.: Эксмо, 2007. — 480 с.
3. Харламов, Н. А. Миры и агенты виртуализации общества / Н. А. Харламов. — М.: ГУ-ВШЭ, Философские науки. — 2007. — № 4. — С. 149-150.
4. Голубев, В. Киберпреступность — угрозы и прогнозы [Электронный ресурс] // Центр исследования компьютерной преступности. 2007. Режим доступа: http://www.crime-research.ru/articles/golubev_071/ (дата обращения 20.04.2018)

5. Матчасть по жанрам: киберпанк [Электронный ресурс] // литкреатив. 2015. Режим доступа: <http://litkreativ.ru/matpart.php?genre=cyberpunk> (дата обращения 04.04.2018)
6. Невский, Б. Директория сознательной свободы: 10 и 1 файл про киберпанк [Электронный ресурс] // Гуманитарус. 2011. Режим доступа: <http://humanitarius.com/static/cyberpunk-01.html> (дата обращения 09.03.2018)
7. Рыльщикова, Л. М. Типология жанров современного научно-фантастического дискурса [Электронный ресурс] // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. — Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-zhanrov-sovremennogo-nauchno-fantasticheskogo-diskursa> (дата обращения 02.04.2018)
8. Cavallaro, D. Cyberpunk and Cyberculture: Science Fiction and the Work of William Gibson / D. Cavallaro. — Oxford: Oxford University Press, 2000. — 113 p.
9. Hammet, F. Virtual reality / F. Hammet. — New York: Straus Ed, 1993. — 208 p.
10. Heuser, S. Virtual Geographies: Cyberpunk at the Intersection of the Postmodern and Science Fiction / S. Heuser. — Amsterdam: Rodopi Print, 2003. — 303 p.
11. Sterling, B. The Hacker Crackdown, Law and Disorder on the Electronic Frontier / B. Sterling. — New York: Bantam Books, 1992. — 328 p.
12. Sterling, B. Schismatrix [Электронный ресурс] // Penguin Books. 1985. — Режим доступа: <https://www.worldswithoutend.com/novel.asp?ID=209> (дата обращения 29.04.2018).

УДК 34.05

Право на забвение в зарубежных государствах и России: правовая природа и тенденции развития

The right to be forgotten in the foreign states and in the Russia: legal nature and trends

Струнский А. Д., аспирант кафедры истории и теории государства и права Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского

Strunskiy A., postgraduate student of the Department of History and Theory of State and Law Taurida Academy of the Crimean Federal V. I. Vernadsky University

Аннотация. Статья посвящена обзору основных тенденций в развитии права на забвение, выявлению существенных характеристик этого права.

Abstract. The article is sanctified to a brief survey of the main trends in the development of the right to be forgotten and to the identification of the essential characteristics of this right.

Ключевые слова: право на забвение, право на информацию, конкуренция права.

Key words: right to be forgotten, right to information, competition of human rights.

Развитие цифровых технологий и интернета значительно упростило процесс обмена и распространения информации. На фоне этого обострились противоречия между фундаментальными гражданскими правами человека: правом на неприкосновенность частной жизни, с одной стороны, и правом на свободу информации, с другой стороны. Принятие новых законодательных актов или судебных решений в этой сфере вызывает большой ре-

зонанс в обществе и ставит много вопросов относительно дальнейшего развития прав человека не только в отдельных государствах, но и на уровне мирового сообщества в целом.

В разных государствах мира право на забвение имеет свои особенности. В дальнейшем изложении статьи будет приведено несколько подобных отличий на примере права Европейского союза (далее — ЕС) и России, а сейчас в качестве отправной точки попытаемся в общих чертах сформулировать определение права на забвение.

В общем смысле право на забвение можно определить как право лица при определенных условиях требовать от поисковой системы удаления информации относительно его личности, а точнее ссылок на ресурсы в сети «Интернет» с такой информацией.

Возникновение права на забвение связывают с известным делом Google Spain SL и Google Inc. против Испанского агентства по защите данных (далее — AEPD) и М. К. Гонсалеса Первоначально причиной данного дела стало то, что Гонсалес М. К. в 2010 г. подал жалобу в AEPD на газету «La Vanguardia» и компании Google Spain SL и Google Inc. Основанием для жалобы послужило то, что при запросе в поисковой системе Google (далее — поиск Google) информации о Гонсалесе М. К. отображались ссылки ведущие на две страницы газеты «La Vanguardia». В газете было извещение об аукционе недвижимости, связанным с взысканием долгов с Гонсалеса М. К. [1, С. 127].

Гонсалес М. К. потребовал удаления подобной информации из газеты и из поиска Google. Первое требование было отклонено AEPD, т. к. информация в газете была размещена на законных основаниях. А вот спор об удалении ссылок из поисковой выдачи в итоге дошел до Европейского суда справедливости (далее — ЕСС), который является высшей судебной инстанцией ЕС.

В своем постановлении по делу № С-131/12 CJEU ЕСС, основываясь на Директиве 97/66/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза (далее — Директиве 97/66/ЕС) и ст. 8 Хартии Европейского союза по правам человека (далее — Хартия), суд пришел к выводу о необходимости Google Spain SL и Google Inc. скрыть из поисковой выдачи ссылки на страницы газеты [1, С. 124-139]. Суд исходил из того, что Google Spain SL и Google Inc. являются контролерами персональных данных и должны при обработке персональных данных учитывать «права и свободы физических лиц, и, в частности, их право на неприкосновенность частной жизни применительно к обработке персональных данных», а также право субъекта данных требовать от контролера «по мере необходимости — уточнение, стирание или блокировку данных, не соответствующих положениям Директивы 97/66/ЕС» [2].

Важным моментом в решении Суда является то, что суд при принятии решения исходил не только из формально-логического истолкования положений Директиве 97/66/ЕС и Хартии, а также использовал метод взвешивания ценностей. В своем решении суд указал, что в данном случае экономический интерес компании и общественный интерес (право на свободу информации) имеет меньшее значение, чем интерес и основополагающие права субъекта обработки данных. При этом суд сделал оговорку о том, что «этот баланс может зависеть в определенных случаях от характера рассматриваемой информации и ее значения для частной жизни лица и от заинтересованности публики в получении информации, которая может варьироваться, в частности, в зависимости от роли, которую субъект данных играет в общественной жизни» [1, С. 136].

Сформулированная оговорка оставляет возможность другим судам государств-членов ЕС при разрешении подобных споров самостоятельно определять важность той или иной информации, с учетом как положения субъекта персональных данных, так и важности этой информации для общества. Подобным же образом суды ЕС, руководствуясь судебным прецедентом Европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ) от 24.06.2004 по делу Фон Ганновер (Принцесса Ганноверская) против Германии, разрешают вопрос о допустимости публикации в Средствах массовой информации (далее — СМИ) информации, касающейся частной жизни лица [3]. Однако в данном случае речь

идет уже не о поисковой выдаче, а о допустимости публикации той или иной информации относительно частной жизни лица в СМИ и дальнейшего ее изъятия.

Таким образом, в праве ЕС сформировалась устойчивая практика разрешения коллизий между основополагающими правами человека путем взвешивания ценностей в каждом конкретном случае, с учетом выработанных ЕСС и ЕСПЧ критериев. При этом право на забвение, с одной стороны, является лишь логическим толкованием норм ЕС в сфере персональных данных, а с другой стороны, может стать еще одним правом человека, которое впоследствии будет закреплено на международно-правовом уровне.

Однако перспективы закрепления права на забвение на уровне международного права на данный момент не столь ясны, дело в том, что различные государства различным образом подходят к соотношению права на неприкосновенность частной жизни и свободы информации. Например, в США, как правило, право на неприкосновенность частной жизни имеет меньшее значение, чем свобода слова и СМИ [4].

Решение ЕСС по делу № С-131/12 CJEU также имело влияние и на российское законодательство. С 1 января 2016 г. в России вступили в силу изменения в Федеральный закон №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее ФЗ «Об информации»). Введенная в действие ст. 10.3 ФЗ «Об информации» предусматривает право физического лица обратиться с заявлением к оператору поисковой системы, распространяющему в сети «Интернет» рекламу, которая направлена на привлечение внимания потребителей, находящихся на территории России, с требованием прекратить выдачу сведений об указателе страницы сайта в сети «Интернет» (ссылка), позволяющих получить доступ к информации о заявителе. При этом такая информация должна: распространяться с нарушением законодательства РФ, быть недостоверной, а также неактуальной, утратившей значение для заявителя в силу последующих событий или действий заявителя [5].

Как мы видим, в отличие от законодательства ЕС, в России право на забвение является самостоятельным правом, а не производным из законодательства о защите персональных данных. Однако законодательная формулировка вызывает ряд вопросов.

Еще на стадии разработки и в процессе принятия закон вызвал достаточно широкий общественный резонанс, многие представители интернет-бизнеса высказались с критикой. Например, представители компании ООО «Яндекс» заметили, что «в ограничениях, которые вводит законопроект, присутствует явный дисбаланс между частными и общественными интересами. Необходимость поиска и получения информации во многих случаях обоснована общественным интересом к деятельности лиц, которые играют важную роль в жизни человека или общества» [6]. С этим можно согласиться, особенно глядя на формулировку «неактуальной, утратившей значение для заявителя в силу последующих событий или действий заявителя», которая, на первый взгляд, постулирует приоритет права на неприкосновенность частной жизни. Конечно, законодатель предусмотрел оговорку об исключении из списка информации, которую можно удалить из поисковой выдачи «информации о событиях, содержащих признаки уголовно наказуемых деяний, сроки привлечения к уголовной ответственности по которым не истекли, и информации о совершении гражданином преступления, по которому не снята или не погашена судимость». Однако для публичного лица имеет значение не только соблюдение законов, но и его моральный облик.

Таким образом, на наш взгляд, в России на уровне федерального законодательства о праве на забвение не достигнут баланс интересов общества и личности. При этом сама формулировка закона является весьма расплывчатой, и толковать ее в отрыве от остального законодательства нельзя. Возможно, высшие судебные инстанции в России в будущем направят судебную практику в сторону достижения баланса между правом на частную жизнь и свободой информации, однако на данный момент такой баланс далек от идеала.

Литература

1. Бюллетень Европейского Суда по правам человека: российское издание. № 2 (152) / Московский клуб юристов. Council of Europe. European Court of human rights. — М.: ООО «Развитие правовых систем», 2015. — 144 с.
2. Директива №95/46/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных» // СПС КонсультантПлюс.
3. Judgment by the European Court of Human Rights (Third Section), case of von Hannover v. Germany, Application no. 59320/00 of 24 June 2004, ECHR 2004-VI.
4. Михайлов С. В. Что такое право на забвение? / С. В. Михайлов // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2017. — Сентябрь. — С. 19—25.
5. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федеральный закон от 27 июля 2007 № 149-ФЗ // «Собрание законодательства РФ». — 2006. — № 31 (ч. 1). — Ст. 3448.
6. Забвение права на поиск // Блог Яндекса: офиц. блог комп.. 2015. 15 июн. URL: <https://yandex.ru/blog/company/96625> (дата обращения: 02.05.2018).

VII ГОРИЗОНТЫ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

УДК 004.8(06). 6Н1

Роль искусственного интеллекта в контексте формирования цифровой экономики**The role of artificial intelligence in the context of the formation of the digital economy**

Буряк В. В., кандидат философских наук,
доцент кафедры философии естественно-научного
профиля Таврической академии Крымского федерального
университета им. В. И. Вернадского
Buryak V. V., Candidate of Philosophy, Associate Professor
of the Department of Philosophy of a Natural-science Profile,
Tavrida Academy, Crimean Federal V. I. Vernadsky University

Аннотация. В статье рассматривается актуальная проблематика, связанная с реализацией комплексной программы по созданию нового качества экономического развития России, в том числе, с использованием такого высокотехнологичного ресурса как искусственный интеллект (ИИ). Внедрение систем ИИ неизбежно обострит наличные социально-экономические противоречия (создание новых и одновременно, утрата прежних рабочих мест и др.). Развитие цифровой экономики объективно оказывается в фокусе междисциплинарных исследований.

Abstract. In the article the actual problems associated with the implementation of a comprehensive program to create a new quality of economic development in Russia, including with the use of such high-tech resource as artificial intelligence (AI). The introduction of AI systems will inevitably exacerbate the existing socio-economic contradictions (the creation of new ones and at the same time, the loss of previous jobs, etc.). The development of the digital economy is objectively in the focus of interdisciplinary research.

Ключевые слова: информационное общество, шестой техно научный уклад, искусственный интеллект (ИИ), цифровая экономика.

Key words: information society, sixth techno scientific way of life, artificial intelligence (AI), digital economy.

Введение. Искусственный интеллект как многозадачная технология для нужд цифровой эпохи является ключевым высокотехнологичным драйвером, который позволяет значительно ускорить, прежде всего, рост экономики. Разумеется, что это только лишь одна из многочисленных технологий, которые определяют темпы и направленность развития человеческой цивилизации в ближайшие десятилетия. Очевидно, что в ближайшем будущем, благополучие граждан и государств будет напрямую зависеть от уровня развития биотехнологий, цифровых технологий, систем, снабжённых высокопроизводительными модулями с продвинутым искусственным интеллектом, робототехники, нано технологий, а также, наличием производства новейших материалов с уникальными свойствами [1]; [2]; [3]; [4]. Мир и вещи в нём изменяется с невероятной скоростью. Сегодня, а, тем более, «завтра», появятся такие изобретения, техно научные тренды, которые способны радикально изменить всё промышленное производство, систему финансирования, коммуникацию между людьми и организациями. Эту тенденцию как базовую учитывают главы государств.

Как утверждает В. В. Путин, России нужно быть лучшей в таких высокотехнологичных сферах как: медицина, IT-технологии, робототехника и, разумеется, в других областях, для того, чтобы осуществить реальный технологический прорыв [4]. Комплексная по своей структуре и значимая проблематика, связанная с реализацией государственной программы (включая создание и эффективное использование систем искусственного интеллекта) в ходе формирования новой высокопроизводительной экономики, становится всё более актуальной [5]. Применение высокотехнологичных систем с высокой долей ИИ является стратегически важным направлением государственного развития России. Однако, неравномерности технологического развития экономики объективно создают административные и экономические барьеры, которые необходимо преодолевать [6].

Системы искусственного интеллекта для успешной реализации проектов высокой сложности в контексте развёртывания государственных проектов, продвигающих программу цифровой экономики, незаменимы. Такие понятия как: «цифровая эпоха», «цифровая экономика», «искусственный интеллект», «роботизация», «блокчейн», «технологические и организационные инновации» и многие другие, отражают кардинальный сдвиг в современном мировоззрении и оргработе руководителей, обязанных осуществлять результативную государственную политику. Феномен цифровой революции, определяется необходимостью адаптации к новой технологической парадигме. [7]. Для осуществления программы цифровой экономики искусственный интеллект является, по сути, универсальным когнитивным инструментом. Помимо прочего, ИИ пригоден для реализации комплексных социально-экономических проектов. Широкое внедрение систем искусственного интеллекта с неизбежностью будет обострять социально-экономические противоречия (появление феномена массовой безработицы, неравномерное распределение информационных и управленческих ресурсов в социуме). Поэтому, широкая проблематика эффективного применения ИИ в контексте шестого техно-научного уклада неизбежно оказывается в фокусе междисциплинарных исследований.

Искусственный интеллект: его значение в контексте четвёртой индустриальной революции. Актуальные темы и соответствующая проблематика, связанные с широким использованием искусственного интеллекта, увеличиваются в количественном отношении постоянно. Искусственный интеллект (artificial intelligence, AI), является исторически объективным высокотехнологичным проектом, целью которого является конструирование самообучающихся интеллектуальных машин и их объединение в сетевом формате (на локальном или на глобальном уровнях). Системы ИИ проектируются и производятся благодаря высокопроизводительным научным и технологическим разработкам специалистов в таких областях, как математика, информатика, когнитивистика и т. д. Функционирующие сегодня системы искусственного интеллекта имеют специализированные прикладные области применения (производство оборудования, станков, образовательные программы, интернет-поисковики, мессенджеры, удалённая игра в шахматы, прогноз погоды и т. д.). Одна из важнейших функций искусственного интеллекта (ИИ) заключается в продвижении такой характеристики интеллектуальных систем, включая осуществление таких творческих форм деятельности, которые обычно считаются сугубо человеческими. ИИ — это мощный ингибитор для ускоренного развития высокотехнологичной экономики [8]. Технологи и изобретатели, работающие в сфере проектирования и конструирования ИИ, в том числе, Амир Хусейн, пытаются понять, как возможна продуктивная деятельность людей в грядущем будущем, там, где интеллектуальные машины и системы искусственного интеллекта не только станут широко востребованы, но в определённой степени начнут овладевать реальностью. Уже очевидно, что искусственный интеллект играет все большую роль в нашем социуме [9]. Очевидно, что проблематика, связанная с использованием систем, снабжённых искусственным интеллектом, весьма актуальна.

Эксперты из корпорации Google, университетов Оксфорда, Стэнфорда и Монреала, а также Алленовского института искусственного интеллекта (Allen Institute for Artificial Intelligence (AI2)), обсуждают проблемы, непосредственно затрагивающие про-

изводство и эффективное использование ИИ [10]. Существенный поворот во всемирной истории происходит на наших глазах, когда высокие технологии позволяют переформатировать не только инфраструктуру, способ производства товаров и услуг, но также перепределить природу человека. Концептуальный каркас «четвёртой индустриальной революции» предполагает специфическое понимание роли ИИ, робототехники и других полезных девайсов, применимых уже в условиях современной цивилизации. Четвертая индустриальная революция (Fourth Age) предоставляет собой и интеллектуальное пространство, где необходимо размышлять о тех актуальных проблемах, с которыми мы неизбежно столкнемся в ближайшем будущем. А именно: перманентное машинное обучение, развёртывание продвинутых проектов искусственного интеллекта, автоматизация всех видов человеческой деятельности, частичная и полная занятость, креативные компьютерные программы, создание искусственных форм жизни, этика AI, биоэтика, создание сверхума, технологическая сингулярность [10]. Прогрессирующее развитие систем искусственного интеллекта, а также, автоматизация большинства производственных процессов и коммуникативных транзакций, оказывают значимое влияние на глобализированный социум. «Умные машины» неизбежно будут оказывать давление также на рынок труда в эпоху четвёртой индустриальной революции.

Некоторые эксперты-экономисты вполне оптимистично относятся к созданию новых рабочих мест, другие с большой долей пессимизма относятся к рискам массовой потери рабочих мест. Междисциплинарные исследования показывают, что в ближайшем будущем развитие экономики потеряют сотни миллионов рабочих мест. Тодд Келси, автор аналитического исследования *Surfing the Tsunami*, представляет в своей книге, по сути, актуальное введение в тему «искусственный интеллект и феномен безработицы». Исследование основано на эмпирически достоверных данных. Главная идея книги заключается в том, чтобы открыть дискуссию относительно анализа рисков внедрения ИИ в систему классической экономической деятельности. Келси выделяет три основных сценария будущего: адаптация экономики к перманентно изменяющейся ситуации; принятие новой экономической реальности (при этом, эффективно использовать имеющиеся программные и организационные инструменты и многофункциональные платформы, связанные с ИИ); и, наконец, включиться в процесс разработки сверхпродвинутого искусственного интеллекта [11].

Вывод. Произведён анализ актуальной проблематики, связанной с созданием нового технологического и организационного импульса для успешного экономического развития России. Наряду с другими высокими технологиями, рассматривается, необходимость использования потенциала искусственного интеллекта. Широкое внедрение систем искусственного интеллекта, неизбежно обострит наличные социально-экономические противоречия: создание новых и одновременно, утрата прежних рабочих мест, увеличение свободного времени и его позитивное структурирование.

Литература

1. Roco, Mihail C., Bainbridge, William S., Tonn, Bruce, Whitesides, George (eds.) *Convergence of Knowledge, Technology and Society: Beyond Convergence of Nano-Bio-Info-Cognitive Technologies (Science Policy Reports)*. — N.Y.: Springer; 2013. — 558 p.
2. Шваб, Клаус Четвёртая промышленная революция. — Москва: Изд. «Э», — 2017. — 208 с.
3. Kelly, Kevin *The Inevitable: Understanding the 12 Technological Forces That Will Shape Our Future*. — Publisher: Penguin Books, 2017. 336 p.
4. Зарубин, Павел Молодые российские ученые создали мощнейшую в мире ударную систему / 29 апреля 2018. Режим доступа: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=3012684>
5. Шаг в будущее: искусственный интеллект и цифровая экономика // Материалы 1-й Международной научно-практической конференции. Вып. 4 / Государственный университет управления. — М.: Изд. ГУУ, 2017. — 335 с.
6. Сычёв А.А., Савостицкий А.С. Проблема неравномерности технологического развития экономики и входные барьеры // Шаг в будущее: искусственный интеллект и цифровая экономика // Материалы 1-й Международной научно-практической конференции. Вып. 4 / Государственный университет управления. — М.: Изд. ГУУ, 2017. — С. 81—85.
7. Буряк В.В. Цифровая экономика и новая технологическая парадигма / В сборнике: Цифровая экономика в профессиональном образовании // Материалы Международной научно-практической конференции. Под редакцией Н. В. Молотковой. 2017. — С. 61—66.
8. Kelsey, Todd *Surfing the Tsunami: An Introduction to Artificial Intelligence and Options for Responding*. — CA, Alameda: RGB Press; 2017. — 190 p.
9. Husain, Amir *The Sentient Machine: The Coming Age of Artificial Intelligence*. — New York: Scribner; 2017. — 224 p.
10. Reese, Byron (Ed.) *Voices in A.I., Volume 1: Conversations with Leading Thinkers in Artificial Intelligence*. — United States, San Francisco: Gigaom; 2018. — 194 p.
11. Kelsey, Todd *Surfing the Tsunami: An Introduction to Artificial Intelligence and Options for Responding*. — CA, Alameda: RGB Press; 2017. — 190 p.

УДК 04.316:303; 316:001.8

Трансгуманизм — мировоззрение XXI века или цивилизационная угроза человечеству

Transhumanism — the world outlook of the XXI century civilization or a threat to humanity

Быканова Я. П., студентка 3 курса факультета философии, социологии, культурологии Курского государственного университета
 Андриянова Т. В., кандидат социологических наук, доцент, преподаватель, Курский государственный университет
 Bykanova Y. P., 3-year student of the Faculty of Philosophy, Sociology, Culturology, Kursk State University
 Andrianova T. V., Candidate of sociology, associate Professor, lecturer, Kursk state University

Аннотация. Совершенствование жизни общества, поиски траекторий развития, новых установок приводят к новейшим мировоззренческим теориям и практикам, которые основываются на применении нанотехнологий, следствием чего становится появление «нового человека» — постчеловека. Но каждое новшество несет в себе как плюсы, так и непредсказуемость хода человеческой истории.

Abstract. Improving the life of society, the search for paths of development, new attitudes lead to the latest worldview theories and practices that are based on the use of nanotechnology, resulting in the emergence of a «new man» — a postman. But every innovation carries both advantages and unpredictability of the course of human history.

Ключевые слова: трансгуманизм, трансчеловек, постчеловек, нанотехнологии, «сверхум», «сверхчеловек».

Key words: transhumanism, transhuman, Posthuman, nanotechnology, «superhuman», «superhuman».

В настоящее время, когда происходят перемены во всех сферах жизни общества, задаются вопросом: протекающие процессы контролируемы или все-таки являются естественно-историческими. Особое внимание уделяется трансформациям, происходящим в социокультурной среде¹. К таким процессам относят сегодня: популяризацию однополых браков, разрешение усыновление такими семьями детей, стирание половых различий и новые правила распределения ролей в парах — «унисекс». Данные направления настолько получили распространение в современном обществе, что к пропаганде их стали подключаться довольно-таки серьезные информационные ресурсы. В совокупности все эти идеи окутывает новая мировоззренческая система, философская и религиозная структура и, тем самым, распространяющийся новый политический проект — трансгуманизм.

На существующем сайте Российского общества трансгуманистов дается определение данному направлению, где его понимают как систему взглядов и общественное движение, которые основаны на осмыслении перспектив и достижений науки. Также, трансгуманизм — это культурное и рациональное движение, которое утверждает возможность и необходимость фундаментальных изменений в положении человека с помощью достижений разума, в основном с применением технологий для ликвидации старения и усиления физических, умственных и психологических возможностей людей.

Трансгуманизм сегодня пытаются преподнести человечеству как некое новейшее направление науки, связанное с современными нано-, биологическими, информационными и когнитивными нанотехнологиями (НБИКС). В результате эффективной работы НБИКС должно быть создано человеческое существо, впоследствии названное теоретиками данной концепции трансчеловеком. Поэтому, трансчеловеком необходимо считать промежуточное существо между человеком и постчеловеком. В данном случае приставку «транс» рассматривают как означающую «выход за пределы чего-либо», как слово «трансформация». Такие люди будут наделены сверхразумом, сверхспособностями, данное существо будет бесполом, вследствие чего размножение будет происходить искусственным путем. Человек станет таким, только преодолев свою человеческую природу.

Делая упор на достижения научно-технического прогресса, трансгуманизм утверждает, что нанотехнологии способны фундаментально изменить положение человека в обществе. Поэтому трансгуманизм предстает перед нами, прежде всего, как новый этап эволюции человека вида HomoSapiens, а также всего животного мира.

У данного направления есть и сторонники, и противники соответственно. Ряд исследователей социологов, ученых наиболее часто декларируют и утверждают, что данное направление имеет множество преимуществ, приводя огромное количество аргументов в пользу распространения трансгуманизма как мировоззрения XXI века.

Теории трансгуманизма не завершаются на словах, так в России создан Научный совет Общественного движения «Россия—2045», куда вошли крупные российские ученые и мыслители². Дата выбрана не случайно, поскольку временные рамки развития теорий трансгуманизма нечетко очерчены, но к 2045 году прогнозируют создание «сверхразума». Человеческий разум достигнет состояния полного контроля над материей, а с помощью развития когнитивной науки, в будущем достигнет контроля над самим собой. Российское трансгуманистическое общество зарегистрировало сайт, на котором все желающие могут просматривать новости, принимать участие в виртуальных мероприятиях сторонников трансгуманизма.

Задаваясь вопросом, как трансгуманизм влияет на современное общество, все также разделяются на две стороны, рассматривая трансгуманизм как цивилизационную угрозу человечеству, и как, наоборот, мировоззрение XXI века. Сегодня трансгуманизм, выступая под лозунгами различных наук (футурология, евгеника, теология), проникает в ми-

¹ Бакланова О.А. Проблема конституирования социокультурной идентичности в современном обществе // Высшая школа — региону: сборник научных статей. Пятигорск, 2013. С. 16—27.

² Дубровский Д.И. Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция. URL: <http://www.shapovalov.org/load/8-1-0-79>.

ровую общественную идеологию. Так, благодаря быстрому развитию в западной элите теории трансгуманизма понимают, как новую форму мировоззрения, обосновывающую свое превосходство и право быть избранной. Но при этом не опровергают естественное эволюционное возникновение человека от обезьяны, предопределяют дальнейший его переход к трансчеловеку, а затем — к постчеловеку.

Та часть человеческого общества, которая все же отвергнет мировоззрение трансгуманизма, использование данных практик, будет признаваться «недочеловеками» или неудавшимся экспериментом. Но, доступность людей к нанотехнологиям трансгуманизма будет ограничена, поскольку только богатые люди смогут позволить себе использование всего арсенала инструментов и технологий, поэтому и «постчеловеком» стать каждый не сможет. Несомненно, возникает следующий вопрос, касающийся остальных людей, которые так и не смогут коснуться с нанотехнологиями... Уже сейчас происходит гендеризация общества, «чипизация» населения с целью управления и непосредственного тотального контроля. Неотъемлемой частью данного процесса является внедрение роботов-андроидов, которые выполняют многочисленные функции человека, хотя сравнивать стоимость оплаты таких роботов и труда человека немыслимо.

Что касается смерти трансгуманистов, то здесь смерть является делом каждого, поскольку человек может продлить жизнь, так же как и определить уход из нее — эвтаназия должна быть естественным правом каждого.

Общество привыкает к фантастическим образам, присутствию в виртуальной реальности и в обычной жизни людей с так называемыми «сверхспособностями», а также мечтает о создании бессмертного «сверхчеловека», которого так часто наблюдают на экранах. Это прямая пропаганда нового мировоззрения трансгуманизма, которая воспринимается не на рациональном уровне, а на иррациональном.

Таким образом, теории трансгуманизма набирают все большую популярность, число последователей возрастает в геометрической прогрессии. Особую озабоченность вызывает тот факт, что сторонниками этой системы взглядов являются не только политические деятели, бизнесмены, но и виднейшие ученые, публицисты и интеллектуалы. Оценить и проанализировать влияние на мировое сообщество трансгуманизма несколько сложно, поскольку сегодня выбираются пути развития, исследуются различные траектории, и к направлениям работы «Россия—2045» прибегают огромное количество исследователей, принимающих поддержку от различных сфер жизни общества.

Литература

1. Бакланова О. А. Проблема конституирования социокультурной идентичности в современном обществе // Высшая школа — региону: сборник научных статей. Пятигорск, 2013. — 115 с.;
2. Дубровский Д. И. Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция. URL: <http://www.shapovalov.org/load/8-1-0-79>;
3. Чагилов В. Р. Обыденное сознание и знание в зеркале социальной философии / В. Р. Чагилов, С. Т. Баранов, И. С. Бакланов. Невинномысск, 2006. — 301 с.

УДК 004.5, 616.78

Философско-этические аспекты применения интерфейса «мозг-компьютер»**Philosophic and etical implications of brain-computer interface appliance**

Пиштак С. Ф., аспирант 1 года обучения кафедры психиатрии, наркологии, психотерапии с курсом общей и медицинской психологии

Медицинской академии им. С. И. Георгиевского Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского

Rishtakov S. F., 1 year postgraduate student, Department of Psychiatry, Narcology and Psychotherapy with the Course of General and Medical Psychology S. I. Georgievsky Medical Academy Crimean Federal V. I. Vernadsky University

Аннотация. в работе освещаются этические и философские аспекты применения и развития системы интерфейс «мозг-компьютер» в рамках философии трансгуманизма.

Abstract. the article highlights ethical and philosophic aspects of using and development of brain-computer interface system in terms of transhumanism philosophy.

Ключевые слова: интерфейс мозг-компьютер, биотехнологии, реабилитация трансгуманизм, квалиа.

Key words: brain-computer interface, biotechnologies, rehabilitation, transhumanism, qualia.

Введение. В наше время мир в значительной степени является цифровым, мы всё более погружены в инновационные технологии. А так как центральная нервная система человека тоже является в значительной степени цифровой, представляя собой некое подобие «живого» процессора, то почему бы не дать возможность общаться цифровым «мирам» напрямую?

Одним из наиболее перспективных вариантов такого взаимодействия является интерфейс «мозг-компьютер». Интерфейс «мозг-компьютер» (*прямой нейронный интерфейс, мозговой интерфейс, нейрокомпьютерный интерфейс*) — это система, позволяющая преобразовывать определённые физиологические показатели работы ЦНС (прежде всего речь идёт о головном мозге) в импульсы или команды, передаваемые на компьютер или иное техническое устройство, обеспечивая таким образом обмен командами между головным мозгом и внешним устройством.

В середине 90-х годов были созданы первые инвазивные нейроинтерфейсы, которые могли передавать в закодированном виде информацию о качественных и количественных характеристиках человеческого организма напрямую к компьютеру. ИМК стали частой фабулой в произведениях многих фантастов, таких как Гибсон У. и пр., однако в реальности учёные смогли разработать и такие технологии, которые писатели не могли себе представить. Может ли условно здоровый человек управлять неким механизмом при помощи силы мысли? Как выяснилось, при помощи нейрокомпьютерного интерфейса это стало возможным.

Медицина ставит перед современной наукой ряд прикладных задач, направленных на эффективное упрощение и улучшение жизнедеятельности больных, перенесших серьезные заболевания, вследствие которых они утратили способность к двигательной или речевой активности. Эффективным решением в данной области стал метод интерфейса «мозг-компьютер».

В нашем исследовании мы ставим перед собой следующие задачи, направленные на раскрытие описанной проблематики:

- обобщить опыт применения данного подхода в отечественной и зарубежной медицине;
- рассмотреть философско-этические аспекты его реализации и потенциального развития в рамках современной философии «трансгуманизма».

В процессе исследования нами были использованы следующие методы: описательный метод, эксперимент.

С точки зрения практического применения интерфейса «мозг-компьютер» в современной медицине, он является «вторым шансом» для больных, парализованных после инсульта или травмы. В отечественной науке первую лабораторию, занимающуюся исследованием нейроинтерфейсов, основал д. б. н. Каплан А. Я., который относит технологию нейроинтерфейсов, в первую очередь, к философии. Вопрос нейроинтерфейсов, их применения и перспектив поднимается в работах Каплан А. Я. [1; 4], Жигульской Д. Д. [4], Кирьянова Д. А. [4], Дунина-Барковского В. Л. [2], Мокиенко О. А. [6; 7], Боброва П. Д. [6; 7], Черниковой Л. А. [6; 7], Фролова А. А. [6; 7] и др.

Что касается философско-этических основ применения интерфейса «мозг-компьютер», то их мы считаем необходимым разделить на две категории:

- философская — переход от философии фатализма к философии трансгуманизма.
- этическая — использование интерфейса «мозг-компьютер» приемлемо в том случае, если оно не нарушает морально-этические нормы, установленные обществом и человечеством в целом.

Этико-философский аспект необходимости существования нейрокомпьютерных интерфейсов часто выходил на первый план при их разработке. Мы придерживаемся позиции продвижения разработок в области НКИ т.н. «семимильными шагами». В первую очередь, речь идёт о восстановлении зрения; хотя определённые успехи в этой области уже имеются, но сложностей перед учёными стоит ещё больше. Томас Нагель утверждал, что о некоторых фактах можно узнать только с помощью субъективного опыта, и в случае со зрением его утверждение остаётся как нельзя более актуальным. Квалиа цвета и света не может быть получена человеком каким-либо иным образом, кроме как его восприятием через зрительный анализатор [8]. Проблемы со зрением способны исключить человека из активной жизнедеятельности [5]. Поэтому мы считаем, что не должно быть теоретического запрета на исследования в области нейрокомпьютерного интерфейса, направленного на реабилитацию утраченных или повреждённых функций человеческого организма.

Теория трансгуманизма приводит человечество к необходимости принять решение — увеличить или не увеличить продолжительность жизни за счет бионических протезов, а также, в будущем — за счет перемещения мозга человека, записанного на внешний носитель, в новое тело. Данная гипотеза несет в себе, в первую очередь, проблему восприятия себя самого человеком. Для того, чтобы перенесенный мозг чувствовал себя комфортно в новом теле, ему необходимо быть антропоморфным. Что касается второй проблемы, то она затрагивает функционирование мозга, управление им всем телом, и требует создания идеальной нейронной сети, которая будет реализовывать импульсы, передаваемые мозгом. Именно данным аспектом и занимается современная наука, исследующая интерфейс «мозг-компьютер».

Практическим основанием научного исследования послужил личный экспериментальный опыт участия в проекте по реабилитации пациентов, перенесших острое нарушение мозгового кровообращения (инсульт), путём работы с экзоскелетом кисти, основанном на принципе интерфейс «мозг-компьютер» в РНИМУ имени Н.И. Пирогова в г. Москве (январь—февраль 2018 г.). В результате данного эксперимента было выявлено, что использование интерфейса «мозг-компьютер» у пациентов, перенесших инсульт, помогает интенсифицировать процесс реабилитации и даже частично вернуть утраченные в результате инсульта функции верхней конечности, эта система открывает новые возможности и перспективы положительного исхода для пациентов.

С точки зрения современной медицины применение интерфейса «мозг-компьютер» является одним из приоритетных направлений развития науки. Однако, с философско-этической точки зрения мы сталкиваемся с неоднозначными идеями философии трансгуманизма. Основная идея трансгуманизма — это совершенствование человека, основанное на новейших достижениях научно-технического развития, и подобные технологии являются ярким тому примером. И не является ли злом для современного общества отказ от технического развития, эфемерное «возвращение к природе» и прочие формы идеологий антимодернизма и антипрогрессизма? Часто мы являемся свидетелями того, как травма головного мозга, инсульт или же повреждение спинного мозга делает из человека инвалида, неполноценного физически члена общества. При помощи т. н. бионических протезов или нейропротезов учёные пытаются вернуть людям функцию утраченной конечности. Благодаря интерфейсу «мозг-компьютер» парализованные люди могут писать электронную почту и управлять «умным домом» (яркий пример применения ИМК на практике это система, принадлежавшая британскому физико-теоретику Стивену Хокингу). В 1999 г. американец Рэмзи Э. после тяжёлого ДТП утратил возможность двигаться, говорить и даже моргнуть, что в медицине носит название «синдром замкнутого человека». После того, как учёные из Бостонского университета имплантировали в его головной чип, который выступал в роли «синтезатора речи», он смог общаться с внешним миром и даже управлять некоторой домашней техникой. Для лиц, потерявших способность двигаться, говорить или чувствовать, применение систем на основе нейрокомпьютерного интерфейса является выходом из заточения, а может даже и чем-то большим. Важность таких функций человека, как общение или движение, невозможно переоценить.

Перспективы. Несмотря на возможную критику со стороны людей, склонных верить в существование «души» у человека, данное направление исследования является перспективным, так как позволяет людям с ограниченными способностями взаимодействовать с миром и восполнять их потребности. Что касается его перспектив, то, как мы уже отмечали, он не должен выходить за рамки морали, установленной обществом. Мысль о том, что «разумные машины» уничтожат человечество, свидетельствует, скорее, о приверженности к философии фатализма, чем к стремлению изучения новых перспектив в медицине, нейрофизиологии и всей науке в целом. Конечно, пропагандируемый трансгуманизмом образ постчеловека, отказавшегося от привычного человеческого облика в результате внедрения передовых технологий, остаётся всё ещё на уровне научной фантастики, и некая эмоциональная выхолощенность «homo novus» трансгуманизма не является абсолютным благом для человечества. Вполне возможно, что способности «человека нового» не будут принципиально отличаться от способностей современных людей, но рост продолжительности и качества жизни, а также лечение многих неизлечимых на данном этапе научно-технического развития заболеваний и являются той целью, которой должна придерживаться современная наука. Поиск золотой середины в данном ключе, как мы уже отметили, сможет внести вклад в решение проблем медицинского характера для людей, лишенных мышечного воплощения нервных импульсов, равно как и ставит перед специалистами в области нейрофизиологии и философии вопрос «Необходимо ли применение интерфейса «мозг-компьютер» здоровому человеку?». Мы считаем, что рассмотрению этого вопроса могут быть уделены последующие исследования, затрагивающие вопросы философии и этики науки, а также и современной медицины.

Литература

1. Гордлеева С. Ю., Лобов С. А., Миронов В. И., Кастальский И. А., Лукоянов М. В., Крылова Н. П., Мухина И. В., Каплан А. Я., Казанцев В. Б. Разработка аппаратно-программного комплекса по управлению роботизированными устройствами посредством биоэлектрических сигналов мозга и мышц // Наука и инновации в медицине. 2016. № 3 (3). — С. 77—82.

2. Дунин-Барковский В. Л. Понимание механизмов понимания: перспективы ближайшего будущего // Нелинейная динамика в когнитивных исследованиях — 2013 Труды III Всероссийской Конференции Нижний Новгород ИПФ РАН 2013. — С. 48
3. Иваницкий А. М. Сознание и мозг // В мире науки. 2005, № 11. — С. 3—11.
4. Каплан А. Я., Жигульская Д. Д., Кирьянов Д. А. Изучение возможности управления отдельными пальцами фантома кисти руки человека в контуре интерфейса мозг-компьютер на волне P300 // Вестник Российского государственного медицинского университета. 2016. № 2. — С. 26—30.
5. Локк Дж. Сочинения в 3-х т. Т.1. Опыт о человеческом разумении. (Философское наследие. Т.93). — М.: Мысль, 1985. — 621с. — С.78—582. с примечаниями.
6. Мокиенко О. А., Черникова Л. А., Фролов А. А. Интерфейс мозг-компьютер как новая технология нейрореабилитации. // Анналы Клинической и экспериментальной неврологии. 2011. № 3 (5).
7. Мокиенко О. А., Бобров П. Д., Черникова Л. А., Фролов А. А. Основанный на воображении движения интерфейс мозг-компьютер в реабилитации пациентов с гемипарезом // Бюллетень сибирской медицины. 2013. №12(2). — С.30—39.
8. Martine Nida-Rümelin Qualia: The Knowledge Argument: [англ.]. The Stanford Encyclopedia of Philosophy, 2009.

УДК 17, 004.89

Образ киберчеловека в современной науке и культуре

Image of cyborg in modern science and culture

Тютюник А. С., аспирант физико-технического института
Крымского федерального университета
им. В. И. Вернадского
Tutyunik A. S., Post-graduate student of the Physical-Technical
Institute, Crimean Federal V. I. Vernadsky University

Аннотация. Рассматривается вопрос о создании киборгов, замещение некоторых частей тела человека высокотехнологичными аналогами. В связи с тем, что полная замена — это вопрос будущего, характеристики образа киборга выявляются из научной фантастики, кинематографа, книг, феноменов «электронной культуры», при этом учитывается влияние научных разработок в области создания первых киборгов.

Abstract. The question of creating cyborgs, the replacement of certain parts of the human body with high-tech analogues is considered. In connection with the fact that a complete replacement is a matter of the future, the characteristics of the image of a cyborg are revealed from science fiction, cinema, books, phenomena of «electronic culture», and the influence of scientific developments in the field of creation of the first cyborgs is taken into account.

Ключевые слова: киборг, киборгизация, техночеловек, постчеловек.

Key words: cyborg, cyborgization, techno-human, posthuman.

Введение. Развитие современной цивилизации непрерывно связано с научно-техническим прогрессом. В настоящее время технологии достигли такого уровня, что уже действительно способны модифицировать тело человека. На это указывает наличие протезов, имплантантов, кардиостимуляторов и т. д.

Успехи в разработках настолько впечатляющи, что становится ясно: в ближайшем будущем будет радикальное изменение человеческого тела путем трансформации, в результате которой человек сможет отказаться от своего текущего биологического тела [1]. На это указывает интенсивное развитие областей, связанных с нанотехнологиями.

Предположим, в недалеком будущем будут заменены почти все части тела человека на подобные устройства. Можем ли мы считать это искусственное тело человеком? В этой же связи возникает и второй вопрос: возможно, человечество стоит на пороге создания роботов, интеллект которых сопоставим с человеческим — можно ли его считать человеком?

В связи с тем, что в настоящее время таких модифицированных тел нет, решение поставленных вопросов мы будем осуществлять через выявление характеристик образа киборгов и массовой культуре, сопоставляя с данными современной науки и техники.

Целью данной работы является проекция характеристики киборга через представление его образа в современной культуре в корреляции с современными научными разработками.

История знает немало примеров, когда писатели-фантасты описывали явление, а затем их идеи осуществлялись. В произведениях происходила постановка проблем и их осмысление, именно поэтому мы полагаем, что такой подход приведет нас к нужным результатам.

Как известно, термин «киборг» и «киборгизация» (от англ. «cybernetic organism») был введен в 1960 году аэрокосмическим изобретателем Манфредом Клайнсом и врачом Натаном Клайном, исследователями лаборатории Динамического Моделирования в Нью-Йорке, которые занимались проблемами информационных технологий, дополняющих поведение человека, необходимых для организма человека в условиях космических полетов [2].

Трансформация человека в киборга является перспективой будущего. Изображение кибергероев в современной культуре представлено главным образом в компьютерных играх, современной фантастике и фэнтези, в кинематографе и анимации. Все эти формы современного искусства и творчества относятся к феноменам «электронной культуры» [3].

В настоящее время виртуальный компонент оказывается уже вписанным в единую научную картину мира [4]. Виртуальная реальность формируется как процессуальное взаимодействие между человеком и некоторой искусственно созданной техническими средствами окружающей его средой. Последние разработки в области виртуальной реальности ярко демонстрируют широкий спектр возможностей не только в качестве досуга, но и в других, «не игрушечных» вопросах современности. Моделирование различных заболеваний позволяет хирургам выявлять дефекты органов человека и оценивать общее состояние пациента. Использование технологий виртуальной реальности в качестве обезболивающего для раковых больных демонстрирует отличные результаты [5].

В кинематографе образ киборга во второй половине XX века был связан с фантастическими романами и фильмами, в которых представлены различные версии замещения тела человека искусственными частями вплоть до полного уподобления компьютеру или программе. Фильмография на эту тему достаточно обширная: *Андроид / Android* (2013); *Робот по имени Чаппи* (2015); *Бегущий по лезвию / Blade Runner* (1982); *Терминатор / The Terminator* (1984); *Терминатор 2: Судный день / Terminator 2: Judgment Day* (1991); *Терминатор: Генезис* (2015); *Тихоокеанский рубеж* (2013); *Трансформеры: Эпоха истребления* (2014); *Судья Дредд / Judge Dredd* (1995); *Матрица / The Matrix* (1999); *Я робот / I robot* (2004); *Живая сталь / Real Steel* (2011); *Ева / Eva* (2011); *Двухсотлетний человек / Bicentennial man* (1999); *Книга судного дня / Domesday book* (2012). И это далеко не весь список фильмов, посвященных данной тематике. Пик производства таких фильмов начался в 90-годы и продолжается до сих пор. Большая часть образов киборгов в них представлена как деструктивно-агрессивная, угрожающая сущности человека, его целостности и духовности. Можно согласиться с авторами [6], что киборгизация общества рисуется в жанре антиутопии с примесью антисциентизма, экологизма, беспокойства за существование человечества как вида. По нашему мнению, такую позицию, вряд ли, можно назвать пророческой, так как из нее должно следовать, что дальнейшие разработки должны быть прекращены.

Нанотехнология стала одной из ведущих отраслей современной науки. Нанотехнологии способны изменить жизнь человечества и могут привести к фундаментальным сдвигам во всех сферах общества, к изменению качества жизни и социальных аспектов человечества.

Именно благодаря развитию нанотехнологий, на сегодняшний день наличие протезов, имплантатов, кардиостимуляторов является обыденным. Одной из таких разработок является бионический глаз. Бионический глаз — искусственная зрительная система для восстановления потерянного зрения при некоторых формах слепоты [7]. Бионический глаз позволяет вернуть зрение людям, которые утратили его вследствие болезни скотомы, которая поражает сетчатку глаза. Усовершенствование этой и многих других технологий ведется постоянно.

Разработки в области нанотехнологии не обошли стороной и Крымский федеральный университет. Кафедра радиофизики и электроники с 1995 исследует фотоэлектрические процессы, протекающие в солнечных батареях. Благодаря свойствам фуллеренов модернизируются технологии возобновляемых источников энергии. Последние исследования посвящены изучению свойств бионического глаза. Сейчас в мире для восстановления зрения используют специальную полимерную пластинку-матрицу с фотодиодами, с которой можно снимать слабые электрические импульсы, передавая их в прилегающие живые нервные клетки. Аналоговые сигналы от созданного на искусственной сетчатке оптического изображения стимулируют сохранившиеся нейроны. Благодаря этой технологии человек видит серые контуры предметов, человек видит свет. Сейчас ведутся разработки в этой области с целью улучшения качества передаваемой картинки на сетчатку глаза, а также возможность цветопередачи. Большие надежды возлагаются на развитие нанотехнологий, которые позволят воплотить поставленные задачи в реальность [8].

Рассмотрим вопрос о создании роботов с интеллектом, превышающим человеческий. Чем робот будет отличаться от человека? Существует мнение, что человека от робота отличает мышление. Однако, мышление — процесс установления связей между объектами или явлениями окружающего мира; процесс отражения существенных свойств объектов, а также связей между ними, что приводит к появлению представлений об объективной реальности. Следуя этой трактовке можно предположить, что робот моделирует закономерности на основе введенных данных. Исходя из этого, можно предположить, что человек — это просто более совершенный компьютер. Человек принимает решение, следуя вложенной программе на протяжении всей его жизни (поведение, воспитание, ценности, привитые социумом), а также дополнительные данные (материальное положение, условия окружающей среды и т.д.).

Человека от робота отличает наличие воображения. Человек способен интерпретировать информацию, используя свое воображение. Глядя на кляксу, робот предоставит информацию о химическом составе чернил, толщину слоя покрытия и т.д. Человек сможет рассказать, на что похожа данная клякса, включив изображение.

Вывод: Обращение к образу киборга в современной науке и культуре представляется как деструктивно-агрессивный, способный нанести вред сущности человека. Во многом это напоминает боязнь механизмов невежественных людей в эпоху Просвещения. Вряд ли, такой взгляд можно оценивать, как перспективный.

Что касается современных разработок в области робототехники, то здесь грань между человеком и роботом достаточно четкая. Робот начисто лишен воображения. Какой бы ни была ситуация, робот следует заданным алгоритмам, даже когда это совсем неразумно.

Наука и техника развиваются стремительно, новые технологии могут привести к совершенно неожиданным результатам. В условиях происходящего, остается главная проблема — не потерять все то, что присуще человеку, не потерять человечность и не превратиться в робота.

Литература

1. Елхова О. И. Киборг как результат технологической эволюции человека // Вестник уфимского государственного авиационного технического университета. — 2014. Том 5(18). — С.118—121.
2. Clynes M. E., Nathan S. K. Cyborgs and Space // *Astronautics*, 1969, no. 26—27, pp. 74—76.
3. Баева Л. В. Электронная культура // Вопросы философии. — 2013. — Том 1(5). — С. 75—83.
4. Кудряшев А. Ф., Елхова О. И. Общенаучная картина мира: старое в новом одеянии // Вестник Башкирского государственного университета. — 2013. — № 4. — С. 1255—1259.
5. Елхова О. И. Онтологическое содержание виртуальной реальности. Дис ... д-ра филос. наук / Елхова Оксана Игоревна. — Уфа, 2011. — 330 с.
6. Баева Л. В. Образ киберчеловека в современной науке и культуре // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. — 2015. Том 1(1). — С. 56—68.
7. Джонатан Ф. С. Испытания по внедрению бионического глаза // *BBC*. — 2007. — Том1(1).
8. Работягов К. В., Шевченко А. И., Мазинов А. С. Исследование структуры и физико-химических свойств пористых углеродных материалов, полученных низкотемпературным Крекингом // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского Серия «Биология, химия». 2015. Том 1 (67). — С. 125—131.

УДК: 004.8/13

**Сознание vs искусственный интеллект:
перспектива человеко-машинных отношений****Consciousness vs artificial intelligence: perspective of human-machine relations**

Сиваченко Ю. А., ведущий инженер ООО «Кортекс-Медика»
Sivachenko Y. A., lead engineer, Cortex-Medica comp.

Аннотация. Уклад современного общества меняется очень быстрыми темпами. Повсеместно внедряются цифровые технологии в различные сферы общества: экономику, социальную сферу, быт и многие другие. В данной работе рассмотрены общие тенденции развития искусственного интеллекта, перспективы и потенциальные проблемы, а также опасности, сопряженные с внедрением и развитием этой технологии. Рассмотрен ряд этических вопросов сосуществования и взаимодействия между человечеством и искусственным интеллектом.

Abstract. The way of modern society is changing very rapidly. Digital technologies are introduced into various spheres of society: the economy, the social sphere, everyday life and many others. In this paper, general tendencies in the development of artificial intelligence, perspectives and potential problems, as well as the dangers associated with the introduction and development of this technology are considered. A number of ethical issues of the interaction and co-existence between humanity and artificial intelligence are considered.

Ключевые слова: Искусственный Интеллект, ИИ, компьютер, этика киборг, тест Тьюринга, робот, законы робототехники.

Key words: Artificial Intelligence, AI, computer, ethics, cyborg, Turing test, robot, robotic laws.

Современные технологии развиваются очень динамично. За последние несколько десятков лет скачок в технологическом развитии человечества в разы превысил предыдущие годы. В тоже время наметился значительный прогресс в развитии и переходе от условно примитивных вычислительных систем к качественно более сложным. Повсеместно в СМИ звучат заявления о создании ИИ в той или иной сфере жизнедеятельности. Крупные предприниматели и знаменитые ученые активно обсуждают вопрос опасности создания ИИ, и каковы перспективы его существования в человеческом обществе. Начиная с самых простых и заканчивая более продвинутыми в техническом исполнении роботы и электронные системы управления повсеместно внедрены на крупных производствах, в военной, социальной сфере. Однако, под понятием «искусственный интеллект» понимается нечто большее.

Основной целью нашей работы является попытка сформулировать основной круг актуальных вопросов, связанных с внедрением технологии ИИ в различные сферы человеческого общества, а также угрозы, которые это может повлечь.

Человек и компьютер — партнеры, решающие общую задачу по эргономическому принципу, используя преимущества друг друга; человек делает то, что он может делать лучше машины, а машина то, что она может делать лучше человека [1]. Такой вид взаимодействия является техническим инструментом, усиливающим интеллектуальные человеческие способности, и в тоже время важным аспектом такого взаимодействия является «линия разграничения» между человеческим и машинным.

На данный момент можно обозначить следующие крупные направления развития ИИ:
- интеллект, полученный искусственно в результате самообучения;
- подобный ИИ, который невозможно было бы отличить от человеческого как при тестировании, так и в повседневной жизни.

Уместен вопрос, а может ли программа мыслить, и как это определить. Аланом Тьюрингом был предложен критерий оценки наличия интеллекта у программы, основанный

на способности собеседника определить, с кем он общается. Несмотря на развитие и успехи в экспериментах, эта концепция подвергается критике и по сей день, ведь способность компьютера вести разговор и убедительно отвечать на вопросы — далеко не то же самое, что мыслить, как человек.

До сих пор ведутся дискуссии о том, что взять за отправную точку, по каким критериям вести оценку, как опознать, с кем ты общаешься.

Возможно, ответ кроется в невозможности создания ИИ. Согласно теореме Геделя, в системе всегда будут существовать истины, к которым нельзя прийти логическим выводом, а также нельзя доказать их или опровергнуть, и поэтому система является несовершенной, в отличие от человеческого разума, способного распознать недоказуемые истины и не ограниченного формализацией. Профессор Роджер Пенроуз, используя «Геделевский аргумент», утверждает, что разум человека в отличие от машины способен решать задачи, для которых невозможно создать алгоритм ее решения [5, 6]. Таким образом, существуют ограничения для создания ИИ.

Однако, возможно, что в будущем все же появятся технологии, при помощи которых станет возможным создать ИИ, который сможет целенаправленно развиваться, использовать и приращивать знания. При этом последствия воплощения такого ИИ, вероятно, будут представлять существенную опасность для человечества в целом, например, если такой ИИ будет иметь доступ в глобальные системы управления, системы коммуникаций или будучи в них интегрированным, имея при этом свойственные только ему суждения и делая собственные субъективные выводы.

Однако развитие и изучение данного типа интеллекта особенно ценно даже не столько как сама цель создания, но как эксперимент, который дает возможность в динамике проследить причинно-следственные связи становления интеллекта.

Следующий тип ИИ — совокупный симбиотический интеллект, по своей сути, кибернетический организм, симбиоз искусственного и естественного интеллекта с равновесным или преобладающим типом одного из интеллектов.

Потенциально появление нового вида, способного решать качественно новые задачи, вместе с тем и потенциально потеря человечности. Вполне возможно, что подобное слияние будет вероятным дальнейшим путем развития человечества. Мы видим, как развиваются технологии трансплантации и протезирования, помогающие людям передвигаться и вести активный образ жизни, вместе с тем развивается и сознательная киборгизация, суть которой заключается в добровольном внедрении имплантов для получения преимуществ. Здесь можно вспомнить один популярный этический вопрос: является ли человек, которому в результате медицинских операций заменили 99 процентов тела искусственными органами, машиной? При этом подобная перспектива уже не кажется столь невероятной, ведь уже сегодня разработаны роботизированные конечности, хрусталик глаза, вестибулярный имплантант, сердце, почка и прочие искусственные органы. Останется ли человек человеком, претерпев столь значительные изменения? Напрашивается аналогия с древним парадоксом Евбулида: если волосы выпадают по одному, то в какой момент человек становится лысым?

Потребность в увеличении производительности, а также улучшения качества жизни людей побуждают к быстрому развитию робототехники, параллельно с которой развивается и программное обеспечение к ней.

Перспективы развития отношений человека и искусственного интеллекта в этом контексте многообещающие и приносят свои плоды уже сейчас. Примерами служат беспилотные автомобили, военные разработки, голосовые помощники, бытовые системы управления, системы обработки информации и многое другое. Ярким примером развития ИИ служат успехи по созданию роботов в рамках программы Фонда перспективных исследований, а также разработке роботов компанией Boston Dynamics.

Кроме того, изучая природу появления и развития интеллекта, понимая причинно-следственные связи, развивая компьютерные программы, вычислительные мощности,

совершенствуя практические подходы и разрабатывая технологии, человечество, вероятно, продвинется в понимании собственной природы.

Вместе с тем интеграция ИИ с высокой вероятностью приведет к росту проблем в обществе сопряженных с этой технологией, и если, например, в военной сфере замена живой силы на робототехнику оправдана, то замена человеческого труда в гражданских профессиях сопряжена с социальными рисками.

Кроме явных опасностей развитие ИИ влечет также опасности опосредованные, которые повлияют как следствие внедрения этих технологий в мировую промышленную систему и экономику, замещая человеческий производственный ресурс на технику, и очевидно, что данная тенденция укрепляется, это видно по активным сообщениям в СМИ. Такая концепция труда в перспективе может заменить собой многие профессиональные сферы. Согласно докладу МВФ, в основу которого были положены исследования Эндрю Берга, Эдварда Баффи и Фелипе Занна, замещение людей роботами может привести к падению зарплат и соответственно, к усилению расслоения общества. При этом, чем сильнее роботизация будет способствовать росту ВВП, тем менее справедливо и равномерно будет распределяться доходы, считают в МВФ.

В то же время некоторыми видами профессий ИИ овладеть пока не способен несмотря на предпринимаемые попытки реализовать эту функцию. Особенно это касается профессий творческих. Предпринимаются попытки и создаются тесты для определения, имеет ли программа интеллект, сравнимый по уровню с человеческим, на основе способности к творчеству.

Вероятно, в ближайшем будущем общество столкнется с усилением влияния технофобии — то есть страха перед всепроникающей силой техники. Научно-технический прогресс принимает крупные масштабы, что может сильно повлиять на общество.

Совершенствование же человека при помощи технологий ИИ может повлечь расслоение общества в новых плоскостях, стать катализатором конфликтов и тяжелейших форм и проявлений расизма уже не по национальному признаку, а по признаку наличия программных улучшений.

Кроме того, решения потребуют такие вопросы:

Возможно ли перенести ответственность с человека на машину и сможет ли робот принести присягу?

Как человечеству обезопасить себя от ошибок ИИ, свести негативные последствия к минимуму?

Сможем ли мы найти модель, при которой стало бы возможным справедливо распределять блага, произведенные роботами?

Если ИИ обретет сознание, то сможет ли человечество предугадать каким будет его отношение к человечеству, сможем ли мы взять под контроль сложную умную систему?

К тому же, независимо от сферы применения нам понадобится способ научить роботов этике. Проблема же состоит в том, что, несмотря на то, что у нас есть законы робототехники Азимова [8], на данный момент не существует представления о том, как это реализовать технически.

Внедрение глобальных систем управления, например, в социальной сфере, банковском секторе, коммунальной инфраструктуре также сопряжено с проблемами, которые могут иметь серьезные последствия, например, из-за угроз взлома, кражи данных.

Резюмируя можно отметить, что общество стремительно трансформируется под натиском технологического прогресса, меняются представления о взаимосвязи человека и технологии, а человеческому обществу, правительствам, предстоит найти решение для многих острых этических и социальных вопросов, найти баланс соотношения естественного и искусственного интеллектов, а также позаботиться о защите прав людей в складывающейся перспективе.

Кроме того, большой проблемой является тот факт, что человек как создатель изначально отвел определенное место для ИИ в обществе, определил круг интересов, которые

технология будет обслуживать. Однако если говорить о развитии разумной технологии, то в этих рамках возникает проблема этического обоснования такого сосуществования.

Таким образом, если технологии все же достигнут необходимого для создания полноценного ИИ, уровня развития, то у человечества возникнет великое множество этических, юридических, демографических и социальных проблем, над решением которых необходимо задумываться уже сейчас, так как технологии развиваются стремительно, и зачастую невозможно всесторонне и своевременно оценить потенциальные риски.

Литература

1. Негодяев И. А. На путях к информационному обществу / И. А. Негодяев. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. — 256 с.
2. Васильев В. В. Трудная проблема сознания / В. В. Васильев. — М.: Прогресс-Традиция, 2009. — 269 с.
3. Тьюринг А. Вычислительные машины и разум // Глаз разума / Д. Хофштадтер, Д. Деннетт. — Самара: Бахрах-М, 2003. — С. 47—59.
4. Синица А. С. Морально-этические аспекты теории искусственного интеллекта // Молодой ученый. — 2015. — №18. — С. 419-423.
5. Пенроуз, Р. Новый ум короля. О компьютерах, мышлении и законах физики. — М.: Эдиториал УРСС, 2003. — 101—140с
6. Гаврик Д. Ф., Михайлова Т. Л. «Геделевский Аргумент» против создания искусственного интеллекта, НИТУ.
7. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Тамбов: Грамота, 2015. № 2 (52): в 2-х ч. Ч. II. С. 130—132.
8. Азимов, Айзек. Эссе № 6. Законы роботехники //Мечты роботов. — М.: Эксмо, 2004. — С. 781—784.

УДК 101:316.3

Философский взгляд на перспективы развития системы отношений человек-машина

Philosophical view on the prospects of the system of human-machine relations

Загутин Д. С., доктор философских наук, доцент, профессор, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет» (ДГТУ)

Zagutin D. S., Doctor of philosophy, associate professor, professor, Federal state budget educational institution of higher education «Don State Technical University» (DSTU)

Аннотация. Статья посвящена особенностям взаимодействия человека и техники на примере социализации молодежи в условиях трансформирующихся, быстро развивающихся технологий. Общей тенденцией социализационных траекторий современной российской молодежи, в частности, является проблема поиска, определения смысла своей жизни. Обозначены противоречия, с которыми приходится сталкиваться молодежи в процессе своего становления как личности.

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of man-machine interaction, on the example of socialization of young people in the conditions of transforming, rapidly developing technologies. The general trend of socialization trajectories of contemporary Russian youth, in particu-

lar, is the problem of finding and determining the meaning of one's life. The contradictions with which young people have to face in the process of their becoming as individuals.

Ключевые слова: социализация, технологический детерминизм, российская молодежь, изменяющееся российское общество.

Key words: socialization, technological determinism, legal socialization of the Russian youth, the changing Russian society.

Актуальность данной темы, обусловлена тем, что на современном этапе развития общества возникают ранее не известные, устойчивые интерактивные функциональные отношения техники и человека, которые требуют даже не столько изучения, сколько осмысления. Отношения «человек-техника» не только детерминируют изменения человеческой природы, но и определяют новые условия и возможности личностной идентификации.

Технические системы, с каждым годом развиваясь, становятся технологичнее, решая все более сложные задачи во всех сферах жизнедеятельности общества. При этом образовательный уровень среди молодежи падает, понятие «моральной ответственности» утрачивает свое основное, фундаментальное значение. Необходимо отметить, что это общемировой тренд и неразрешимое в рамках ныне существующих общественных систем противоречие, которое формулирует вопросы для каждого человека:

— А зачем все это нужно?

— Куда идем?

— И что будет дальше?

В поиске оптимальных путей социализации молодежи в системе взаимодействия человек-техника необходимо ориентироваться на вектор развития общества: обеспечить переход от общества глобального потребления к обществу глобального развития.

В современной научной сфере, раскрывая вопросы, описывающие систему человек-техника, на наш взгляд, не корректно используется термин «техносфера», это приводит к путанице в понимании этой системы. Всемирная энциклопедия по философии определяет техносферу как сферу, которая производит и распределяет блага в соответствии с изменениями в социо- и инфосферах, и в свою очередь, влияющая на сферу власти и психосферу общества и индивидов [1].

Раскрывая взаимодействие системы человек-техника, в рамках идеи гуманизации техники, с целью осмысления своей жизни или поиска смыслов, следует опираться на понятие технологического детерминизма. Именно данный термин является основополагающим, а не термин техносфера.

Основной детерминантной социально-экономических и иных изменений в обществе являются более или менее крупные сдвиги в технике и технологической системе производства. Однако, слово «технология» означает «не столько машины и инструменты, сколько то представление о мире, которое руководит нашим восприятием всего существующего» (Дж. П. Грант) [1].

Именно технологический детерминизм стремится соотнести категорию «технология» с ключевыми понятиями философской рефлексии — цивилизация, культура, прогресс, ценности, идентификация, в то время как «техносфера» производит и распределяет блага.

В настоящее время в философии, стремясь понять современного человека, в новом контексте — в ракурсе онтологического смысла его существования, в ракурсе налагающийся на него ответственности самопонимания, учёные проделывают глубокий анализ в философии техники XX вв. и ранее, при этом упускают из виду современные тенденции трансформации современного общества в ракурсе онтологического смысла.

Если брать основные тенденции в современной технике и технологиях, то следует обратить внимание на тот факт, что весь развитый мир пережил 4 промышленные революции, последняя четвертая называется «зеленой» [3]. Основная задача этой революции порвать связь между ростом экономики и увеличением ресурсопотребления, в том

числе и через превращение отходов и продуктов производства во вторичное сырье, т.е. рециклинг. Если брать во внимание тенденции развития общества, то сегодня очевидно моделирование нового типа общества из digital-поколения, которое не чувствует границы между реальным миром и виртуальным, в сознании этого поколения один мир является продолжением другого, что вполне объективно формирует противоречия в системе ценностей, морали и, как следствие, все это является средой в формировании конкретных смыслов жизни, отличных от смыслов предыдущих поколений [3].

Развитие общества по модели постиндустриального или информационного, как его еще называют, не отвечает общим тенденциям становления более развитых цивилизаций, отсюда мы наблюдаем различные подходы в формировании смыслов жизни, и прежде всего мы это можем наблюдать среди молодежи разных цивилизаций, этносов и государств. Этот факт не находит должного внимания в среде исследователей философии техники.

Моделируемые на компьютере и создаваемые в реальности города будущего или как они называются новые мегаполисы (работа Бенуа Лаборда «Города будущего» Саудовская Аравия, Южная Корея, Китай) строятся по принципу компьютера, и здесь будут возникать новые вызовы в формировании смысла жизни человека нового типа, с новыми ценностями, новой моралью. Здесь мы сталкиваемся с противоречием: насколько современная реальность и ближайшее будущее согласуются с эстетико-философскими концепциями философии техники XX века. Не является ли они отрицанием основных тенденций развития современного общества?

Рим, разрушаемый варварами — это не только исторический факт и драматически-трагический сюжет в искусстве, это еще и философская закономерность. Эта философская закономерность также должна быть продемонстрирована на современном этапе.

По скромным прогнозам, деградация человечества начнется с момента стабилизации количества образованных людей на планете (с дальнейшим их уменьшением до достаточно узкой касты). Тут прямая аналогия с экспоненциальным отмиранием нейронов человека. Учитывая сокращение населения в развитых странах, деградация человечества идет полным ходом, и процесс этот необратим. Мы стереотипно считаем, что человечество твердо и неуклонно идет вперед по пути прогресса, штампуя новые версии айфонов», однако в силу современных тенденций вырисовывается две кривые, одна по экспоненте идет вверх — это технологии, направленные на создание искусственного интеллекта (к вопросу о смысле жизни), а вторая кривая по экспоненте идет вниз — это общечеловеческий интеллект [3].

В данной реальности и намеченной перспективе современной философии следует ответить на вопрос: человек это нечто или ничто в надвигающемся будущем? Это поможет найти смысл личной идентичности, опираясь, как мне кажется, на диалектический подход.

Сегодня через философию важно показывать молодежи анализ личностного бытия, его связь с материальным, духовным, социальным и ноуменальным бытием. Необходимо показывать историческое становление человека как личности через призму развития инженерной мысли, наглядно демонстрировать изменения ценностно-смыслового контекста с точки зрения философии, по мере развития технологий, техники.

В современных условиях молодежь все чаще рассматривается как важнейший стратегический ресурс государства. Именно в этой особой категории граждан фокусируются перспективы не только социально-экономического роста, но и суверенитета, устойчивого развития российского общества, осуществления государственной внешней и внутренней региональной политики, развития духовно-нравственного потенциала. Инновационный путь развития российского социума также в значительной степени будет зависеть от молодежи.

Воспитание молодого поколения россиян в технической сфере в данный период общественного развития оказывает значительное воздействие на обеспечение промышленной безопасности страны. Эффективность технического воспитания молодежи в про-

цессе формирования мировосприятия зависит от потребности молодежи стремиться к повышению собственного творческого потенциала.

Литература

1. Всемирная энциклопедия: Философия / Главн. научн. ред. и сост. А. А. Грицанов. — М.: АСТ, Мн.: Харвест, Современный литератор, 2001. — 1312 с.
2. Загутин Д. С., Нагнибеда Б. А., Самыгин С. И. Становление экологической безопасности России через подготовку инженеров в системе многоуровневого образования Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2018. — № 1. С. 28—32.
3. Загутин Д. С. Производственная безопасность. / Отв. редактор А. П. Бандурин. Москва, 2017.
4. Загутин Д. С., Нагнибеда Б. А., Самыгин С. И. Проблемы развития социальной экологии в аспекте обеспечения промышленной безопасности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2017. — № 8—9. — С. 40—44.
5. Загутин Д. С. Возрождение России через лидерство в новой промышленной революции // Вестник непрерывного образования. — 2016. — № 1. — С. 12—20.
6. Загутин Д. С., Фокин Н. И. Проблемы информационной безопасности личности в современных условиях // Вестник непрерывного образования. — 2016. — № 2. — С. 17—22.
7. Загутин Д. С., Горбаткова Н. В., Исаханян А. В. Роль материальных и духовных ценностей в формировании творческих качеств молодежи (применительно к работе с молодежными организациями и объединениями) // Вестник непрерывного образования. — 2016. — № 1. — С. 66—73.
8. Загутин Д. С., Нагнибеда Б. А., Самыгин С. И. Производственные инновации в контексте промышленной безопасности России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2016. — № 8—9. — С. 77—81
8. Загутин Д. С. Мировоззренческие аспекты развития философии техники // Образование. Наука. Инновации: Южное измерение. — 2013. — № 2 (28). — С. 116—124
9. Загутин Д. С., Нагнибеда Б. А., Самыгин С. И. Становление техногенной культуры инженеров в формате промышленной безопасности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2016. — № 10. — С. 65—68.
10. Культурология для студентов ВУЗов / К. В. Воденко, Д. В. Волкова, И. Ф. Денисенко, Д. С. Загутин, А. Т. Латышева и др. — Ростов-на-Дону, 2014.
11. Самыгин С. И., Колесникова Г. И., Загутин Д. С. Организация научно-исследовательской и педагогической деятельности в области управления персоналом. — Ростов-на-Дону, 2015. Сер. Высшее образование.
12. Загутин Д. С. Практический опыт реализации процесса интеграции дополнительного образования и ВУЗА // Культурная жизнь Юга России. — 2010. — № 1. — С. 36.

УДК 330.16:004.4

О влиянии искусственного интеллекта на особенности потребления продукции средств массовой информации**On the impact of artificial intelligence on the characteristics of media consumption products**

Пернацкая О. О., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации — магистрант, программа «Социальное проектирование в системе управления»; Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского — экстерн
Pernatskaia O. O., The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (graduate student); Crimean Federal V. I. Vernadsky University (external student)

Аннотация. В статье рассмотрены тенденции применения искусственного интеллекта в средствах массовой информации и вопросы потребления людьми машинно-созданной информации.

Abstract. The article examines trends in the use of artificial intelligence in the media. Consumption of computer-generated information is discovered.

Ключевые слова: искусственный интеллект, средства массовой информации, потребление культурных благ, бюджет времени.

Key words: artificial intelligence, media, cultural consumption, time budget.

Одна из сфер, традиционно относимых к культурным отраслям (по некоторым классификациям — «креативным»), — это деятельность средств массовой информации, издательский бизнес. ЮНЕСКО для статистических целей, сейчас использует схему группировки культурных отраслей 2009 года (the 2009 UNESCO Framework for Cultural Statistics — FCS), в которой выделено производство товаров/услуг, соответствующих «публикации газет, журналов и периодических изданий», в которое включены как издание печатных, так и электронных средств массовой информации [1, с. 53]. Вполне логично, что и в перечень занятий в сфере культуры включены профессии журналиста и специалистов в сфере рекламы [1, с. 75].

С развитием искусственного интеллекта и внедрения его в издательскую деятельность, особенно электронных СМИ, понятия «креативность», «производство культурных благ», «творческая профессия» дополняются новыми смыслами. Возникают вопросы: «может ли быть креативной машина» и «кого считать творцом?»

Сейчас количество доступной информации таково, что невозможно прочитать и запомнить всё, использовать в работе или для культурного потребления. Автоматическое структурирование информации, автоматизация ее отбора облегчает работу, уже невозможно, как раньше, делать это силами живых людей. Но это было только первым этапом использования компьютерной обработки информации в медиа-сфере. Сегодня работают машинные системы, действующие по технологиям, называемых «искусственным интеллектом», подбирают индивидуальные списки для чтения, делают интерпретации данных, создают тексты для газет и журналов, которые по своей природе предназначены для чтения живыми людьми, должны вызывать эмоции, претендуют на креативность. Центральное понятие искусственного интеллекта — это «машинное обучение» (machine learning, ML), которое предполагает улучшение алгоритмов принятия решений на основе опыта, то есть обработки большого объема данных.

В сфере СМИ появление систем искусственного интеллекта объясняется просто: это экономит время при написании текстов, размещении рекламы и в конечном счете — деньги издателя, потому что не надо содержать большой штат работников.

Системы искусственного интеллекта активно используются в рекламе, когда контекстные объявления, размещаемые популярными поисковыми системами и социальными сетями, подстраиваются под пользователя, с учетом того, какие страницы он посещает, какие поисковые запросы вводит, какими мобильными приложениями пользуется. Отдельно можно выделить так называемые «ленты новостей» в соцсетях и новостных сервисах — автоматически подбираемая совокупность новостей и других единиц информации, подстраивающаяся под каждого пользователя, то есть формирующая персональную для каждого человека ленту новостей. Также крупными СМИ используются специальные боты для написания заметок о результатах спортивных соревнований, потому что в этом случае невозможно отличить то, что было создано человеком от того, что было написано машиной. Все шире искусственный интеллект применяется в корректуре и для помощи переводчикам. Ведутся исследования по использованию искусственного интеллекта для оптимизации рецензирования научных изданий [2, с. 5]. А при анализе использования электронных ресурсов оказывается, что, к примеру, в академической сфере более половины трафика создается веб-роботами [3, с. 1].

При размещении рекламы основная цель — это максимизировать количество просмотров и кликов (нажатий на объявления). Для площадок электронных СМИ задачей может являться максимально долгое удержание читателя в пределах электронного ресурса. И здесь мы наблюдаем интересный эффект: со стороны издателя есть тенденция максимального сокращения времени на производство информации, предназначенной для потребления пользователя (новости, статьи, заметки, изображения и т.п.), а направлены эти действия на то, чтобы максимально увеличить время, проводимое читателем за потреблением данной информации. Я намеренно не использую здесь слово «чтение», потому что состояние, в котором находится потребитель информации электронного ресурса, не всегда можно назвать чтением в классическом понимании этого слова, потому что задействованы эмоции, простейшие психологические реакции, особенности восприятия.

Получается, что предлагаемая информация делается машинами или предлагается машиной, а тратит время на ее потребление человек, субъект, обладающий сознанием и критическим мышлением, которое отсутствует у систем искусственного интеллекта, вынужденный потреблять информацию, подготовленную машиной. Можно рассматривать это с позиции того, что автоматический подбор информации, которая подходит конкретному человеку — это благо, а можно и с противоположной: данные действия — это искусственное навязывание чего-то, что может повредить или иным образом повлиять. Сложно определить — воспринимающий информацию делает свой собственный выбор в пользу того, чтобы в его распоряжении были современные инструменты, которые наиболее соответствуют его пристрастиям, или же его воля подавляется искусственно и предлагается типовой вариант потребляемой информации.

Наиболее динамично развивающийся сектор — это тот, где легче размещать рекламу: информация, связанная с отдыхом и развлечениями, а также социальные сети. В то же время есть и другие сферы потребления информации, например, обучение. За последние несколько лет сектор онлайн-обучения значительно расширился: это международные платформы Coursera, EdEx, российские OpenEdu.ru, Универсариум, Лекториум; собственными площадками дистанционного образования располагают крупные вузы. Распространенная проблема онлайн-курсов — это малый процент окончивших обучение по сравнению с теми, кто записался. Обучение, даже пассивное, предполагает применение некоторых волевых усилий, в то время как при потреблении развлекательной информации этого нет. Во втором случае не может быть иначе, так как отдых — необходимая часть жизни человека, развлечения для этого и создаются. А перед платформами онлайн-образования, в связи с описанной ситуацией, сейчас стоят задачи даже не конкуренции между собой, а конкуренции с социальными сетями и новостными агрегаторами,

потому что бюджет времени людей ограничен, и он может быть использован только на определенное количество действий, совершаемых онлайн.

В глобальном измерении можно говорить даже об эффективности общечеловеческих затрат времени: как на территории той или иной страны, региона люди используют время, проводимое в сети. Чтобы узнать это, нужно понимать кто регулирует поступление информации, влияет на выбор людей. В многочисленных статьях на тему искусственного интеллекта излагаются рассуждения о том, что будет, когда разработают и внедрят по-настоящему сложный искусственный интеллект, сопоставимый с человеческим. Такого еще нет и, на наш взгляд, долго не будет, а, возможно, не будет никогда. Но следует обратить внимание на процессы, которые происходят прямо сейчас и необратимо влияют на характер информационного потребления значительной части людей. На определенном этапе развития радио и телевидения применялось и применяется до сих пор государственное регулирование, в том числе ограничения по объему вещания, количеству рекламы, содержания информации, транслируемой в определенное время. То же самое будет происходить по мере более широкого внедрения искусственного интеллекта в электронные средства массовой информации — если не в форме законодательных ограничений, то в форме государственной политики. Невозможно это сделать теми же методами и применяя те же ограничения, что и в традиционных СМИ. Но по мере увеличения информации, поставляемой искусственным интеллектом, все чаще будут возникать вопросы о том, сколько машинно-созданной информации и какого характера можно поставлять людям.

Литература

1. The 2009 UNESCO Framework for Cultural Statistics (FCS) / Montreal: UNESCO Institute for Statistics, 2009, 98 p. URL: <http://uis.unesco.org> (дата обращения 09.05.2018).
2. Mrowinski M. J., Fronczak P., Fronczak F., Ausloos V., Nedic O. Artificial intelligence in peer review: How can evolutionary computation support journal editors? // ArXiv.org. — 02.12.2017. — URL: <https://arxiv.org/abs/1712.01682v1> (Дата обращения 10.05.2018).
3. Lagopoulos A., Tsoumakas G., Papadopoulos G. Web Robot Detection in Academic Publishing // ArXiv.org. — 14.11.2017. — URL: <https://arxiv.org/abs/1711.05098v1> (Дата обращения 10.05.2018).

VIII ГОРИЗОНТЫ МЕДИЦИНЫ

УДК 614.253+616-053.31+179.7

Биоэтические вопросы эвтанази в современной медицине

Euthanasia Bioethical Issues in Modern Medicine

Рыбалко О. Н., аспирант 1 года обучения кафедры педиатрии, физиотерапии и курортологии Медицинской академии им. С. И. Георгиевского Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского

Rybalko O. N., 1 year postgraduate student, Department of Pediatrics, Physiotherapy and Health Resorts, S. I. Georgievsky Medical Academy Crimean Federal V. I. Vernadsky University

Аннотация. В настоящее время наблюдается устойчивая тенденция к легализации эвтанази в современном обществе, которая наталкивается на активное сопротивление православной церкви. В некоторых штатах США и странах Европы эвтаназия разрешена законодательно. В России эвтаназия является причиной многих дискуссий междисциплинарного характера. Анализ данного вопроса привел нас к выводу: целесообразно следовать естественным процессам умирания, предусмотренным природой человеческого бытия, и облегчать страдание и течение тяжелых заболеваний посредством паллиативной помощи, развитие и распространение которой необходимо в нашем государстве.

Abstract. Nowadays the strong tendency to euthanasia legalization were presented in modern society, however Orthodox Church against this process. The active euthanasia has legislative permission are some USA states and Europe countries. Simultaneously, this phenomenon creates a great deal of interdisciplinary discussion in Russia. According to analyze of this question, the following natural dying process coded in human nature and reasonably providing palliative care should be our choice instead of euthanasia in our society.

Ключевые слова: пассивная, активная эвтаназия, биоэтика, смерть, права человека.

Key words: passive, active euthanasia, bioethics, death, human rights.

Люди умирают в результате различных болезней, несчастного случая или по естественным причинам. Одни уходят из жизни быстро и безболезненно, другие проходят годы боли и страданий. Существует такая группа пациентов, которые должны были умереть, но живут посредством современных специальных технологий жизнеобеспечения. Правильно ли применение таких технологий? Можно ли освободить от страданий умирающих людей? Это риторические вопросы, на которые нет ответов. Впервые практика эвтанази применялась в первобытных обществах. Древнегреческая Спарта, Сократ, Платон и философы-стоики от Зенона до римского философа Сенеки оправдывали умерщвление очень слабых и тяжело больных людей даже без их согласия. Однако, Аристотель, пифагорейцы были противниками умерщвления тяжело больных людей [1]. Представители христианства, Блаженный Августин, Фома Аквинский в своих трудах отрицали эвтаназию. В протестантизме самоубийство не считается непросительным грехом, но при этом утверждается, что решение о судьбе души в вечности принадлежит одному Богу, а, следовательно, только Господь может судить самоубийцу [2, 3]. В течение XIX века Ф. Бэкон призывал врачей к помощи умирающим и сформулировал этическую норму [4]. В конце XIX — начале XX века начались дебаты о допустимости эвтанази

в России, в результате которых не было принято однозначное решение. После Второй Мировой войны общественное мнение во всем мире стало резко отвергать эвтаназию. Проблема эвтаназии вновь оказалась в центре внимания в XX веке в связи с развитием новых медицинских технологий, утверждением в медицинской практике права пациента на автономный выбор, появлением общественных движений [5].

В зарубежной литературе термин эвтаназия характеризуется как ускорение смерти тяжело и неизлечимо больного, осуществляемое по его воле или по решению уполномоченных им близких. Существует несколько видов эвтаназии. Пассивная эвтаназия — это отказ от продолжения лечения или его начала самим пациентом. В свою очередь, активная эвтаназия — это преднамеренное вмешательство с целью прервать жизнь пациента.

Данный феномен имеет определенный юридический аспект, который отражен в законодательных актах. Согласно 45-й статье «Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан» эвтаназия представляет собой удовлетворение медицинским персоналом просьбы больного об ускорении его смерти какими-либо действиями или средствами, в том числе прекращением искусственных мер по поддержанию жизни, но лицо, которое сознательно побуждает больного к эвтаназии и (или) осуществляет эвтаназию, несет уголовную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации. В 33-й статье вышеуказанного законодательства определено, что гражданин имеет право отказаться от медицинского вмешательства или потребовать его прекращения. При отказе гражданину или его законному представителю в доступной для него форме должны быть разъяснены возможные последствия. Отказ от медицинского вмешательства с указанием возможных последствий оформляется записью в медицинской документации и подписывается гражданином либо его законным представителем, а также медицинским работником [6, 7].

При анализе отечественных и зарубежных источников литературы были выделены следующие аргументы за активную эвтаназию: человеку должно быть предоставлено право самоопределения; человек должен быть защищен от жестокого и негуманного лечения; человек имеет право быть альтруистом, имеет право на самопожертвование; экономический аргумент — снижение затрат государства на содержание бесперспективных больных. Также были выделены аргументы против активной эвтаназии: покушение на непреходящую ценность, каковой является человеческая жизнь, несовместимость с врачебным призванием, возможность диагностической и прогностической ошибки врача, случаи самопроизвольного излечения; риск злоупотребления со стороны родственников и персонала [1, 8]. Вероятно, пассивная эвтаназия широко используется в медицине, только в большинстве случаев именуется, как отказ пациента от обследования и лечения при терминальных стадиях заболевания. Относительно необходимости активной эвтаназии в современной медицинской практике однозначного ответа нет. Но опираясь на категорический императив Канта, врачи любой специальности смогут принять верное решение при работе с бесперспективными пациентами. Благодаря наличию воли человек может совершать поступки, исходя из принципов. Если человек устанавливает для себя принцип, зависящий от объекта желания, то такой принцип не может стать моральным законом, поскольку достижение такого объекта всегда зависит от эмпирических условий [9]. Следует помнить, что только безусловный принцип, не зависящий от всякого объекта желания, может иметь силу подлинного морального закона. Врач должен помнить о своем моральном долге, который заключается в лечении и облегчении страданий пациента.

Литература

1. Введение в биоэтику. /Под ред. Б. Г. Юдина, П. Г.Тищенко. М., 1998.
2. Августин. Творения. / Пер. Киевской духовной академии (1879—1908, в 11 ч.), Сост. С. И. Еремеева. — СПб.: Алетейя — Киев: Уцимм-пресс, 1998.

3. Бандуровский К. В. Бессмертие души в философии Фомы Аквинского. М.: РГГУ, 2011. — 328 с.
4. Иванцов, Н. А. Франциск Бэкон и его историческое значение / Н. А. Иванцов // Вопросы философии и психологии. — М., 1899. — Год X, кн. 49 (IV) — С. 560—599; год X, кн. 50 (V) — С. 794—860.
5. Кондратьев В. Ф. Православно-этические аспекты эвтаназии / Сборник церковно-общественного совета по биомедицинской этике. Вып. 1. М., 2
6. Уголовный Кодекс РФ (действующая редакция). // СПС Консультант-плюс.
7. «Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан» (действующая редакция). // СПС Консультант-плюс.
8. Глушков В. А. Социологические и правовые аспекты эвтаназии. // Вопросы права. 2002. — №2.001. — С. 28.
9. Кант Иммануил. Основы метафизики нравственности // Сочинения в шести томах. — М.: «Мысль». — Т. 4. Ч. I. — С. 211—310.

УДК 122/129

Врачебная тайна сегодня — миф или реальность?

Medical mystery today — myth or reality?

Kiselev B. M., аспирант 1 года обучения кафедры биохимии Медицинской академии имени С. И. Георгиевского Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского

Kiselev V. M., the 1st year post-graduate student department of biochemistry S. I. Georgievsky Medical Academy, Crimean Federal V. I. Vernadsky University

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые проблемы философии медицины, а именно, вопросы врачебной тайны и коммуникативного взаимодействия между врачом и пациентом. Представлен алгоритм на основе Калгари-Кэмбриджской модели медицинской коммуникации, помогающий врачам в своей практике оглашать информацию о состоянии здоровья пациентам с соблюдением врачебной тайны.

Abstract. The article deals with the key problems of the philosophy of medicine, namely, questions of medical secrecy and communicative interaction between the doctor and the patient. An algorithm based on the Calgary-Cambridge model of medical communication is presented, which helps doctors in their practice to disclose information about the state of health of patients with observance of medical secrecy.

Ключевые слова: врачебная тайна, медицинская коммуникация, диагноз, клятва врача, здоровье, болезнь, философия медицины.

Key words: medical mystery, medical communication, diagnosis, doctor's oath, health, illness, philosophy of medicine.

В современной системе здравоохранения навыки эффективной коммуникации между врачом и пациентом в процессе оказания медицинской помощи приобретают особую актуальность, так как они стимулируют комплаенс и улучшение клинически значимых исходов, повышают удовлетворенность пациентов и врачей процессом и результатом медицинской помощи, обеспечивают врачебную тайну [2]. В сфере охраны здоровья валидным индикатором качества медицинской помощи в отношении оказанных медицинских услуг выступает количество жалоб пациентов. Статистический анализ структуры жалоб

эксплицирует, что «90% конфликтов возникает из-за неумения врача объяснить пациенту или его близким информацию о состоянии здоровья» [5].

Благодаря руководствам, разработанным специалистами медицинского факультета Кембриджского университета и университета канадского города Калгари, существуют алгоритмы, которые, например, помогают врачам проводить коммуникации с пациентами в таких сложных вопросах, как «breaking bad news», то есть в деликатном сообщении неприятных новостей. Это психологически достаточно сложно сделать любому врачу, в связи с этим возникает ряд вопросов из раздела философии медицины: как врачу сообщить пациенту его диагноз? нужно ли вообще пациенту знать о своем диагнозе или не нужно? можно ли сохранить в тайне диагноз от самого пациента? и врачебная тайна сегодня — это миф или реальность? Однозначные ответы найти очень сложно. Но данная работа — попытка найти их, руководствуясь научными знаниями, опытом врачей-специалистов, взглядами на данные аспекты обычных людей, мнениями пациентов, знаниями и взглядами экспертов в области медицины, психологии, философии, этики, юриспруденции.

Поиск ответов на поставленные вопросы выходит на проблему понимания такого состояния организма человека, как здоровье и болезнь. Их выяснение — это отдельная сложная проблема. Но, по нашему мнению, большинство образованных людей сегодня заботятся о своем здоровье, чтобы не болеть и прожить долгую, счастливую жизнь. Не секрет, что здоровье каждого человека в его руках. Каждый человек может пройти обследование, чтобы на конкретный момент времени с помощью врачей и современной диагностики найти отклонения от показателей нормы здорового состояния организма. На здоровье каждого из нас влияет множество факторов, например: генетика, питание, образ жизни, факторы внешней среды. И какой из этих факторов будет решающим в возникновении заболевания, никто точно сказать не может. И если симптомов заболевания еще нет, это не означает, что человек здоров. Нужны какие-то индикаторы болезней, чтобы на ранних бессимптомных этапах сигнализировать об этом. Поэтому так важна периодическая диспансеризация и раннее выявление отклонений. Ведь не секрет, что ученые всего мира пытаются найти такой универсальный способ диагностики заболеваний и такой универсальный метод лечения заболеваний, которые бы смогли вовремя помочь пациенту и спасти ему здоровье и жизнь. Таким образом, имеется тенденция в медицине к тому, чтобы люди не болели, а оставались всегда здоровыми. Но это звучит фантастически. В реальном мире, конечно же, люди болеют. На это есть множество причин, которые, порой, не до конца изучены. Для этого в медицине существует международная классификация болезней, согласно которой все врачи выставляют диагноз. Но поставить диагноз это одна проблема, другая — как его сказать пациенту? Еще Гиппократ говорил, что лечение может иметь успех только тогда, когда пациент доверяет врачу: «Окружи больного любовью и разумным убеждением, но, главное, оставь его в неведении того, что ему предстоит, и особенно того, что ему угрожает» [1]. Выдающийся врач древней Сирии Абуль-Фарадж так говорил своему больному: «Нас трое — я, ты и болезнь; если ты будешь на моей стороне, нам двоим будет легче одолеть болезнь» [1]. Больной в буквальном смысле доверяет врачу свою жизнь. Поэтому любое слово врача и заключение — это либо приговор, либо спасение. В связи с этим так важна правильная коммуникация, правильно подобранные невербальные и вербальные способы передачи информации. Важным аспектом в этом является и врачебная тайна — тайна между врачом и пациентом, которая является тем самым мериллом доверия. Именно поэтому все врачи дают Клятву Гиппократа, в которой заложены основные принципы поведения врача с пациентом, и врач клянется в своей профессиональной деятельности хранить врачебную тайну. В Российской Федерации (РФ) данный аспект юридически задокументирован в Федеральном законе от 21.11.2011 N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ», а именно в статье 13 «Соблюдение врачебной тайны», в части 1 статьи 150 Гражданского кодекса РФ, в статье 10 Федерального закона N 152-ФЗ «О персональных данных», и врач обязан соблюдать закон [6]. В связи с этим врачебная тайна является правовым медицинским,

социальным, этическим понятием, запрещающим работникам медицинской сферы разглашать третьим лицам информацию о состоянии здоровья больного, его диагноз, результаты обследований, сам факт обращения за помощью к врачу и данных о личной жизни, которые получены во время обследования и лечения. При этом сообщение врачом данных про состояние здоровья самому больному не приравнивается к разглашению врачебной тайны с точки зрения права. Не разрешается разглашать врачебную тайну в том числе после смерти человека.

Врачебная тайна — это не только юридическое и нравственное понятие, но и философское. Это понятие, отражающее мораль и мировоззрение социума во взаимоотношениях между пациентом и врачом. Хотя отношение социума к врачебной тайне в различные эпохи менялось, практически все великие врачеватели, гуманисты и философы считали ее соблюдение одним из важнейших принципов врачебной деятельности. Ветхий Завет наставлял: «Открывающий тайны потерял доверие и не найдет друга по душе своей» (Сирах), но уже в Новом Завете указано: «Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, и ничего не бывает потаенного, что не вышло бы наружу» (Евангелие от Марка) [1]. «То, что скрываешь от врага, не сообщай и другу, ибо нет гарантии, что друг будет длиться вечно» (Абуль-Фарадж) [1]. В «Клятве Гиппократа», великого древнегреческого врача, философа указано: «Чтобы при лечении — а также и без лечения — я не увидел или не услышал касательно жизни людской из того, что не следует когда-либо разглашать, я умолчу о том, считая подобные вещи тайной» [7]. По аналогии с «Клятвой Гиппократа» в начале XX в. была составлена и сестринская «Клятва Флоренс Найтингейл».

Известный врач-терапевт М. Я. Мудров в «Слове о способе учить и учиться медицине практической» говорил: «Хранение тайны и скрытность при болезнях предосудительных; молчание о виденных или слышанных семейных беспорядках. Язык твой, сей малый, но дерзкий уд, обуздай на глаголы неподобные и на словеса лукавствия» [1]. Очень радикальное отношение выражал А. Ф. Кони. Он считал, что в случаях серьезной угрозы социальным интересам ограничение на разглашение врачебной тайны перестает существовать, то есть «врач может считать себя нравственно и юридически свободным от сохранения обнаруженной им или сообщенной ему тайны пациента» [1]. Выступая в 1893 году перед обществом дерматологов и сифилидологов, он говорил, что «если больной сифилисом не поддается уговорам не вступать в брак, из-под оболочки врача должен выступить гражданин» [7]. Его ярким оппонентом был В. А. Манассеин — ученик С. П. Боткина. Манассеин стоял за абсолютное сохранение врачебной тайны при всех обстоятельствах [1]. Его отношение к больным сифилисом было следующим: «Как ни ужасно молчание в подобном случае, но мы лично все-таки стояли бы за сохранение тайны больного в интересах общества; стоит только разгласить тайну во имя самого высокого дела, и десятки, и сотни сифилитиков побоятся лечиться и тем самым сделаются рассадниками сифилиса в самых обширных размерах» [7].

Существуют различные этические проблемы болезней, в том числе «социальных заболеваний»: наркомании, алкоголизма, суицида, ВИЧ-инфицированности, СПИДа. Важную роль играют здесь проблемы сохранения врачебной тайны. В отдельную группу заболеваний следует отнести онкологические заболевания. Это, к сожалению, одни из ведущих заболеваний по смертности. В таком случае как правильно соблюдать врачебную тайну? Стоит ли пациенту знать о своей проблеме? На этот вопрос существуют два мнения. Но большая часть опрошенных нами людей считает, что да, стоит знать. Многие пациенты сказали, что они однозначно хотели знать свой диагноз, узнав, узнав, конечно, расстроены, но после этого им было легче осознать свое состояние. Потому что на этом этапе жизни, узнав свой диагноз, они стали больше ценить жизнь, стали бороться за свою жизнь, и это им помогло преодолевать трудности, связанные с заболеванием. Они стали совершенно по-другому смотреть на все. Ведь, если бы они не знали правды, то не понимали бы изменений состояния своего организма и не ценили бы так свою жизнь.

Однако существует и обратная сторона знаний диагноза — это нежелание бороться за жизнь, узнав, что имеют заболевание, с которым трудно справиться, а, возможно, и

нельзя справиться. Они порой просто отказываются от лечения, которое могло им помочь. Они просто ждут в отчаянии своего часа. В таких случаях сообщение диагноза врачом пациенту должно быть оценено со всех сторон, в первую очередь, со стороны состояния психики пациента, его адекватной реакции. Учитывая, что врач обязан сообщить пациенту его диагноз и сохранить врачебную тайну, существует некоторая особенность: 1) когда пациент хочет знать свой диагноз; 2) когда пациент не хочет знать свой диагноз. И тут решение уже принимает сам пациент, знать ему диагноз или не знать, согласовав свое решение с лечащим врачом.

Я, как врач, большинство моих коллег, считаем, что сегодня врачебная тайна — это не миф, это реальность. Врачебная тайна была, есть и обязательно должна быть, и пациент должен знать свой диагноз, потому что рано или поздно все тайное станет явным. Ведь скрыв от пациента его диагноз, можно оказать ему «медвежью услугу». Но желание пациента не знать свой диагноз — это его осознанный выбор. В Америке еще с 50-х годов врачи ушли от сокрытия точного диагноза онкологическим больным и говорят диагноз больным напрямую. Американцы руководствовались при этом следующим мнением: пациент сам решает, знать ему или не знать свой диагноз не потому, что его решение более разумное, а потому, что это его решение, выберет он жизнь или смерть — это его выбор, поэтому ему и отвечать за это, а врач обязан не лишить этого права пациента, сказав ему о состоянии здоровья всю правду. В РФ по закону врач обязан сообщить диагноз пациенту, а пациент вправе узнать свой диагноз. При этом пациенту можно отказаться от знания своего диагноза. Законодательно это не отрегулировано, это зависит от личной договоренности об этом между врачом и пациентом.

В заключение хочется сделать вывод, что психология болеющего человека — это психология беззащитного пациента перед судьбой, врачом и болезнью. И главная помощь врача в том, чтобы успокоить пациента, защитить его, вселить ему уверенность в победе над недугом, найти взаимопонимание, грамотно объяснить пациенту или его близким информацию о состоянии его здоровья, соблюдая врачебную тайну. Для этого и был разработан алгоритм на основе Калгари-Кэмбриджской модели медицинской коммуникации, помогающий врачам в своей практике оглашать пациентам диагноз, который включает ряд методик, одними из которых являются протоколы «SPEAKS» и «BREAKS» [2], включающие в себя следующие этапы: 1) настройку и подготовку консультации; 2) оценку восприятия пациента; 3) получение приглашения пациента; 4) предоставление информации пациенту методом «предупреждающего выстрела»; 5) обращение к эмоциям пациента с эмоциональным ответом (практическая и эмоциональная поддержка); 6) наличие тактики и стратегии преодоления проблемы, поиск решений и подведение итогов.

Литература

1. Бобров О. Е. Главная врачебная тайна — квалификация врача / О. Е. Бобров. — Проза.ру. — URL: <http://www.proza.ru/2003/06/05-46> (дата обращения: 05.05.2018).
2. Боттаев Н. А., Горина К. А., Грибков Д. М. и др. Навыки эффективного общения для оказания пациент-ориентированной медицинской помощи // А. Н. Боттаев, К. А. Горина, Д. М. Грибков и др. — РОСОМЕД. — Москва, 2018. — 20 с.
3. Лефевр В. А. Алгебра совести / В. А. Лефевр. Пер. с англ. Викторины Лефевр и Елены Юдиной. — М.: «Когито-Центр», 2003. — 426 с.
4. Никифоров А. Л. Философия и история науки: Учеб. пособие / А. Л. Никифоров. — М.: ИНФРА-М, 2016. — 176 с.
5. Сайт общероссийской общественной организации «Лига защитников пациентов» / URL: <http://ligap.ru/articles/analitika/osoben/ pravo/> (дата обращения: 05.05.2018).
6. СПС КонсультантПлюс / URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 05.05.2018).

7. Философия медицины — самосознание терапии. Вызовы времени и современная российская медицина / Сб. статей и тезисов докладов. Екатеринбург: УГМУ. 2016. — 147 с.

УДК 122/129

Биоэтические аспекты использования животных в медицинских экспериментах

Bioethic aspects of using animals in medical experiments

Гавриченко Ю. Ю., аспирант кафедры медицинской и фармацевтической химии Медицинской академии имени С. И. Георгиевского Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
Gavrichenko Y. Y., the 1st year post-graduate student department of farmachemistry S. I. Georgievsky Medical Academy, Crimean Federal V. I. Vernadsky University

Аннотация. В статье рассматривается влияние постгуманизма на развитие современной биоэтики. В связи с развитием науки и технологии, которые все чаще и все успешнее перечеркивают межвидовые границы, а также расширяют наше знание о других живых существах, биоэтика стоит сегодня перед аналогичными вызовами, как и в период своего становления в качестве научной дисциплины в середине XX века. Новые научные знания, указывающие на нашу близость с миром живого, и постепенный уход от антропоцентризма как новая философская формация требуют изменений в самой биоэтике.

Abstract. The article examines the influence of posthumanism on the development of modern bioethics. In connection with the development of science and technology, which increasingly more and more successfully cross interspecies borders, and also expand our knowledge of other living beings, bioethics is facing today's similar challenges, as it was in the period of its emergence as a scientific discipline in the middle of the twentieth century. New scientific knowledge pointing to our closeness to the living world, and the gradual departure from anthropocentrism as a new philosophical formation require changes in bioethics itself.

Ключевые слова: антропоцентризм, биоцентризм, биоэтика, генная инженерия, животные, постгуманизм, эксперимент.

Key words: anthropocentrism, biocentrism, bioethics, genetic engineering, animals, posthumanism, experiment.

Интенсивный рост медико-биологических исследований в XX веке привел к тому, что в экспериментальных нуждах используется более ста миллионов животных [4, с. 216]. Такое положение усугубляется общим экологическим кризисом и ставит перед обществом вопрос о необходимости ограничить и рационализировать эксперименты на животных в виду того, что наносится вред человеком животному миру, а также с целью разработки и соблюдения этического кодекса по отношению к экспериментальным животным.

Биоэтические проблемы на современном этапе развития медицины и биологии довольно разнообразны, но в рамках данной статьи мы рассматриваем только несколько аспектов, охватывающих сферу этической проблематики отношения человека к животным, которые используются при проведении медицинских экспериментов. Данный вопрос получил в научных кругах довольно широкий резонанс, однако готовое решение так и не найдено, так как в настоящее время сфера использования животных в медицине и биологии для экспериментов располагается в ракурсе двух противоположных концепций — «антропоцентризма» и «биоцентризма».

Антропоцентрические воззрения позволяют человеку неограниченно использовать животных в своих интересах, в том числе и в целях биомедицинских исследований. Биоцентрические позиции определяют место животного мира наравне с человеком, исключая возможность животного быть объектом эксплуатации человека.

Экскурс в историю показывает, что вышеуказанные научные споры имеют многовековую историю и формировались под воздействием различных философских школ Древней Греции и религиозных догм христианства. Древние греки относились к животному как к равноправному существу, тогда как христианские догмы определяли человеку главенствующую роль ввиду бессмертия души и возможности испытывать боль и страдание, тогда как, согласно христианской позиции, боль животного является простой рефлекторной реакцией. Таким образом, данное представление давало человеку право использовать животных в экспериментах, причинять им с научными целями боль и страдания, включая «вживисекцию» (вскрытие живых животных).

Переосмысление отношения к животным произошло благодаря теории эволюции, которая устанавливала связь человека и животного. Данные теоретические положения позволили в начале двадцатого века обосновать протест против вживисекции, выражающийся в широком общественном движении. Наиболее значимым событием в области создания альтернативных этических концепций был выход книги Альберта Швейцера «Культура и этика» в 1924 году, где он обосновывал универсальную этику или биоэтику, «этику благоговения перед жизнью» [1, с. 25]. Одним из основных положений биоэтики стало требование нравственного отношения к животным и природе, при этом человек должен нести моральную ответственность за все живое.

В дальнейшем этическая мысль биоэтики позволила укрепиться в биоцентрическом мировоззрении, в том числе и в сфере церковных догм, новой философии научной этики и создания теории «прав животных» [3, с. 106].

На современном этапе развития науки разрабатываются различного рода биотехнологии, генетически измененные организмы, генетически модифицированные продукты, появились возможности генетической терапии некоторых заболеваний человека, его зародышевых и соматических клеток, получения идентичных генетических копий данного организма и другие, родственные им направления. Генная инженерия как форма генетического вмешательства в природу организма является эквивалентом ранее осуждаемых экспериментов над животными и требует оценки и обсуждения своих этических последствий с точки зрения формирования адекватной реакции общества на возможность и необходимость их использования в рамках биоэтических принципов.

В научном мире доминантной тенденцией является мнение о том, что для научного прогресса необходимы эксперименты на животных, однако при этом такие исследования должны проводиться в соотношении определенных нравственных и этических норм и правил. Требование этичности эксперимента стало обязательным условием его проведения во всех странах и «служит показателем цивилизованности страны» [1, с. 65]. Сейчас ни в одном государстве нет закона, который запрещал бы проводить опыты на животных в научных целях. Целесообразность их проведения не оспаривается, и основное правило, которое действует в области регулирования экспериментов, — они необходимы, если под вопросом стоит человеческая жизнь.

Совершенно очевидно, что разрешение этических проблем экспериментальной науки, или хотя бы подходы к их решению, обусловлены этической компетентностью ученых, проводящих такие эксперименты. При этом биоэтика своей задачей должна ставить не запрещение или наложение моратория на новые и старые биотехнологии, а развитие и нравственное использование их. К примеру, в случае запрещения любых манипуляций с эмбрионами (как человеческими, так и животными) ставится под удар развитие эмбриологии, а значит и на методиках экстракорпорального оплодотворения, на направлении генетически обусловленных заболеваний, передающихся по наследству. Запрет на клонирование людей и животных, создание трансгенных животных в рамках биоэтики может

остановить целое научное направление, и при этом создаст прецедент «нелегальной науки», которая в будущем приведет к отсутствию законодательного и этического контроля над экспериментами геномной инженерии. Современную науку не остановить, в частных условиях лаборатории будут создавать трансгенные мутации (коза-паук, светящаяся кошка), выращивать в животных человеческие органы для трансплантаций и прочие манипуляции, находящиеся на грани этики использования животных в медицинских экспериментах.

В мировой практике были выработаны принципы использования в экспериментах лабораторных животных. Первый из них — принцип переноса, то есть использования вместо целостных живых организмов различных моделей, в том числе изолированных органов. Конечно, далеко не все испытания могут быть исчерпаны такой упрощенной системой.

Второй — минимизация количества используемых в эксперименте животных. Это становится возможным благодаря выращиванию животных именно в лаборатории, где известна их генетика, условия обитания и проч. Такая определенность позволяет использовать в эксперименте от 2 до 5 животных.

Третий — повышение качества экспериментов, что означает, что к экспериментам над животными должен допускаться только высококвалифицированный специалист, осознающий свою ответственность за страдания животных.

Кроме этого, недопустимо проводить эксперименты, повторяющие уже установленные результаты. Если в какой-то стране ранее уже было проведено подобное исследование с участием животных, то другие учёные обязаны опираться на эти данные, вместо того, чтобы повторять всю процедуру заново.

Биоэтика должна признавать необходимость использования животных с целью прогрессивного развития фундаментальных и прикладных исследований в области биологии и медицины, однако при этом такие исследования должны быть строго обоснованы, иметь важный теоретический или практический выход, а также должны быть законодательно разрешены. Очень вероятно, что дальнейшее развитие биотехнологий и генетики будет способствовать расширению влияния постгуманизма. Биоэтика, как дисциплина, сопровождающая, а в идеале даже опережающая технологический и биологический прогресс, должна найти ответы на этот вызов [2, с. 34].

Скорее всего, разрешить моральную дилемму с опытами на живых существах сможет технологический прогресс. Уже сейчас учёные изучают органогенез и развитие различных заболеваний на искусственно выращенных органах. Совершенствование данной технологии расширит возможности для экспериментов и тестирований. Помимо «осязаемых» моделей в науке существует перспектива использования компьютерных моделей и симуляций. Правильные расчёты, увеличение вычислительных мощностей, а главное, больший доступ к необходимому оборудованию для учёных приблизят нас к избавлению от традиционных экспериментальных методов и уменьшит число жертв науки.

Становится очевидным, что необходимо поменять современный подход к этике и биоэтике, перестать преследовать в их рамках лишь узкие интересы нашего вида. Прежде всего, мы должны изменить наше представление о моральном статусе человека и других животных (а возможно, также других сознательных существ — продуктов технологий, которые могут возникнуть в недалеком будущем, таких как киборги и искусственный интеллект), расширить моральный статус на животных и расширить современные толкования биоэтики с учетом интересов других живых существ.

Литература

1. Биоэтика и гуманитарная экспертиза: проблемы геномики, психологии и виртуальности / Рос. акад. наук, Ин-т философии; [отв. ред. д-р филос. наук Ф. Г. Майленко]. — Москва: ИФ РАН, 2008. — 223 с.
2. Казённый Д.А. Биоэтические суждения о геномной инженерии / Д. А. Казённый // Известия Саратовского университета. — 2011. Т. 11. Вып. 2. — С. 32—35.
3. Киященко, Л. П. Опыт философии трансдисциплинарности (казус «биоэтика») / Л. П. Киященко // Вопросы философии. — 2005. — № 8. — С. 105—118.
4. Лукьянов, А. С. Этика и качество результатов экспериментов на животных / А. С. Лукьянов // Успехи современной биологии. — 2010. — Т. 130. — № 2. — С. 216—221.

IX ГОРИЗОНТЫ КУЛЬТУРЫ

УДК: 008(4-15)-047.86

Деструктивные явления в современной западной культуре — некоторые из причин их развития.

Destructive phenomena in modern Western culture and some of the reasons for their development

Величко С. А., кандидат философских наук, доцент кафедры философии естественнонаучного профиля Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
Velichko S.A., Candidate of Philosophical Sciences, Docent, Associate Professor of the Department Philosophies of a Natural-science Profile, Tavricheskaya Academy, Crimean Federal V. I. Vernadsky University

А н н о т а ц и я. В статье поднимается проблема развития кризисных явлений в современной западной культуре. Рассматриваются отдельные проявления данных тенденций. Анализируется воздействие процесса нивелирования танатологического влияния на развития культуры, на становление развивающихся в ней деструктивных процессов.

Abstract. The article considers the problem of development of crisis-like phenomena in contemporary Western culture. We regard separate manifestations of these trends. We also analyze the influence of evening out of the thanatological impact on development of culture, formation of destructive processes which develop in it.

К л ю ч е в ы е с л о в а: культура, общество, танатос, дегуманизация, техногенная цивилизация, культурная истощенность, десакрализация.

Key words: culture, society, thanatos, dehumanization, industrial civilization, cultural exhaustiveness, desacralization.

О наличии кризисных тенденций в современной западной культуре не говорит только ленивый. Их не заметить может только самый невнимательный человек. С экранов телевизора на зрителя буквально обрушиваются или крайне бездарно снятые фильмы, часто просто слабые переделки классических кинолент, или, наоборот, талантливо снятые гениальными режиссёрами картины, которые буквально пропитаны неверием, брезгливостью, а подчас и откровенной ненавистью к конкретному человеку в частности и к человечеству вообще. Книги, написанные новомодными авторами, также, с одной стороны, не могут порадовать читателей ни глубиной сюжетов, ни психологической достоверностью и сложностью персонажей, с другой, эти произведения часто являются гимном всему тому темному, что таится в человеческой душе.

Людям, обладающим хоть толикой музыкального вкуса, слушать современные шлягеры тяжело, а иногда и невозможно. Причем тексты этих «шедевров» так же очень часто посвящены воспевания далеко не самых лучших и светлых порывов человеческой души.

По нашему мнению, становление деструктивных тенденций в культуре в значительной мере связано с процессом вытеснения танатоса за пределы культурного горизонта.

Несмотря на недостаточность работ, непосредственно посвященных этой проблеме, практически все авторы, изучавшие проблему взаимоотношения танатоса и современной культуры, отмечают наличие процесса вытеснения социумом смерти из смыслового поля культуры. Именно об этом явлении писали Жорж Батай, Жан Бодрийяр, Мишель Фуко и

другие мыслители. Данный процесс выражается прежде всего в том, что некросимволика, потенциально имеющая онтологическое, интимно-психологическое или ценностное значение, фактически выводится за пределы культурного горизонта.

Все следы и символы, связанные с реальным переживанием летальности современным социумом, старательно вытесняются на периферию культурного общественного и личного горизонтов.

Из этого следует, что влияние летальности на культуру в значительной степени снижено. Смерть как онтологический феномен фактически перестает быть значимым явлением для формирования современной культуры.

Но для развития культуры наличие такого феномена, как танатос, также является крайне важным. Смерть стимулирует развитие культуры, причем наиболее значительное воздействие она оказывает на «духовную культуру». Поэтому вытеснение танатоса из смыслового поля культуры способствует девальвации духовного уровня культурной реальности, практически всегда находящегося в оппозиции по отношению к социальной действительности.

Однако, помимо основного результата вытеснения танатоса можно увидеть еще ряд тенденций, развитие которых прямо или опосредованно связано, по нашему мнению, с развитием процесса выдворения смерти.

Во второй половине XX века со всей очевидностью обозначилась проблема развития кризисных явлений в современной западной культуре. Ряд тенденций, будучи составной частью этого кризиса, являются, по нашему мнению, именно следствием вытеснения летальности из поля зрения культуры.

Еще в первой половине XX столетия многие мыслители отмечали, с одной стороны, развитие процесса дегуманизации культуры (одним из проявлений этой тенденции являлась потеря интереса к реальной жизни конкретного человека). С другой — становление новой научно-технической культуры, акцентирующей свое внимание уже не на человеке, а на машине. Нельзя не увидеть связь между этими процессами. Техническая культура фактически инициировала пересмотр системы взглядов человека на самого себя. Еще Н. Бердяев отмечал, что «техника есть последняя любовь человека, и он готов изменить свой образ под влиянием предмета любви» [1, с. 21]. К концу двадцатого века сформировалась система представлений, в рамках которой человек начал трактоваться в качестве биологического придатка машины. Но при такой трактовке человеческая самость, его внутренний мир не может не потерять интерес для техногенной культуры. Такую культуру личность может интересоваться только в качестве биологического дополнения машины. Техника, созданная человеком для обеспечения комфорта и безопасности, фактически подчинила его себе. Машина как микрокосм восстает против человека, как раньше человек мог восстать против Бога. Властелин мира теперь сделался рабом машины. Такое положение дел может иметь самые печальные последствия как для человека, так и для мира в целом. О. Шпенглер еще в начале XX века утверждал: «Механизация мира оказывается стадией опаснейшего перенапряжения. Меняется образ земли» [4, с. 45]. Машина в XX веке осваивает гигантские территории и овладевает массами людей, в отличие от прошлых эпох, где культуры охватывали небольшое пространство и небольшое количество людей, строясь по принципу «подбора качеств». В XX столетии все делается мировым, все распространяется на всю человеческую массу. Поэтому приоритет техногенной цивилизации, оторванной от природных основ жизни, разрушает красоту старой «естественной» культуры, старого быта и, лишив культурный процесс оригинальности и индивидуальности, формирует безликую массовую псевдокультуру.

Еще одним проявлением культурного кризиса, связанного с процессом вытеснения танатоса, является, по нашему мнению, культурная исчерпанность, потеря способности общества к творчеству. Под творчеством традиционно понимается деятельность человека, в процессе которой создаются существенно (качественно) новые вещи, идеи и технологии [5, с. 2].

Одним из основополагающих условий творчества является свобода. Только опираясь на духовную свободу, человек может сорвать с себя ограничительные путы власти авторитета, а, следовательно, сможет и создать нечто новое, своеобразное. Однако подлинная свобода всегда в большей или меньшей степени связана с летальностью, «ибо человек должен быть свободным настолько, чтобы он мог совершать (или не совершать) поступки, цена которым высочайшей пробы и достойна его самого: его собственная жизнь. Так смерть конституирует диапазон свободы в его полноте» [3, с. 14—15].

Таким образом, процесс вытеснения летальности из поля зрения культуры является, по нашему мнению, одним из оснований уменьшения ее творческого потенциала. Именно этот процесс приводит к победе конвейерного образца над шедевром, посредственной имитации над ярким самобытным произведением.

Еще одним проявлением кризисных явлений в западной культуре второй половины двадцатого века является резкое снижение значимости «возвышенного», «священного» во всех сферах человеческого бытия, в результате чего происходит переход от глубинно-осмысленного бытия с целями, обеспечивающими его перспективы, к повседневно выраженному, прагматически ориентированному существованию. Из жизни постепенно стало пропадать все то, что связывало бытие человека с трансцендентной реальностью [2, с. 129]. Параллельно с этим исчезновением, заполняя появившуюся пустоту, образовавшуюся после утраты культурой тех «высоких» идеалов, которые в течении многих столетий служили путеводной звездой всем тем великим новаторам, благодаря самоотверженной творческой деятельности которых человечество и смогло проделать путь из века каменного в космический век, стали функционировать симулякры возвышенного, его суррогаты, погружающие человека в окружающую его повседневность. Но, как и у всякого заместителя, их жизнь коротка. Ложные ценности образуют унылый ряд быстро сменяющихся кумиров профанного мира [2, с. 123].

Священные символы всегда прямо или косвенно связаны с трансцендентной реальностью. Летальность, помимо всего прочего, можно определить в качестве агента трансцендентного в нашей действительности. Поэтому возвышенное и святое всегда связано со смертью.

Нет ни одного сакрального явления в культуре или в религии, нет ни одного прекрасного, яркого и сильного порыва человеческой души, которое не было бы детерминировано танатосом. Вытеснение смерти из культурного горизонта таким образом негативно сказывается на священных, духовных основаниях культуры. В итоге, вытеснение смерти является, по нашему мнению, одной из основных причин развития процесса десакрализации культурного бытия.

Одним из важных следствий этого процесса, как уже отмечалось, является полное погружение человека в окружающую его действительность. Но для возможности рефлексии, без которой невозможно развитие человеческой самости, для существования индивидуального бытия необходима «... точка опоры, лежащая вне его реального мира, с которой он только и получает возможность взглянуть на мир и на самого себя со стороны» [3, с. 12]. И именно человеческая летальность, как это ни парадоксально звучит, и является этой точкой.

Все вышеизложенное, по нашему мнению, дает основания сделать вывод, что процесс десакрализации в современной культуре так же во многом является следствием вытеснения смерти из ее поля зрения.

Вывод: на основании всего вышеизложенного, по нашему мнению, можно сделать вывод, что процесс вытеснения феномена человеческой летальности из поля зрения культуры является одной из основополагающих причин развития в современной западной культуре кризисных явлений. Во многом именно вследствие детерминированного обществом нивелирования танатологического влияния в культуре начали развиваться такие деструктивные, кризисные процессы, как дегуманизация, десакрализация, утрата способности культуры к творческим — революционным прорывам.

Литература

1. Бердяев Н. А. Человек и машина: проблема социологии и метафизики техники / Н. А. Бердяев // Вопросы философии. — 1989. — № 2. — С. 143—163.
2. Дудник С. И. Кризис культуры в контексте современных дискуссий и оценок / С. И. Дудник. — СПб.: Санкт-Петербургское филос. об-во, 2001. — С. 128—136.
3. Шоркин А. Д. Метафизика присутствия и небытия: Гипнос, Танатос и Асклепий в культуре / А. Д. Шоркин // Межвузовский научный сборник. — Симферополь, 2003. — № 2. — С. 11—16.
4. Шпенглер О. Человек и техника / О. Шпенглер // Культурология XX века. — М., 1995. — С. 454—494.
5. Шумилин А. Т. Место теории творчества в структуре марксистско-ленинской философии / А. Т. Шумилин // V семинар по проблемам методологии и теории творчества. — Симферополь, 2005. — С. 1—7.

УДК 130.2

Кризис или развитие культуры?**Crisis or development of culture?**

Ющенко А. Ю., аспирант 1 года обучения кафедры педиатрии, физиотерапии и курортологии Медицинской академии им. С. И. Георгиевского Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского

Yuschenko A. Y., 1 year postgraduate student, Department of Pediatrics, Physiotherapy and Balneology S. I. Georgievsky Medical Academy, Crimean Federal V. I. Vernadsky University

Аннотация. Целью работы является определить состояние современного уровня культуры общества, отвечая на вопрос о развитии или кризисе культуры в наши дни.

Abstract. The aim of the work is to determine the state of the modern level of society culture, answering the question about the development or crisis of culture in our days.

Ключевые слова: культура, кризис культуры, интервальный подход, практическая философия, проблемы современности.

Key words: culture, crisis of culture, interval approach, practical philosophy, problems of our time.

Для того чтобы говорить о культуре, нужно дать ее определение. Под культурой (от лат. culture — образование, развитие, возделывание и т.д.) понимают культивирование (развитие, насаждение) определенных признаков объекта, которое сознательно осуществляется человеком [1, с. 213]. То есть развитие у индивида определенных культурных норм и традиций, которым он должен сознательно следовать в своей жизни. В философском энциклопедическом словаре культура понимается как «специфический способ организации и развития человеческой жизнедеятельности, представленный в продуктах материального и духовного труда, в системе социальных норм и учреждений, в духовных ценностях, в совокупности отношений людей к природе, между собой и к самим себе» [2, с. 292]. Это определение более широко раскрывает сущность человеческой культуры, которая имеет две составляющие: материальную и духовную. Материальная культура включает средства производства и предметы труда, включенные в оборот общественной и личной жизни. К духовной культуре относятся наука, уровень образования и просвеще-

ния населения, искусство, нравственные нормы поведения людей в обществе, владение логикой мышления и богатством языка, уровень развития интересов людей, религия.

Постепенная демократизация общественной жизни, достижение высокого материального уровня жизни, хорошее техническое оснащение основных производственных процессов привели к формированию массового общества, в котором культурные ценности получили эгалитарный (уравнительный) характер, что способствовало появлению массовой культуры, т.е. усредненной культуры, производимой средствами массовой информации и тиражируемой с помощью специальной, технически высоко оснащенной индустрии. По мнению Кнабе, кризисом культуры является нарушение естественного баланса между духовной и массовой частями культуры, когда господствовать начинает именно массовая культура, которая большинством людей на уровне обыденного сознания иногда воспринимается как официальная часть культуры. Духовная часть — это идеализированная система культурных ценностей, и она представляет собой идеальный каркас общечеловеческой культуры. А материальная (массовая) часть культуры стремится противостоять духовной, выворачивая последнюю наизнанку, когда полярности комического и героического меняются местами [3, с. 21]. В качестве примера, Г. С. Кнабе приводит музыкантов в средние века, которые, исполняя свои пусть и популярные песни в определенном городе, не стали бы известными всему миру почти сразу, как это происходит в наше время, благодаря современным аудиокommunikационным средствам. Таким образом, по мнению Кнабе, происходит тиражирование образцов ценностей массового сознания. Негативный смысл понятия «массовая культура» выражается в том, что часто не массам предоставляется возможность подняться до уровня настоящей культуры; напротив, сама «культура», подделываясь под примитивные вкусы отсталых слоев населения, опускается, упрощаясь и деформируясь, до уровня, шокирующего подлинную воспитанность: умной высокообразованной массе преподносится нечто серое, а то и просто глупость [4, с. 161].

Культура не стоит на месте, она меняется. В процессе исторического развития общества человечество уходит от одних традиций и вырабатывает новые. Приращение культурных ценностей должно опираться на сложившиеся в течение длительного времени традиции для сохранения культурного смысла ценностей. Но в то же время оно не может происходить без критики традиций и выбрасывания некоторых «старых» ценностей. При резком увеличении скорости разрушения старых ценностей, сжатии временных рамок этого процесса возникает кризис культуры. Новые образования, быстро появляющиеся и претендующие на статус культурных, не успевают адаптироваться к традиционным ценностным идеалам, поэтому культурообразующий смысл новых ценностей не всегда понятен [5].

Вне культуры невозможны формирование полноценного человека и жизнь его в обществе людей. Развитие каждого нового поколения начинает свою жизнь не только в окружении природы, но и в мире материальных и духовных ценностей, созданных предшествующими поколениями. Ребенок начинает ходить, говорить, думать, превращается во взрослого мышлящего человека только в результате приобщения к культуре, передачи достижений человеческой культуры от одного поколения другому. И подтверждением этого являются известные случаи воспитания детей в логове животных, когда в отсутствие человеческой культуры дети приобщались к «культуре» животных. Таких историй много, но наиболее сенсационной является история о двух индийских девочках — Камале и Амале, воспитанных волками. Автор называет девочек человекоподобными существами, настолько по образу жизни и повадкам они были как волки: ходили на четырех ногах, протяжно выли, не признавали одежду, ели сырое мясо, раздирая его зубами. Таким образом, человека всему нужно учить, не только навыкам ходьбы, речи, письма, но и общечеловеческим нормам морали и этики. Гарри Харлоу на животных показал, что даже материнский инстинкт, считавшийся до недавнего времени врожденным, является приобретенным инстинктом. Новорожденных малышей обезьян отлучали от матерей и

сверстников, и помещали в клетки с «суррогатной матерью», сделанной из проволоки, обернутой махровой тканью. Впоследствии макаки, выросшие в изоляции, избегали контакта, не умели играть и не спаривались. А те немногие самки, от которых удалось получить потомство, убивали своих малышей, проявляли жестокость или были к ним абсолютно равнодушны. Не только у человека, но и у животных чувство любви и привязанности формируется в определенных условиях и среде. Человек может воспроизводить и совершенствовать себя, только наследуя и творчески перерабатывая накопленные богатства культуры.

Не только культура создает человека, но и человек культуру. Учитывая несовершенство человеческой природы, человек в своем творчестве немало делает не просто плохо, а иногда и совсем плохо. Человек способен не только подниматься на великую духовную высоту, но и отравлять все, к чему прикасается. Это он смог создать инквизицию или террор во имя свободы, равенства и братства. Это он, прославляя разум, повергал весь мир в безумие. Неудивительно, что многие современные мыслители и ученые вынуждены были отказаться от представлений о человеке как о гармоничном и добром существе. Зигмунд Фрейд и его школа вскрыли это с особенной убедительностью. Психоаналитический метод разверз перед современным человечеством бездну его искаженной, извращенной и больной душевной жизни. Фрейд показал, что человеческий разум еле справляется с мутными волнами подсознательных инстинктов, которые трудно изгнать и которые, даже будучи подавленными разумными усилиями, дремлют в каждом человеке, как спора болезнетворной бактерии. Было бы ошибкой под культурой понимать все, созданное человеком. Атомные бомбы и прочие средства уничтожения людей вряд ли можно отнести к феномену культуры. Именно Кант разрешил данный вопрос, определяя культуру как только то, что служит благу людей или что по своей сущности гуманистично: без гуманизма и духовности нет истинной культуры.

Духовная культура развивается иначе, нежели материальная цивилизация. Если химия вытеснила алхимию, если древнюю повозку вытесняют современные средства передвижения, то можно ли говорить, что Роден вытеснил Фидию, а Ясперс — Платона? Биологическая эволюция и техника движутся главным образом вперед, история же духа постоянно обнаруживает явления регресса [6, с. 218]. Еще в двадцатые годы прошлого века Альберт Швейцер писал: «Страшная правда, заключающаяся в том, что по мере исторического развития общества и прогресса его экономической жизни возможности процветания культуры не расширяются, а сужаются, осталась неосознанной» [7, с. 51]. В XX столетии получили невиданное развитие пути сообщения, человек поистине стал властителем суши, моря и воздуха, было устранено бесчисленное количество факторов, вносящих проблемы и сложности в его жизнь. Но развития духовной составляющей человеческой культуры не происходит, а наоборот, как писал Тютчев: «дух растлился в наши дни». Именно кризис личности, который является причиной и одновременно следствием кризиса культуры, привел к появлению проблем современности, таких как: войны, массовые убийства мирного населения, экологические проблемы, ядерное оружие, сеющее страх и угрожающее существованию всего человечества, невиданное распространение психических заболеваний и расстройств, патологическая погоня за наживой, огромное количество разводов, примитивность мышления, стиснутого штампами.

Выводы

Вряд ли можно сказать, что даже половина продуктов нынешней кинематографии, аудио- и видеопродукции, современных книг и периодических изданий, научных открытий и изобретений пронизаны гуманизмом и духовностью, а потому не могут быть отнесены к истинной культуре, а являются следствием массовой культуры.

Диспропорция, сложившаяся в культуре, конечно, не безобидна, особенно если она принимает затянувшийся характер, и люди, родившиеся в ней, уже не знают иной культуры. Массовость культуры — это не обязательно низкий уровень культуры для примитивно мыслящих людей, а формальная характеристика — показатель культурного уровня

населения. Для того, чтобы повышать культуру народа, надо обращаться к истории культуры, к культурному наследию всего человечества, а не пытаться тянуть высокообразованные слои общества вниз — к чему-то упрощенному. Без интенсивной духовной жизни немислим подлинный культурный расцвет. Деятели культуры, любой человек, решившийся взять в руки перо, должен помнить об ответственности перед обществом. Будущее культуры в руках человека.

Литература

1. Миронов В. В. Философия: учебник. — Москва: Проспект, 2015. — 240 с.
2. Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. Энциклопедия, 1983. — 840 с.
3. Кнабе Г. С. Двудеинство культуры // Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М.: Индрик, 1993. — 528 с.
4. Спиркин, А. Г. Философия. В 2 т. Т.2: учебник для бакалавриата / А. Г. Спиркин. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Из-во Юрайт, 2016. — 185 с.
5. Миронов В. В. Наука и «кризис культуры» (или затянувшийся карнавал?). Статьи 1 и 2 // Вестник Московского университета. — Сер. 7. — Философия. — 1996. — № 1—2.
6. Мень А., протоиерей. Собрание сочинений. Т. 2: Серия «В поисках Пути, Истины и Жизни». Кн.1. Истоки религии. — М., 2015. — 392 с.
7. Швейцер А. Культура и этика / Пер. с нем. Н. А. Захарченко, Г. В. Колшанского. — М.: Прогресс, 1973. — 343 с.

УДК 101.1+7.036

Философские основания осмысления феномена «современного искусства»

Philosophical basis of the reflection of the phenomenon of «contemporary art»

Микитинец А. Ю., канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры философии, культурологии и гуманитарных дисциплин ГБОУ ВО РК «Крымский университет культуры, искусств и туризма»

Mikitinets A., candidate of Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Humanitarian Disciplines of the State Educational Institution of Higher Education of the RK «Crimean University of Culture, Arts and Tourism»

Аннотация. Статья посвящена анализу философских оснований «современного искусства». Предполагается, что в его основе находится философская идея трансгрессии — нарушения и преодоления любых границ.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the philosophical foundations of «modern art». It is assumed that it is based on the philosophical idea of transgression — breaking and overcoming any boundaries.

Ключевые слова: философия, современное искусство, трансгрессия, современные творческие практики.

Key words: philosophy, modern art, transgression, modern creative practices.

Словосочетание «современное искусство» на протяжении многих лет вызывает активные дискуссии как в профессиональном сообществе философов, культурологов, искусствоведов, так и среди любителей и почитателей искусства, имеющих определенный

«вкус», также позволяющий выносить достаточно корректные оценки тем или иным его феноменам. В данном исследовании будет сделана попытка анализа философских оснований осмысления «современного искусства» посредством его сопоставления и дальнейшего разграничения с искусством классическим. С необходимостью отметим, что под «современным искусством» понимается форма творческого самовыражения, понятие которого, ввиду своего неоднозначного статуса, сознательно взято в кавычки.

В основе любого рода деятельности находятся мировоззренческие принципы, позволяющие сделать её осмысленной. Искусство не является исключением. С нашей точки зрения, фундаментальным мировоззренческим принципом современности является философская идея *трансгрессии* — преодоления любых мыслимых и, что важно, немислимых пределов и рамок, которые были установлены человеческим обществом на протяжении тысячелетий его существования. Согласно развиваемому подходу именно такой ракурс позволяет найти ориентиры для осмысления феномена «современного искусства», которое тотально пронизано данной идеей.

В-первую очередь, обратим внимание на хронологические рамки понятия «современность», под которым здесь понимается период со второй половины XX века до наших дней. Согласно развиваемому подходу, именно этот отрезок времени наиболее адекватно соответствует тем социокультурным процессам и событиям, которые имеют отношение к формированию и массовому распространению «современного искусства».

Во-вторых, рассуждения по поводу искусства неизбежно приводят к постановке проблемы его критериев, на чем остановимся подробнее. Итак, под искусством в широком смысле традиционно понимают вид человеческой деятельности, направленный на создание эстетически выразительных форм. В рамках данного исследования в качестве первого, *методологического критерия* искусства принимается следующая мысль: произведение искусства может считаться таковым, если его автор явно (или эксплицитно) указывает (подразумевает) некоторое правило, благодаря которому можно понять, в чем именно заключается его творческий замысел. Разумеется, практически любой представитель сферы искусства всячески стремится избежать навязывания разнообразных клише и ярлыков, указывающих на принадлежность к определенной школе или направлению. При этом остается очевидным тот факт, что в их работах можно усматривать некоторые аналогии, в том числе методологического и мировоззренческого характера. О каких правилах идет речь? К примеру, правило «единства времени, места и действия», характерное для классицизма, или требование «объективного отражения социальной действительности» в соцреализме. Даже те направления, которые заметно выходят за рамки «классики», всё равно подразумевают негласные, но понятные «правила игры», стандарты того, «как надо творить». Возьмем, к примеру, импрессионизм, сущность которого, как известно, можно легко объяснить переводом французского слова *«impression»* — впечатление, т. е. становится ясно, что автор в своем творческом акте изображает на холсте то субъективное восприятие действительности, которое он переживает в данный момент. Обращение к творчеству представителей «современного искусства», в данной связи, зачастую формирует затруднение в определении хоть какого-нибудь правила, его объясняющего. Кроме того, в нём может доминировать установка на принципиальное неприятие любых правил, норм или смыслов. «Я художник — я так вижу», таким может быть типичный ответ представителя «современного искусства» на вопрос о том, а в чем, собственно, замысел вашего произведения? Еще одним распространенным ответом может быть следующий: «Смысл моего произведения в данный момент отсутствует, так как смыслологание является ограничением нашего творчества (а «мы против любых рамок»), но он неизбежно появляется в процессе его восприятия». Этот аспект проблемы рассмотрим подробнее, ибо он содержит определенную методологическую уловку, позволяющую под предлогом отрицания установленных социокультурных рамок «легитимизировать» в искусствоведческом дискурсе любую, даже самую бредовую идею. К слову, эта идея была подхвачена не только в искусстве, но и в философии науки в виде

концепции «эпистемологического анархизма» П. Фейерабенда, выдвинувшего принцип «допустимо всё» (см.: [4, с. 42]).

Согласно развиваемому в данном исследовании подходу, методологической основой «современного искусства» выступает идея *трансгрессии* — установки на неприятие и преодоление любых границ, полагаемых социокультурным окружением. Оговорим, что любой творческий акт, по сути, содержит в себе элемент трансгрессии, так как порождение качественно нового уже предполагает выход за имеющиеся рамки, и в этом отношении любое направление искусства на определенном этапе своего развития является *трансгрессивным*, однако, при этом, после своего «оформления» в нем появляются (порой негласные) правила, которых начинаются придерживаться его представители и последователи. В данном контексте отметим, что родоначальник нового направления в искусстве — это человек, который *создал новое правило* (правила) творческого самовыражения определенного рода. Если же вернуться к «современному искусству», то можно заметить, что его представители, взяв за основу идею трансгрессии, сознательно не указывают на критерии оценки их работ. Это может быть объяснено либо тем, что новые правила еще *не были сформулированы*, либо элементарным *нежеланием* делать это, дабы не быть уличенными в отсутствии таланта. Также нельзя исключить и более «приземленную» причину демонстративного отказа и сопутствующих ему разнообразных скандальных выходов, которой может быть дешевый способ привлечь к себе внимание публики.

В качестве второго, *технического* критерия предлагается следующее: произведение искусства должно быть *выполнено на таком высоком творческом уровне*, чтобы его не мог легко повторить не только любой человек «с улицы», но даже не всякий профессионал. К сказанному добавим еще одно замечание *субъективного* характера: произведение искусства не должно выглядеть таким образом, чтобы его легко можно было перепутать с кучей мусора (как это неоднократно было с инсталляциями на выставках и музеях «современного искусства») (см. например: [2; 3]).

О планомерном воплощении трансгрессии свидетельствует и тот факт, что, к примеру, в парижскую галерею современного искусства Дворец Токио совсем недавно пустили нудистов, с характерным комментарием одного из руководителей данного движения, слова которого приводит деловая газета «Взгляд»: «Ментальность меняется. Нудисты преодолевают барьеры, табу и мешающие внутренние запреты» [1]. Данное эпатажное событие — лишь одно в длинной череде аналогичных акций трансгрессивного характера, нацеленных, в конечном счёте, на привлечение внимания членов общества, обеспокоенных нарушением традиционных норм и устоявшихся схем поведения. Одним из признаков трансгрессивного поведения может быть также стремление не просто акцентировать, но и удерживать внимание публики на смерти, на безобразных и даже отвратительных аспектах бытия разнообразными шокирующими инсталляциями (Д. Хёрст и др.).

Таким образом, можно сделать следующие **выводы**:

1. Появление феномена современного искусства — это объективный процесс, связанный с социокультурным цивилизационным развитием, основанным на философской идее *трансгрессии* — преодоления любых выявленных границ человеческого существования. При всей непохожести друг на друга, именно интенция на трансгрессивность объединяет различных его представителей, что позволяет найти общий «философский» знаменатель во всём многообразии современных форм творческого самовыражения.

2. «Современное искусство», как по своему формальному выражению, так и по содержанию и идейному наполнению, имеет мало общего с искусством как формой общественного сознания, причём оно подчеркнуто дистанцируется от любых его классических проявлений. В данной связи, с нашей точки зрения, более уместно именовать многообразие произведений «современного искусства» словосочетанием «*современные творческие практики*». Можно сказать, что по сути, они являются технологией, имеющей определенную (но не всегда обоснованную) претензию на продуцирование новых смыслов. Здесь больше уместна аналогия с методом «мозгового штурма», использование

которого, в конечном счете, позволяет сформировать один или несколько реальных вариантов решения определенной проблемы, извлеченных из множества «идейной шелухи».

3. Тотальное отрицание любых проявлений «современного искусства» является крайностью, способной сделать незаметным появление новых творческих форм, которые впоследствии, по мере своей «институционализации», могут стать полноценными феноменами искусства в классическом его понимании. При этом следует понимать, что это возможно либо с дефиницией собственных «правил игры», либо (что и пытаются сейчас сделать отдельные представители «современного искусства») с расшатыванием социокультурных рамок до своего формата миропонимания, что, разумеется, будет встречать естественное социальное сопротивление. При этом, трансгрессивная мировоззренческая установка будет продуцировать новые творческие практики, направленные на преодоление того, что установлено обществом в конкретный период его существования.

Литература:

1. Нудистов пустили в парижский музей. — (<https://vz.ru/news/2018/5/6/921361.html>).
2. Уборщица в итальянском музее приняла инсталляцию за мусор и выбросила ее. — (<http://www.interfax.ru/world/475658>).
3. Уборщица выкинула экспонаты выставки, приняв их за мусор. — (<https://russian.rt.com/article/22791>).
4. Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания / Пол Фейерабенд; пер. с англ. А. Л. Никифорова. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007 — 413 с.

УДК: 115.4+130.2

Пространство и время как базовые концепты текстуальной онтологии

Space and time as basic concepts of textual ontology

Микитинец О. И., канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры философии, культурологии и гуманитарных дисциплин ГБОУ ВО РК «Крымский университет культуры, искусств и туризма»

Mikitinets O., candidate of Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Humanitarian Disciplines of the State Educational Institution of Higher Education of the RK «Crimean University of Culture, Arts and Tourism»

Аннотация. В статье рассматривается необходимость осмысления онтологической структуры текстовой реальности. Подчеркивается, что от правильного осмысления хронотопа текстов культуры зависит адекватность оценки и восприятия своей и чужой культуры, а также её существование.

Abstract. The article considers the necessity of understanding the ontological structure of the textual reality. It is emphasized that the correct interpretation of the chronotope of cultural texts depends on the adequacy of the evaluation and perception of one's own and another's culture, as well as its existence.

Ключевые слова: культура, хронотоп, пространство, время, онтология.

Key words: culture, chronotope, space, time, ontology.

В современном мире, в эпоху глобальных геополитических и геокультурных трансформаций, адекватность восприятия и трансляции своей и чужой культуры является од-

ной из самых актуальных проблем. На сегодняшний день, когда происходит массовое обесценивание достижений и принципов культуры предыдущих эпох, когда большинство людей не имеют четко определенных духовных приоритетов и идеалов, безусловно актуальными являются проблемы непрерывного развития культуры, взаимосвязи и взаимопонимания как между разными поколениями, так и между различными социокультурными группами одной эпохи и общественного пространства. С другой стороны, на границе XX—XXI вв., происходит «поворот к культуре», осознание её как способа и смысла человеческого бытия, как аксиологической установки в духовно-творческой деятельности, как основы самоидентификации, условия формирования идентичности. Ввиду такой установки современного философского дискурса на первый план выходит проблема изучения онтологических основ мира культуры. Философское осмысление культуры, и, в частности, её онтологичности, пронизывает труды М. Бахтина, Р. Барта, П. Флоренского, Ю. Лотмана, У. Эко, Ю. Кристевой, Ж. Деррида, Ж. Делеза, имеет место в структуралистских и постмодернистских теориях текста. В герменевтике (см. [2]) рассматривается проблема взаимосвязи бытия, сознания и текста, где на первый план выходят их пространственно-временные характеристики. Одним из значительных вкладов герменевтической концепции в определение пространства-времени текстовой реальности является понимание мира как особого рода текста, в котором интерпретация образует исконную структуру «бытия-в-мире», границы которого есть границы языка. Специфика текстов культуры и самой культуры как текста состоит в конституировании особой осмысленной непредметной реальности (см. [5]), имеющей свою собственную структуру, и отражающей физический мир. Поскольку текст создается в конкретных пространственно-временных границах, то есть в определенной социально-исторической эпохе, он, безусловно, отображает её соответствующие своеобразные черты. Отсюда возникает проблема адекватного прочтения или восприятия и интерпретации текстов, основанная на понимании онтологии текстовой реальности культуры.

Если выстроить взаимосвязь понятий: бытие, культура, текст, то культура представляет собой особое, экзистенциальное, сугубо «человеческое измерение» бытия, исполненное смыслов. Именно на этом онтологическом уровне создается текст культуры как попытка осмысления человеком себя в качестве носителя и транслятора культуры. В этом смысле можно говорить о тексте культуры как об особом мире, создаваемом человеком, выступающим в роли Homo cultural (человека культурного).

Безусловно, онтология культуры отличается от иных онтологий. «Бытийный» срез культуры определяется как смысловая реальность с внутренней, только ей присущей, специфической, пространственно-временной организацией. Именно в пространственно-временном контексте проявляется нетождественность физической и текстовой реальностей. Онтология каждого конкретного культурного текста испытывает воздействие со стороны как общекультурного контекста, семиосферного контекста (см. [3]), так и синхронно, одновременно существующих с ним иных текстов. То есть, онтология культуры и текстов культуры, внутри нее существующих, не может быть осмыслена вне пространственно-временных рамок, понимаемых в философии как хронотоп (см. [1]). В то же время в физике, математике, по отношению к физической реальности хронотоп понимается несколько иначе — как обезличенное четырехмерное время-пространство, лишенное ценностных, смысловых нагрузок и т.д.

Осмысленность непредметной реальности культуры позволяет говорить об особенностях пространства и времени мира, создаваемого культурой. Наряду с физическим миром с его трехмерным пространством и линейным временем, есть иной мир, создаваемый культурой. Пространство культуры определяется как бесконечномерное, мнимое, обратимое, полимерное в том смысле, что основные направления физического времени могут нерасчленимо переплетаться в культуре. Сама культура в данном ключе представляет собой связный знаковый комплекс, набор возможностей, которые потенциально реализуются в текстах.

Специфичность культуры как сложноустроенного «текста в тексте», с собственными пространством-временем состоит в её внеденотативности, наличии собственной реальности, которая порождается текстами культуры. То есть, текст культуры — это такой текст, который:

- во-первых, не имеет дела с денотатами остенсивно;
- во-вторых, оперирует только областью смыслов;
- в-третьих, он определяется как способ реализации культурных ценностей в знаковой форме и имеет многоуровневую структуру, строящуюся на пространственных и временных (хронотопных) осях (подробнее см. [4]).

Именно такая структура позволяет говорить о символизме культуры как ключевой её характеристике. При оценке культуры на первый план выдвигается прагматика — интерпретируя и воспринимая культурный образ, необходимо учитывать его контекст, все его существующие и потенциальные связи. Так, например, любой памятник культуры и архитектуры рассматривается нами как сложный символический образ, учитываются причины его создания, контекст его существования, историческая, культурная, этническая и иные ценности. То есть, памятник сам по себе мы не можем рассматривать просто как материальный объект, мы всегда выходим на контекст его «употребления». Именно это и создает реальность как любого текста культуры, так и её самой.

Осмысленность онтологической структуры текстов культуры предполагает собой наличие самоидентификации как обнаружения себя в конкретном культурном пространстве в роли носителя определенных культурных традиций и ценностей. Человек — автор, читатель, потребитель культуры, в данном случае выступает как субъект культурной памяти. При нарушении процесса «бытийствования» культуры, разрушении ее онтологического каркаса разрывается связь времен, образуется «пропасть между поколениями», что неизбежно приводит к культурному коллапсу и к смерти культуры.

Таким образом, необходимость осмысления культуры в пространственно-временном контексте является своеобразной альтернативой постмодернистскому, разрушительному отношению к тексту, и, что неизбежно, — к миру и культуре, в которых мы живем. Значимость хронотопного подхода в интерпретации и описании текстуальной онтологии, очевидна — вне пространственно-временных связей культура теряет свою осмысленность, диалогичность, становится статичной, и, несомненно, это влечет её смерть.

Литература

1. Бахтин М. М. Проблема текста / М.М. Бахтин // Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук / М.М. Бахтин. — СПб.: Азбука, 2000. — С. 299—318.
2. Гадамер Х.-Г. Текст и интерпретация / Х.-Г. Гадамер // Герменевтика и деконструкция [под ред. Штегмайера В., Франка Х., Маркова Б. В.]. — СПб., 1999. — С. 202—242.
3. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история / Ю. М. Лотман. — М.: «Языки русской культуры», 1996. — 464 с.
4. Микитинец О. И. Семиотический континуум: семиосфера — культура — текст / О. И. Микитинец // Вестник СевГТУ. Вып. 94: Философия: сб. науч. тр. / отв. ред. Ю. А. Бабинов. — Севастополь: Изд-во СевНТУ, Севастоп. нац. тех. ун-т, 2009. — С. 87—90.
5. Флоренский П. А. Мнимости в геометрии / П. А. Флоренский. — М.: Лазурь, 1991. — 96 с.

УДК 304.44

О социокультурных перспективах урбанистики

About socio-cultural perspectives of urbanistics

Маркелова В. В., аспирант 1-го года обучения, кафедра культурологии Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского

Markelova V. V., post-graduate student of the first year of study, Department of Cultural Studies, Taurida Academy, Crimean Federal V. I. Vernadsky University

Аннотация. В статье рассматриваются социокультурные перспективы урбанистики как новой области знания.

Abstract. The article reviews the socio-cultural perspectives of urban studies as a new field of knowledge.

Ключевые слова: социальная философия, урбанистика, город, городское пространство, социокультурные перспективы.

Key words: social philosophy, urban studies, city, urban space, socio-cultural perspectives.

Стремительное развитие городов в количественном и качественном плане позволило зародиться урбанистике — новому гуманитарному знанию на стыке таких дисциплин как культурология, градостроительство, социология, философия, архитектура и география. Данная дисциплина требует теоретико-методологической рефлексии на свой постоянно изменяющийся предмет, одной из целей которой является раскрытие перспектив развития ее предмета — современного города как конкретного социального комплекса. Именно поэтому выявление социокультурных перспектив становится актуальной задачей в рамках социального дискурса.

Урбанистика, будучи относительно молодой научной дисциплиной, занимается планированием городской среды, а также изучением процессов, происходящих в городе [2]. К основным работам, посвященным исследованиям социальных аспектов города, можно отнести: «Город» Макса Вебера [3], «Город как социальная лаборатория» Роберта Парка [8], «Урбанизм как образ жизни» Луиса Вирта [4]. В своем труде «Город» социолог Макс Вебер дает обобщающее понятие, в котором «город представляет собой замкнутое поселение, «населенный пункт», а не одно или несколько отдельно расположенных жилищ», при этом оговаривая, что несмотря на общие признаки, рассмотрение каждого города требует учета его специфических особенностей, таких как площадь, географическое расположение, количество и плотность населения, функциональное значение, экономическое развитие, история, культура [3]. Роберт Парк, один из представителей Чикагской школы, в своей работе «Город как социальная лаборатория» приводит результаты исследований социальной экологии мегаполиса, предлагая пути решения обычных поведенческих проблем за счет смены среды обитания [8]. В сборнике статей, посвященных городу, Луиса Вирта «Урбанизм как образ жизни» изложена систематическая теория города как социальной сущности, а намеченная почти сто лет назад программа его исследования используется современными исследователями. Автор рассказывает о том, как развивался город в условиях современной цивилизации и какое влияние он оказывает на жизнь человека. Город, по мнению Луиса Вирта, «все больше становится не просто местом, где современный человек живет и работает, но и центром, где зарождается и откуда контролируется экономическая, политическая и культурная жизнь» [4]. Необходимо отметить, что именно сосредоточение на проблемах социальной жизни города, исследуя взаимосвязь города и его жителей, формирует социальную ветвь урбанистики [5].

В подтверждение данной взаимосвязи следует привести концепцию рассмотрения города, которая получила широкое распространение и применение в городских исследованиях. Город предстает живым организмом со своей анатомией, где транспорт является скелетом города, архитектура — его мышцами, управление — мозгом, а инженерия — внутренними органами. Городские жители, согласно этой концепции, предстают в виде души города [12]. Декан Высшей школы урбанистики НИУ ВШЭ, кандидат географических наук Алексей Новиков так обосновывает социальную значимость комплексного подхода к городским исследованиям: «Урбанистика по большому счету — это язык, на котором должны говорить специалисты из абсолютно разных областей. Сегодня на беседу экономиста с архитектором, как на шоу, можно продавать билеты: они совершенно друг друга не понимают. Но в городской администрации эти профессионалы зачастую работают рука об руку, поэтому им необходимо уметь слышать друг друга» [13].

К социокультурным перспективам относится изучение как целых агломераций, так и отдельных частей города: улиц, парков, скверов. Также переосмысливаются процессы формирования локальных идентичностей резидентов. Например, американский экономист Ричард Флорида разрабатывает концепцию креативного класса, как определяющего экономическое развитие города [11], а Кэролин Стил в своем труде «Голодный город» повествует о том, как заведения общественного питания участвуют в жизни города, формируя его облик и культуру повседневности [9].

В работах британского философа-историка Арнольда Тойнби раскрываются следующие социокультурные составляющие, направленные на будущее: понятия мимесиса (социального подражания) и ментальности нации, излагается концепция культурной радиации лидера, стремящегося реализовать на практике собственные идеи [10].

Нельзя не отметить одну из основополагающих идей немецкого философа О. Шпенглера, которая заключается в описании возрастания роли мегаполисов в развитии мировой культуры и цивилизации. Подобный город должен быть местом концентрации штаб-квартир крупнейших компаний и международных экономических и геополитических организаций; являться мировым финансовым центром, важным в мировом масштабе центром обрабатывающей промышленности, крупным транспортным и коммуникационным узлом международного значения, а также располагать высокоразвитой сферой деловых услуг. Концепция «мирового города» как прототипа будущего социального общества, выдвинутая О. Шпенглером, иллюстрирует проблемы развития крупных городов, которые стоят сегодня на острие глобальных процессов. В частности, появляется термин «гиперурбанизация», под которым понимается разделение на города и провинции в рамках цивилизации, вследствие чего глобальный город побеждает глобальную деревню [1].

В отличие от мегаполисов, приоритетами развития социокультурной сферы в небольших городах могут являться: поддержка культурных и образовательных институтов; обеспечение широкого выбора видов деятельности для проведения культурного досуга и общения жителей с учетом специфики социокультурных групп; налаживание межкультурных коммуникаций в локальных проектах развития местных сообществ; создание условий для развития инновационной деятельности, изменения форм занятости населения, исходя из представлений о перспективах социокультурного развития города [7].

Мы полагаем, что все вышеизложенные исследования конкретных процессов, происходящих в городской культуре, позволяют выявить локальные тенденции в решении возникающих проблем. Результаты подобных исследований могут выступать в качестве фундамента в формировании комфортной городской среды, гармонизирующей взаимоотношения человека с природой.

Подводя итог, необходимо отметить, что, как предмет, так и методология современных городских исследований постоянно меняются, происходит разнообразное смешение и взаимодействие между дисциплинами, направлениями и подходами. Философская рефлексия в контексте городских исследований позволяет сформулировать новые подходы в изучении города, а также проанализировать постоянно изменяющиеся социальные условия.

Литература

1. Афанасьев, В. В. Социология политики Освальда Шпенглера / В. В. Афанасьев. — М.: КДУ, 2009. — 138 с.
2. Базаров, А. А., Буртонова, В. Н. Город как предмет теоретико-методологического осмысления тенденций в современной урбанистике // Вестник Бурятского государственного университета, 2017. — № 5.
3. Вебер, М. История хозяйства: Город / М. Вебер. — М.: Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. — 576 с.
4. Вирт, Л. Избранные работы по социологии. пер. с англ. В. Г. Николаева / Л. Вирт. — М., 2005. — С. 93-118.
5. Замятин, П.В., Тарасов, Е.Н. Урбанистика как политический и концептуально-идеологический механизм регулирования городского планирования и благоустройства // Современные проблемы науки и образования, 2015. — № 1-1.
6. Лэндри, Ч. Креативный город.: пер.с англ./ Ч. Лэндри. — М.: Издательский дом «Классика-ХХГ», 2006. — с. 399.
7. Ложникова, И. Ф. Феномен российского северного города: социокультурные и экологические перспективы развития / И. Ф. Ложникова. — М.: РАГС, 2008. — с. 136.
8. Парк, Р. Избранные очерки: Сб. переводов. / РАН ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии; Сост. и пер. с англ. В. Г. Николаев; Отв. ред. Ефременко Д. В. — М., 2011. — 320 с. — Сер. «Теория и история социологии».
9. Стил, К. Голодный город: Как еда определяет нашу жизнь: пер. с англ./ К. Стил. — М.: Strelka Press, 2014. — 456 с.
10. Тойнби, А. Дж. Постигание истории: Сборник / А. Дж. Тойнби. — М.: Рольф, 2001. — 640 с.
11. Флорида, Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее: пер. с англ. / Р. Флорида — М.: Издательский дом «Классика-XXI», 2007. — с. 421.
12. Анатомия города [Электронный ресурс] // ЯУЗАПРОЕКТ. 2015. — Режим доступа: <http://jauzaproject.com> (дата обращения 11.04.2018)
13. Национальный исследовательский университет [Электронный ресурс] // Высшая школа экономики. 2015. — Режим доступа: <https://www.hse.ru/news/148427233.html> (дата обращения 02.05.2018)

УДК 101.1: 316

Записки путешественников о Крыме, как явление русской культуры конца XVIII — начала XIX веков.**Travellers' records about Crimea as a phenomenon of russian culture of the late XVIII — early XIX centuries.**

Чехова-Нуврыева И. А., аспирант кафедры культурологии
Крымского федерального университета
им. В. И. Вернадского
Chekhov-Nuvryeva I. A., post-graduate student of the first year
of study, Department of Cultural Studies,
Crimean Federal V. I. Vernadsky University

Аннотация. Крым на протяжении многих веков был местом соединения древних культурных традиций, местом, где как в малом образе отразилось многонациональное мировое культурное наследие. Особый интерес для путешественников Крым приобрел после присоединения полуострова к России в 1783 году. Эпистолярное наследие русских и иностранных путешественников XVIII—XIX вв. нуждается в дальнейшем культурологическом анализе.

Abstract. The Crimean peninsula has always been represented as a place where ancient cultural traditions were reflected in a multicultural world heritage. Since 1783 Crimea acquired particular interest for travelers. Epistolary heritage of Russian and foreign travelers of XVIII—XIX centuries needs further culturalological analysis.

Ключевые слова: Записки путешественников, Крым, история, культура.

Key words: Travellers' Records, Crimea, history, culture.

Сфера культурологии ориентирована на исследование личности в социокультурном контексте. Личность развивается и функционирует в определенном культурном пространстве, которому присущи явные и скрытые значения, смыслы, символы. Культурное пространство тесно взаимодействует с историческим, политическим, художественным и другими. Социальные отношения на самом простом уровне — это предмет большой культуры, культурного созидания, и очень важно в этом смысле обращаться к прошлому, особенно в сложные динамические периоды истории, когда всё меняется и люди лишаются элементарных средств понять своих предшественников. Как писал Н.Я.Эйдельман, «если мы серьезно стремимся вдохнуть, уловить аромат, колорит века, его дух, мысль, культуру, нам непременно нужно просочиться в тогдашний быт, в повседневность...» [7, с.4]

Опосредованное общение с культурным прошлым необходимо для интеллектуального развития человека. По выражению Ю. М. Лотмана: «Люди каждой эпохи чем-то похожи на нас, — очень важным, очень многим похожи, — а чем-то не похожи. У них есть какие-то общечеловеческие психологические черты, а есть свои, специфические. И нам это важно помнить не только для того, чтобы понимать старые книги, но и для того, чтобы строить нашу нынешнюю жизнь.» [1, с.1]

В зависимости от того, живут люди на месте или движутся, у них складывается различный культурный опыт, различные представления о мире. Путешествие, как перемещение из своего пространства в чужое, происходит в пространстве культуры, поскольку характеристики сравниваемых пространств являются характеристиками культуры. Культурное пространство, будучи сложной динамической системой, по определению А. Н. Быстровой, включает в себя 4 основных структурных элемента: пространство окружающей среды в процессе его освоения людьми; пространство социума; пространство коммуникации (информационно-знаковое), где культура играет роль хранилища информации и является диалогом, генерируя знаки, и пространство интеллекта, как результат

культуры общества, связанный с его уровнем познания. Все 4 элемента взаимодействуют друг с другом в определенной последовательности: «Интеллектуальное пространство структурирует социальное, а оно, в свою очередь, находит своё воплощение в культурном ландшафте» [4, с.67]. Процесс освоения новых территорий на примере традиционных обществ зачастую протекает в два этапа: на первых порах ритуально отделяется «чужое» от «своего», а затем происходит структурирование «чистого» пространства. Таким образом, культурный ландшафт можно рассматривать как «историческую память», «напластование» отражений моделей мира, «перекодировку» элементов одного сакрального ряда в другую сакральную систему. Перемещаясь в пространстве иной культуры, путешественник непосредственно воспринимает воплощение составляющих этого пространства на культурном ландшафте. В данном контексте интерес представляют выводы Н. В. Черепановой о природе аттрактивных участков, к которым веками устремляются путешественники. По мнению исследовательницы, «в интеллектуальном пространстве аттрактивные участки могут быть представлены в виде сакральных центров, участков, обладающих «изначальной святостью», либо образовательными центрами — своеобразной «концентрацией» интеллекта в пространстве» [5, с.2].

Крым на протяжении многих веков был местом соединения древних культурных традиций, местом, где как в малом образе отразилось многонациональное мировое культурное наследие. Уникальное географическое положение, удобная для обороны конфигурация полуострова веками делали этот регион ареной борьбы многих народов. Здесь сменяли друг друга тавры, киммерийцы, скифы, сарматы, греки, римляне, затем готы, гунны, булгары, хазары, печенеги, половцы, татаро-монголы [1, с.100].

Это многообразие народов и их верований веками создавало целостное культурно-историческое наследие полуострова, что предопределило особенности его облика, привлекавшего к себе множество путешественников из разных стран. Особый интерес для путешественников Крым приобрел после присоединения полуострова к России в 1783 году. Познания о прошлом Тавриды в среде российской и западноевропейской общественности ограничивались описанием античных и средневековых авторов, так как полуостров долгое время находился под властью исламского мира и оставался непознанным. Информационный вакуум побуждал разного рода исследователей к практическому знакомству с местностью. Потребностью времени становилось написание исследований, которые содержали бы сведения об экономике, культурной жизни разных слоев населения, особенностях быта, внутренней и внешней политике.

Важнейшим источником по истории Крыма конца XVIII — начала XIX веков являются весьма распространённые в эпоху Просвещения записки путешественников. Личные дневники, письма, мемуары, отчёты научных экспедиций содержат интересные, порой уникальные сведения, которые, собираясь воедино, как фрагменты античной мозаики, раскрывают перед исследователем яркую картину жизни на полуострове.

Одними из первых направлялись в Крым люди науки: деятели Санкт-Петербургской академии наук организовывали «ученые путешествия» с целью всестороннего научного изучения края. Отчеты и описания экспедиций проведенные И. А. Гильденштедтом, В. Ф. Зуевым, Е. Е. Кёлером, Ф. К. Маршаллом фон Биберштейном, П. С. Палласом, П. И. Кёппеном, И. Ф. Парротом, М. Ф. Энгельгардтом являются ценнейшим источником по истории, географии и этнографии Крымского полуострова второй половины XVIII — начала XIX вв.. Они же, по мнению современного крымского историка А. А. Непомнящего, стали первой фундаментальной вехой в изучении полуострова [3, с.1].

Однако были и те, кто, путешествуя по Крыму, преследовал совсем иные цели: разнобразные авантюристы, устремившиеся на поиски счастья, служилые люди, сопровождавшие или ехавшие по указанию начальства, молодые знатные юноши со своими воспитателями, а также иностранные вояжеры и даже шпионы реализовывали здесь свои политические и корыстные интересы. Многие из них оставляли о путешествиях письменные свидетельства: путевые заметки, дневники, воспоминания, письма, офици-

альные государственные отчеты, которые сегодня являются ценнейшим источником для изучения социально-экономической, политической и культурно-исторической платформы Крыма.

Каждое путешествие имеет особый характер, соответствующий характеру путешественника. Происхождение автора, род его деятельности, сословная принадлежность, уровень образования и даже религиозные предпочтения — всё это накладывает определённый уникальный отпечаток на его произведение.

Понимание «своего» и «чужого» в записках путешественников отнюдь не является биполярным при ближайшем рассмотрении, и не ограничивается рамками противопоставления России всему окружающему (в первую очередь европейскому) миру. Каждый путешественник, посетивший Крым в конце XVIII — начале XIX веков, преследовал свои особые цели и акцентировал внимание, в первую очередь, на том, что ему ближе.

Е. Н. Шапинская наряду с другими современными исследователями феномена путешествий настаивает на том, что туристические путешествия, будучи изобретением западного человека, представляли и представляют собой один из видов эскапизма, выхода из повседневности. В противовес им автор рассуждает о том, что путешествия на Восток исторически преследовали военные, торговые или религиозные цели, то есть были направлены на поддержание устойчивых жизненных структур, а не бегство от них [6, с.10].

Т. А. Прохорова в своём диссертационном исследовании выявляет девять разновидностей путешествий в Крым в XVIII—XIX веках, исходя из поставленных целей [4, с.10]. К ним относятся: ученые поездки в Крым: естественнонаучные экспедиции и путешествия интеллектуальной элиты (К. И. Габлиц, В. Ф. Зуев, П. С. Паллас, А. Н. Демидов и др.), исторические и описательные (историко-географические) экспедиции (И. М. Муравьев-Апостол, П. П. Свиньин, Ф. Дюбуа де Монпере, Н. Н. Мурзакевич, М. Гатри), поездки с познавательными целями — практика Гран-туров в Крым (Ш. Ромм, который сопровождал П. Строганова; В. А. Жуковский, сопровождавший цесаревича Александра, Э. Д. Кларк, Р. Лайелл), официальные и служебные визиты (Екатерина II и Л. де Сегюр, Ш. де Линь, А. В. Храповицкий и др.), дипломатические миссии (Ф. де Миранда, Э. Кравен), военно-разведывательные экспедиции, поездки с миссионерскими целями (М. Холдернесс, Р. Хебер, Э. Гендерсон), культурно-эстетические путешествия (П. И. Сумароков), частные визиты.

На современном этапе исторического развития, после возвращения Крымского полуострова в состав России, дискуссии о «Русском мире», «Русском культурном пространстве» проходят на всех уровнях между представителями различных групп населения страны и за её пределами. Торжественное открытие Крымского моста 15 мая 2018 года предвещает полуострову новую волну путешественников в ближайшем будущем. Их цели и познавательные интересы во многом отличаются от интересов прадедов, однако события последних лет невольно возвращают нас к исторической ретроспективе Крымских путешествий, строки забытых мемуаров и путеводителей оживают в многочисленных публикациях современных учёных, раскрывая образ иногo Крыма, непознанного пространства со своими многочисленными античными и средневековыми тайнами и особым ориентальным колоритом.

Литература:

1. История Крыма. — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. — 464 с.
2. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре (цикл лекций) 2 — 01 Формы общения [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.youtube.com/watch?v=yD2ITKu9BRQ> (18.05.2018)
3. Непомнящий А.А. Из истории изучения Крыма в Петербурге в XIX веке // Невский архив: историко — краевед. сб. — СПб.: Лики России, 2001. — Вып. 5. — 186 с.

4. Прохорова Т. А. Античные и средневековые памятники юго-западного Крыма (Херсонес и его округа, балаклава, Инкерман) в записках путешественников конца XVIII — первой половины XIX в.: автореф. дисс канд. историч. наук. Харьков, 2013.
5. Черепанова. Н. В. Путешествие как способ измерения культурного пространства [Электронный ресурс]. — URL: <http://cyberleninka.ru/article/v/puteshestvie-kak-sposob-izmereniya-kulturnogo-prostranstv> (18.05.2018).
6. Шапинская Е. Н. Путешествие на Восток как бегство от повседневности: феномен туристического эскапизма. [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/puteshestvie-na-vostok-kak-begstvo-ot-povsednevnosti-fenomen-turisticheskogo-eskapizma> (20.05.2018)
7. Эйдельман Н. Я. «Твой XIX век». — М.: Эксмо, 2014. — 320 с.

УДК 351.853.3

Археологическая наука в свете современных норм охраны культурного наследия и кодекс российского археолога¹

Archaeology under the modern standards of cultural heritage protection and the code of russian archaeologist

Сейдалиева Д. Э., аспирант I года обучения Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского; лаборант Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
Seydaliyeva D. E., a 1-st year post-year post-graduate student, Crimean Federal V. I. Vernadsky University; Assistant of the research center of history and archaeology, Crimean Federal V. I. Vernadsky University

Аннотация. Охрана культурного наследия является одной из самых приоритетных задач любого государства, что регламентируется как международными нормами, так и законодательством отдельных стран. Государство гарантирует и обеспечивает охрану археологического наследия. В то же время на практике это не всегда реализуется. В этой связи выделяется ряд проблемных моментов.

Abstract. Cultural Heritage protection is one of the priorities for any state, which is regulated by the international standards and national legislation. The state guarantees and provides Archaeological Heritage protection. At the same time it is not always realized in practice. A number of problems could be highlighted in this regards.

Ключевые слова: охрана археологического наследия, археологические памятники, этика археолога.

Key words: protection of archaeological heritage, archaeological monument, ethics of the archaeologist.

В настоящее время основным документом, регламентирующим охрану археологического наследия, изучение археологических памятников, сохранение археологических объектов и т. д., является Европейская конвенция об охране археологического наследия, ратифицированная в Российской Федерации Федеральным законом от 27.06.2011 N 163-ФЗ. Кроме того, каждая страна руководствуется в охране культурного, а значит и археологического наследия, собственными нормативными актами. Согласно этим нор-

¹ Публикация выполнена в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки РФ № 33.5156. 2017/БЧ.

мам государство гарантирует и обеспечивает охрану археологического наследия. К археологическим памятникам относят: стоянки и пещерные жилища эпохи камня, древние и средневековые поселения, крепости, могильники (и другие погребальные комплексы), памятники эпиграфики и археологический культурный слой.

Следует отметить, что в настоящее время этическое измерение проблемы сохранения археологии в российской науке практически не рассматривается. В то же время отметим активизацию процессов, связанных с так называемыми охранными исследованиями, на памятниках археологии Республики Крым, в связи с масштабными строительными работами на территории полуострова после воссоединения с Россией и реализацией инфраструктурных федеральных целевых программ.

Другой проблемой в свете охраны археологического наследия является борьба с т. н. «черными археологами», которые, по сути, ведут преступную деятельность на памятниках археологии, проводя несанкционированные со стороны государства действия.

Третьим вопросом, требующим рассмотрения с точки зрения охраны археологического наследия, является взаимодействие органов охраны культурного наследия с религиозными организациями, в чьем ведении нередко находятся памятники, и которые должны обеспечивать соответствующие нормы по охране объектов, но не всегда могут это сделать.

Если в случае с первой и второй проблемами государство в сфере законодательства действует достаточно эффективно, соответствующие охранные мероприятия в той или иной степени финансируются и проводятся, то в случае с религиозными общинами, охрана объекта не всегда возможна. Например, далеко неоднозначна ситуация с пещерными монастырями и храмами юго-западного Крыма. Взаимодействие музейщиков и археологов с представителями различных конфессий — вопрос далекий от решения, и, видимо, без вмешательства государства трудно разрешимый.

В недалеком прошлом активно обсуждалась ситуация с Исаакиевским собором в Санкт-Петербурге, где музейным сотрудникам и общественникам удалось на какое-то время отстоять музей, на здание которого претендовала Русская православная церковь, несмотря на то, что в соборе еженедельно проводятся богослужения. Проблема в данном контексте заключается так же в том, что в ряде случаев ни государство не может обеспечить сохранность всех без исключения объектов культурного наследия, ни конфессия, даже при условии передачи объекта в пользование общине, не в состоянии сохранять его в соответствии с законодательством.

В качестве четкого взаимодействия государства и реализацией общины следует назвать реставрацию монастыря Сурб-Хач в г. Старый Крым. В данное время монастырь считается действующим и пользуется успехом как у рядовых туристов, так и паломников. Реставрационным работам предшествовали археологические изыскания, был разработан проект, и работы были реализованы профессионалами.

Особняком стоит так же проблема сохранения культурного наследия в «горячих точках», в особенности в тех регионах, где государство теряет управление над территориями и, как следствие, не контролирует состояние объектов культурного наследия. В данном случае речь идет о странах Ближнего Востока, Азии и Африки, где ведут свою активную деятельность террористические организации. Так были утеряны ряд памятников в Афганистане, Ливии и не так давно в Сирии. В этой связи значительными являются действия ЮНЕСКО в деле охраны и сохранения объектов культурного наследия [3, с. 111].

Несмотря на принятые законодательные акты, нормы и конвенции многие вопросы сохранения и охраны археологического наследия остаются, как видим, открытыми. Археологу практически невозможно разрешить ту или иную проблему, даже с учетом и при наличии нормативных актов.

Любители истории, коллекционеры археологических артефактов, нумизматы, и просто те люди, которым небезразлична судьба культурного наследия, были и всегда будут. Поиск форм взаимодействия с ними, легализация их находок, коллекций, работ по со-

хранению объектов культурного наследия всегда заботили специалистов. Но все это возможно лишь при строгом выполнении и соблюдении законов и правил. Но, как отмечают специалисты Института Археологии РАН, сознание «невозможно выстроить, опираясь только на закон» [2]. Ведущий научный археологический журнал РФ — «Российская археология» рассматривает самодеятельное собирание древностей как деятельность, противоречащую Европейской конвенции об охране археологического наследия, российскому законодательству и общегуманитарным представлениям об этике в науке. В связи с этим с 2013 года к публикации в нем принимаются только материалы, основанные на анализе предметов и контекстов, полученных исключительно в результате легальных археологических работ (на основании открытого листа как специального разрешения государственных органов) или находящихся на хранении в Государственном музейном фонде.

Вопросы, касающиеся разработки и принятия кодекса археологов различных стран, рассматривались крупнейшими специалистами отрасли (Л. С. Клейн, Я. Гершкович, В. А. Коренько Л. А. Беляев и др.), неоднократно обсуждались на страницах профильных журналов, на круглых столах и в рамках Всероссийских археологических съездов. Исследователь В. С. Флеров рассмотрел «Европейскую конвенцию по охране археологического наследия (пересмотренную)», принятую в 1992 году [7, с. 130—152].

Несмотря на достаточно активное продвижение этого документа в профессиональной среде он был встречен одобрительно, но прохладно, поскольку ряд специалистов считали, что достаточно «общечеловеческих норм морали» и, возможно, «общая нелюбовь к созданию обязывающих документов» [1]. Как отмечают специалисты, документ вызвал возражения и у юристов, поскольку тормозил и затруднял работу по совершенствованию законодательства в области охраны памятников. Не останавливаясь подробно на самом проекте кодекса (опубликованного в трудах IV (XX) археологического съезда в Казани в 2014 г.) [4, с. 342—345], отметим, что в кодексе регламентируются многие неписанные правила и нормы, которыми руководствуется профессиональный археолог. Кодекс, конечно, не может учитывать всех норм и правил этики археологов, тем более, что его принятие еще не произошло, в то же время значительное количество археологических объектов (как известных, так и не выявленных) до сих пор находятся под угрозой уничтожения. Подчас государство не способно защитить все памятники и обеспечить им сохранность, реставрацию или музеефикацию, как не способен на это и археологическая наука, задачи которой расположены в иной плоскости. Но лишь с соблюдением законодательства, норм и конвенций возможно по-настоящему профессионально исследовать археологический памятник и в этой мере сохранить его для потомков. Как видим, обсуждение этих проблем до сих пор оставит куда больше вопросов, чем ответов. Полноценная охрана культурного наследия в России требует комплексного подхода и объединения усилий государственных органов охраны культурного наследия и не только с профессиональными археологами, и правоохранительными органами, но всем научным и культурным сообществом, в результате чего возможно формирование у граждан, у народа в целом бережного отношения к памятникам археологии и культуры.

Литература:

1. Беляев Л. А. Коренько В. А. и проблемы этики в археологии: к публикации «Проекта кодекса российского археолога» / А. Л. Беляев // «И музою его была наука»: Сборник памяти В. А. Коренько (1952—2016) / Отв. ред. и сост. С. В. Кузьминых, А. А. Горбенко. — Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2017.
2. Беляев Л. А. Журнал и охрана археологического наследия / Л. А. Беляев, Н. А. Макаров, Р. М. Мунчаев, А. В. Энгватова // Российская археология. 2013. № 4. — с. 5—6.
3. Джанджугазова Е. А. Роль ЮНЕСКО в сохранении культурного наследия Сирии / Е. А. Джанджугазова, А. Басем // Российские регионы: взгляд в будущее. 2016. № 1(6). С. 100—112.

4. Круглый стол «Этика и археология» Казань, 25.10.2015 // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. V / Отв. ред. А. Г. Ситдикиев и др. Казань: Отечество; М.: ИА РАН, 2016. — с. 342—345.
5. Надточий И. О. Онтологические и методологические основания современной философской этики [Текст]: автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра. филос. наук (09.00.05) / Надточий Игорь Олегович; — Воронеж, 2011. — 26 с.
6. Российская археология. Правила для авторов [электронный ресурс], Режим доступа: <http://www.ra.igaran.ru/ra/?lang=ru>
7. Флеров В. С. «Европейская конвенция по охране археологического наследия (пересмотренная)» и некоторые проблемы его сохранения в России (точка зрения) // Этика в археологии: сборник статей / Отв. ред. Г. Т. Обыденнова. Уфа: Изд-во БГПУ, 2016. — С. 130—152.
8. Этика в археологии: Сборник статей. / Отв. ред. Г. Т. Обыденнова. Уфа: Изд-во БГПУ, 2016. — 205 с.

УДК 316.6

Граффити и граффити: античность и современность

Graffiti in antiquity and today's world

Намойлик А. С., научный сотрудник Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический»
Namoylik A., research fellow in the State Museum-Preserve «Tauric Chersonese»

Аннотация. Цель данной работы заключается в определении инвариантной составляющей феномена граффити, который проявляет себя в разных культурно-исторических контекстах как устойчивая семиотическая система. Проводится сопоставление античных и современных граффити, позволяющее идентифицировать существенные, неизменные во времени признаки этого феномена.

Abstract. The purpose of this paper is to identify an invariant part of the phenomenon of graffiti that manifests itself in different cultural and historical contexts as a sustainable semiotic system. Essential and stable characteristics of the phenomenon have been defined through comparison of the antique and modern graffiti.

Ключевые слова: граффити, античность, текст, семиотический подход, коммуникация, самовыражение.

Key words: graffiti, Antiquity, text, semiotic method, communication, self expression.

Феномен граффити, зародившись у истоков человеческой цивилизации и претерпев множество трансформаций в контекстах сменявших друг друга исторических парадигм, вступил в эпоху постмодерна. Раскрытие сути этого неоднозначного, многогранного явления послужит делу решения социальных проблем современного общества, а анализ его разновременных модификаций поможет установить имманентные особенности человеческого сознания, лежащие в основе социальных практик подобного рода. Поиск инвариантной составляющей этого феномена будет производиться с опорой на материалы античных и современных граффити¹.

Слово «граффито» происходит от итальянского глагола *graffiare* — «царапать» и буквально означает «нацарапанный». В историческом понимании граффити (ед. ч. — граффито) — это надписи и рисунки, процарапанные при помощи острых инструментов

¹ Выражаю глубокую признательность декану философского факультета Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, доктору философских наук, профессору Олегу Аршавиновичу Габриеляну за помощь в работе над докладом.

на изделиях из керамики, кости и металла, на оштукатуренных поверхностях, каменных стенах зданий [1, р. 15]. Современные граффити определяют как надписи или изображения, нанесённые любым способом на объекты общественной или частной собственности [2, р. 111].

Главным признаком исторического понятия «граффито» является способ его нанесения — процарапывание, что отражено в самом термине. В эпоху античности именно процарапывание было первоначальным и основным способом письма. Повсеместное распространение имела практика нанесения надписей на керамические сосуды; в качестве писчего материала использовали их обломки. В современном понятии «граффити» отсутствуют какие-либо ограничения относительно способа нанесения надписей и изображений. Существенным признаком становится место их нанесения (главным образом недвижимое имущество), а также неофициальный и публичный характер.

Таким образом, в исторической перспективе наблюдается смещение смыслового поля термина «граффити». По сравнению с историческим современное понятие расширилось за счёт снятия ограничения на способ нанесения и в то же время сузилось из-за исключения значительного объёма надписей на различных изделиях, в первую очередь, керамических¹. Понятие «граффити» имеет ярко выраженный социально-психологический аспект, в то время как большинство граффити в этом отношении нейтрально.

В связи с существенным расхождением исторического и современного понятий, было бы неправомерным рассматривать античные и современные граффити как категории одного порядка. Вместе с тем, такое сопоставление возможно, поскольку данные понятия имеют общее смысловое поле, которое включает в себя надписи и рисунки, расположенные в общественных местах, в первую очередь, на стенах зданий и помещений. Несмотря на частные различия этих явлений, неизбежно продиктованные разницей исторических эпох, на первый план выступает их очевидное сходство и единая природа. Можно констатировать наличие исторической обусловленности данного феномена и существование антропологической потребности в граффити.

Каковы те общие мотивы, которые, оставаясь неизменными во времени, побуждали и побуждают людей выбирать именно такой способ письма или изобразительной деятельности? Существует несколько подходов к объяснению появления граффити. С позиций теории психоанализа, они представляют собой продукт сублимации — социального механизма удовлетворения бессознательных влечений личности. Надписи и рисунки непристойного и оскорбительного содержания выступают как средство символического удовлетворения базовых инстинктов сексуальности и агрессивности, подавляемых в культуре путём наложения табу. Социально-психологические теории трактуют граффити как способ самовыражения и самоутверждения личности, часто связывая их с негативным отношением к миру и приравнивая к проявлению агрессии [5, с. 292—293]. Однако, предложенные подходы не охватывают всего спектра граффити, будучи релевантными лишь для отдельных тематических или временных пластов этого многообразного феномена [6, с. 114; 7, с. 90]. Например, к античным граффити неприменимо определение как продукта антиобщественной деятельности, что в большинстве случаев справедливо для современных граффити. Широкое распространение настенных надписей и рисунков в эпоху античности нельзя объяснить «влиянием тотальной знаковой информационной среды и общественной ценностно-нормативной системы» [8, с. 5]: тогда граффити были повсеместным, обычным явлением, не выходящим за рамки социальных норм, не воспринимавшимся как порча имущества и не связанным с определёнными социальными группами [9, S. 19—20].

На наш взгляд, поиск инвариантной составляющей феномена граффити следует вести отталкиваясь от тех функций, которые была призвана выполнять эта специфическая социальная практика. Представляется, что важнейшей и всеобъемлющей функцией граффити, независимо от их хронологической и тематической принадлежности, является

¹ Не совсем верным представляется распространённое в литературе мнение о том, что область значения термина расширилась [3, с. 430; 4, с. 66].

коммуникация, осуществляющаяся на разных уровнях [3, с. 442; 9, S. 140]. Некоторые граффити даже формально построены как реплики диалога, адресованные конкретному или абстрактному оппоненту. Когда коммуникативная функция не выражена формальным образом, она неизменно присутствует на глубинном уровне: уже сам факт нанесения граффити является актом коммуникации, поскольку любой публичный текст обращён к потенциальному читателю. Здесь будет уместным рассматривать граффити, письменные и рисуночные, как текст в широкой трактовке представителей Тартуско-московской семиотической школы: это культурная категория знаковой природы, содержащая определённый комплекс информации, которая должна быть осмыслена и понята, т. е. закодирована и декодирована [10]. По Ю. М. Лотману, текст как бы вбирает в себя образ адресата: «Всякий текст (в особенности художественный) содержит в себе то, что мы предпочли бы называть образом аудитории, и этот образ аудитории активно воздействует на реальную аудиторию...» [11, с. 55].

Будучи актом коммуникации, граффити представляют собой специфическую семиотическую систему. Существенной характеристикой этой системы выступает анонимность общения автора и читателя: как правило, они остаются неизвестными друг для друга. При таком общении отсутствует информация об имени, возрасте, поле, внешности собеседника, и снимается необходимость установления прямого речевого контакта, что концентрирует внимание на тексте и взаимодействии сознаний. Авторы граффити предпочитают оставаться скрытыми, тем самым утверждая свою принципиальную неопределимость и ценность своего Я. В то же время личность автора, выраженная через творчество, предстаёт открытой для оценки со стороны читателей, круг которых не лимитирован.

Важно отметить, что граффити, как античные, так и современные, в рамках отдельного хронологического периода тяготеют к формульности и стереотипности. Неотъемлемая часть массовой культуры, они во многом базируются на традиционных текстах и строятся по определённым устоявшимся схемам, используя в качестве исходного материала литературные тексты, пословицы, политические лозунги, рекламные слоганы и т. п., которые присутствуют в них в виде прямых цитат или аллюзий. В этом смысле исполнителей граффити следует считать не авторами, а трансляторами культурной информации [3, с. 441]. Выражаясь понятиями структурно-семиотической школы, любое культурное творчество интертекстуально. «Текст в тексте» обостряет его диалогичность, повышает момент игры, служит порождению подтекста.

Таким образом, в общекультурном контексте граффити выступают как феномен открытой массовой коммуникации с большим многоуровневым диалогическим потенциалом. Это сложное и многогранное психокультурное явление, которое служит средством реализации определённых социальных потребностей. Авторы граффити, вне зависимости от их культурно-временной принадлежности, обладают рядом общих социально-психологических характеристик. Они испытывают обострённую потребность в самовыражении, самоидентификации и самоактуализации. На первый план выходит не само сообщение, а самовыражение автора, имеющее своей целью обратить на себя внимание. В акте графической коммуникации проявляется стремление установить контакт с миром, обрести себя, реализовать своё Я.

Литература

1. Féret G., Sylvestre R. Les graffiti sur céramique d'Augusta Raurica / G. Féret, R. Sylvestre // Forschungen in Augst. — Band 40. — Augst, 2008. — 323 p.
2. Koch W. A. Simple Forms: An Encyclopaedia of Simple Text-Types in Lore and Literature / W. A. Koch. — Bochum: Universitätsverlag Dr. Norbert Brockmeyer, 1994. — 425 p.
3. Бажкова Е. В., Лурье М. Л., Шумов К. Э. Городские граффити / Е. В. Бажкова, М. Л. Лурье, К. Э. Шумов; под ред. С. Ю. Неклюдова // Современный городской фольклор. — М.: РГГУ, 2003. — С. 430—449.

4. Евдокимова Е. А., Янковская Ю. С. Феномен граффити: генезис, перспективы, влияние на современное искусство и архитектуру / Е. А. Евдокимова, Ю. С. Янковская // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. — 2013. № 4. — С. 65—69.
5. Белкин А. И. Феномен граффити: психологические аспекты / А. И. Белкин // Вестник Санкт-петербургского университета. — Серия 12. — 2009. — Вып. 2. — Ч. 1. — С. 291—299.
6. Киселев С. В. Знаково-психологические мотивы граффити в молодёжной субкультуре / С. В. Киселев // Социологические исследования. — 2005. — № 9. — С. 113—115.
7. Пенетова Е. В. Граффити как феномен городской культуры. Искусство или вандализм? / Е. В. Пенетова // Вестник Прикамского социального института. — 2016. — № 2 (74). — С. 89—92.
8. Белкин А. И. Ментальность и социально-психологические особенности авторов граффити: автореф. дис. ... док. псих. наук: 19.00.05 / Белкин Антон Игоревич. — Казань, 2012. — 42 с.
9. Langner M. Antike Graffitizeichnungen: Motive, Gestaltung und Bedeutung / M. Langner. — Wiesbaden: L. Reichert, 2001. — 173 S., 163 Taf.
10. Осипова Н. О. Структурно-семиотический подход как аспект методологии гуманитарного знания [Электронный ресурс] / Н. О. Осипова // Культурологический журнал. — 2011. — Режим доступа: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/79.html&j_id=7.
11. Лотман Ю. М. Текст и структура аудитории / Ю. М. Лотман // Учёные записки Тартуского государственного университета. — Вып. 422. — Тарту, 1977. — С. 55—61.

УДК 159.9.01

Философские предпосылки становления европейской психологической традиции Philosophical background of the European psychological tradition

Денисенко О. А., аспирант факультета психологии, Таврической академии, Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
Denisenko O. A., postgraduate student of the Department of the Faculty of Psychology, Crimean Federal V. I. Vernadsky University

А н н о т а ц и я. В статье поднимается вопрос, связанный с путями становления европейской психологии посредством изучения идей немецких философов XIX века, носящих психологический характер. Обозначаются общие признаки и проводятся параллели между представлениями философов и психологов касательно различных предметов психологической науки.

A b s t r a c t. In this article raised a question about European psychology formation ways by means of studying XIX century German philosophers ideas. General signs are indicated and parallels are drawn between the views of philosophers and psychologists on different psychology subjects. **Ключевые слова:** психология, предпосылки, становление, философия, психологическая традиция.

Key words: psychology, prerequisites, formation, philosophy, psychological tradition.

Рассматривая философию с точки зрения её влияния на становление и развитие психологии, закономерно возникает вопрос о путях, которые к этому привели.

В ходе изучения трудов некоторых европейских философов были обнаружены прямые предпосылки, ведущие к фундаментальным вопросам, позиционируемым психологией личности и глубинной психологией. Исходя из этого, **целью** нашего исследования стало выявление и освещение тех психологических идей европейских философов, получивших недостаточное обоснование в прямой либо косвенной наследственности, а в качестве основных **задач** выдвигается:

1. Выявление и анализ философских идей XIX века, имеющих психологическую природу.

2. Их сравнение со схожими идеями, разрабатывавшимися в рамках европейской психологической традиции.

За основу были взяты труды таких философов как Ф. Ницше, А. Шопенгауэр и С. Кьеркегор [1; 2; 3; 5; 6; 7]

На наш взгляд, наиболее концептуальными с точки зрения рассматриваемой проблематики являются ницшеанская концепция о воле и жизненной мотивации. Ф. Ницше усматривал в своём времени подавление жизненной энергии, утрату самосознания человека, которое происходило под влиянием европейской религии и морали.

Стоит отметить, что сам Ф. Ницше рассматривал психологию в первую очередь с онтологической точки зрения. В его представлениях такие психологические состояния как тревога, радость, страх и т. п. несли сугубо бытийный характер. Таким состоянием для него являлась и воля. Она стала основным направляющим и определяющим фактором человеческого существования. Под механизмом воли Ф. Ницше предполагает Шопенгауэровскую «волю к жизни» с определенными изменениями. Если для А. Шопенгауэра важность воли заключается в её сущности, в её истинности, то для Ф. Ницше важным явилось лишь то, что эта воля определяет, к чему стремится и над чем имеет власть. И именно к власти оказано стремление воли всего сущего. Её мир направлен на борьбу между себе подобными. Она подчиняет себя сильным и подчиняет себе слабых. По мнению Ф. Ницше, «воля к власти во всякой комбинации сил, обороняющаяся против более сильного, нападающая на более слабое» [5, с. 313]. Такого рода концепция была обращена к актуализации личности европейского человека, сбережению его от нравственного разложения, пробуждению в нем самоконтроля собственного бытия.

Воззрениями, повлиявшими на становление психологии, обладал и С. Кьеркегор, датский теолог и философ. Центром его философии становится существование человека, его экзистенция. Удивительная ценность его работ, с точки зрения психологии, заключалась в невероятном для тех времён подходе рассмотрения таких феноменов как человеческая идентичность, внутриличностные конфликты, тревога и страх. Его взгляды на эти явления опередили пионеров психологии больше, чем на полвека.

Наиболее ценным вкладом С. Кьеркегора в психологию, вероятно, явилось его исследование понятия angst¹ — тревоги. В одноименной книге заключается идея взаимоотношения тревоги и свободы. По мнению самого С. Кьеркегора, «тревогу всегда можно понять только в её связи со свободой человека» [4, с. 138]. Свобода есть, то, к чему необходимо стремиться для становления человека личностью. Появление тревоги же происходит как раз в момент столкновения человека с его свободой. Свобода определяется возможностями, которые можно воплотить в реальность. Здесь понятие о возможностях описывается как стремление к реализации потенциала, что имеет определенное сходство с ницшеанской концепцией воли. Несмотря на то, что Ф. Ницше пережил С. Кьеркегора почти на полвека, он не был знаком с его научными трудами.

С. Кьеркегор выделял два типа тревоги.

Первый происходит вследствие реализации возможностей — тревога отыгрывается по причине неведомости выбранного пути. Такая тревога считается нормальной.

Второй вид подразумевает тревогу невротического характера. Она действует совершенно противоположно первой, т.е. затормаживает естественную динамику, останавливает возможность человека.

С. Кьеркегор огромное внимание уделяет самосознанию человека. Для него обретение самого себя, обретение своего «Я», является целью, долгом человека. В основе обретения «Я» лежит сознание. «Чем больше сознания, тем больше «Я»; ибо чем более оно вырастает, тем более вырастает воля, а чем больше воли, тем больше «Я». У человека без воли не существует и «Я»; однако, чем больше воли, тем более он осознает самого себя» [1, с. 46]. В связи с самосознанием тревога приобретает новую форму, выражающуюся в появлении внутреннего конфликта. «Тревога — это желание того, чего страстнее, это симпатическая антипатия; тревога — это чуждая сила, которая захватывает индивида, и все же он не может освободиться от нее, — да и не хочет, ибо человек страшится, но страшится он того, что желает. Тревога делает индивида бессильным» [3]. Внутренний конфликт является одной из черт тревоги, однако такой конфликт не является невротом, он протекает в состоянии естественной, нормальной тревоги и выступает как побочный, сопутствующий эффект, не останавливающий динамику жизни. Более сильным аффектом тревоги, как следующая, новая ступень в исследовании Кьеркегора стало отчаяние. Он представлял его как некую болезнь, охватившую человека, болезнь его духа, болезнь его собственного «Я». Человек в последней форме выраженности отчаяния (всего их три) пытается обрести себя, стать собою, стать «Я» не являющимся, а «Я» желающим.

Всё представленное и рассмотренное выше лишь о феномене тревоги даёт повод воспринимать С. Кьеркегора не как предшественника психологии, а как полноценного психолога.

Также огромное значение для того времени имел вопрос об истине, изменяющий смысл и определение его понимания; и функционирования как рефлексии. Истина всегда и только, имеет привязку к внешнему объекту, и её истинность находится в прямой пропорции от объективной реальности. Такого рода выражением можно охарактеризовать отношение к представлению об истинности, которая существовала в XIX веке. Истинность той или иной вещи была в полной власти объекта и не имела никакой зависимости к субъекту. С. Кьеркегору же было свойственно понимание субъект-объекта как некоего целого, неделимого, а разделение этих понятий современниками резко критиковалось им. Он говорил: «Путь объективной рефлексии превращает субъекта в нечто случайное, тем самым превращая и саму экзистенцию в нечто безразличное, исчезающее. Путь к объективной истине уводит прочь от субъекта, и в то время как субъект и субъективность становятся безразличными, истина также становится безразличной, — это как раз и составляет ее объективную значимость, поскольку всякий интерес, пристрастность, так же как и всякое решение, есть субъективность» [2, с. 210]. Таким образом, взгляды С. Кьеркегора дают возможность говорить о невероятной важности субъективного мира человека, и о том, что в этом мире есть место истинности. Конечно важным, в нашем понимании, есть не столько правдивость, доказанность изложенного выше подхода, сколько его позиционирование, гуманистическая ценность и значимость.

Данная концепция, хотя и косвенно, но всё же была подтверждена в исследованиях З. Фрейда. Им было замечено, что рассказы некоторых его пациентов о произошедшем над ними в детстве насилии несли субъективный характер и в реальности не происходили. При этом, наиболее значащим было выражение чувственной интенсивности такого опыта. Несмотря на то, что он был всего лишь в сознании и в мыслях, в реальном настоящем он отыгрывался как объективно происходившее в прошлом действие. Из этого следует, что в процессе взаимодействия с человеком истинным становится то, что для него было значимо, что для него имело важность, несмотря на факт того, было это в действительности или нет.

Упомянув З. Фрейда, стоит также подчеркнуть родство его психоаналитических концепций с идеями Ф. Ницше о самообмане, корнем которого для него представлялась

¹ Из-за специфики языка в разных случаях переводится также как страх или ужас.

европейская мораль. Согласно его мнению, это свойство есть не что иное, как нереализованные, вытесненные желания и чувства, которые приводят к нечистой совести. «Все инстинкты, не разряжающиеся вовне, обращаются вовнутрь — это и называю я уходом-в-себя¹. Подавленные инстинкты, накапливаясь внутри, преобразуются в агрессию, которая требует высвобождения, и её высвобождение как раз облачается в форме морали. Такая трактовка феномена имеет удивительное сходство с предложенной позднее концепцией З. Фрейда о вытеснении и формировании реакции. То же самое можно сказать и о сублимации. Ф. Ницше она была представлена в виде связи между эстетическим состоянием и половым влечением. Им говорится, что «с наступлением эстетического состояния чувственность не упраздняется, как полагал Шопенгауэр, а лишь преобразуется и не осознается уже как половое раздражение» [6, с.8].

З. Фрейд был знаком с работами Ф. Ницше, однако утверждал, что они выше его понимания и вряд-ли вообще кто либо, будет способен к их пониманию. Несмотря на это складывается мнение о наличии связи между идеями двух ученых. Поэтому можно полагать, что Европейское общество, его дух были попросту подведены временем и бытием к подобному рода идеям, выразителем и систематизатором которых явился З. Фрейд, но основателем был Ф. Ницше.

В результате можно сформулировать следующие **выводы**:

1. Характер идей философов XIX века на примере творчества С. Кьеркегора и Ф. Ницше достоверно, в прямой или метафорической форме, указывает на их психологическую ориентацию. К ней могут относиться изучение личностной актуализации, интериоризации, сублимации (у Ф. Ницше); изучение внутренних конфликтов, тревожности и ценности субъекта (у С. Кьеркегора).

2. Смысловая ценность выше перечисленных положений с достаточной целостностью приближена к представлениям об этих свойствах в современной психологической науке.

В заключение необходимо заметить большую ценность и полезность включения данных знаний в образовательную структуру для обучающихся по направлению подготовки «Психология».

Литература

1. Кьеркегор, С. Болезнь к смерти / С. Кьеркегор. — М.: Академический проект, 2014. — 160 с.
2. Кьеркегор, С. Заключительное ненаучное послесловие / С. Кьеркегор. — СПб.: Изд. СПб Гос. Инст., 2005. — 680 с.
3. Кьеркегор, С. Понятие страха / С. Кьеркегор // [Электронный ресурс]. URL: http://rebels-library.org/files/ponjatjie_straha.pdf
4. Мэй, Р. Смысл тревоги / Р. Мэй // [Электронный ресурс]. URL: http://www.dubichs.info/images/Rollo%20May_Meaning%20of%20Anxiety.pdf
5. Ницше, Ф. Воля к власти / Ф. Ницше // Полн. собр. Соч., т. IX / Изд. пер. и сост. П. Гаст. — М.: Московское книгоиздательство, 1910. — 508 с.
6. Ницше, Ф. К генеалогии морали / Ф. Ницше // [Электронный ресурс] URL: https://royallib.com/book/nitsshe_fridrih/k_genealogii_morali.html
7. Шопенгауэр, А. Мир как воля и представление / А. Шопенгауэр. — Минск: Харвест, 2011. — 848 с.

¹ Интериоризация — (от фр.) переход извне внутрь.

УДК 1(091)(510)

Современное исследование и применение теории «Инь — Янь» и «Пяти элементов»

Modern research and application theory of «Yin — Yang» and «Five elements»

Чжан Мэнцзя, аспирант 1 года обучения кафедры методологии преподавания филологических дисциплин факультет славянской филологии и журналистики Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
Zhang Mengjia, post-graduate student 1 year of teaching at the Department of the Methodology of Teaching Philological Disciplines faculty of Slavic Philology and Journalism Crimean Federal V. I. Vernadsky University

Аннотация. В статье рассматривается влияние древнекитайской философии на современное общество путем изучения теории «Инь и Ян» и «Пяти элементов». В основе этой статьи лежит изучение медицины и архитектуры в качестве примеров для внедрения и развития древнекитайской философии в наше время.

Abstract. This article examines the impact of ancient Chinese philosophy on modern society, by studying the theory of «Yin and Yang» and «Five Elements.» At the heart of this article is the study of medicine and architecture, as examples for the introduction and development of ancient Chinese philosophy in our time.

Ключевые слова: Теория «Инь — Ян» и «Пяти элементов», «Фэн-шуй», китайская философия, китайская медицина, китайская архитектура.

Key words: Theory «Yin — Yang» and «Five Elements», «Feng Shui», Chinese philosophy, Chinese medicine, Chinese architecture.

Актуальность исследования. С каждым днём современность всё больше удивляет своими технологиями, но определённые проблемы человека и общества сохранились. Поэтому теория «Инь — Ян» и «Пяти элементов» продолжает оставаться важной частью традиционной китайской культуры. Несмотря на то, что она появилась в XVII—XI века до н. э. (на костях и черепаших панцирях было написано: Инь указывает, что небо будет темным, а Ян означает смысл света), ее отражение можно наблюдать в современной жизни Китая.

Теория «Инь — Ян» и «Пяти элементов» — это сущность бессмертия древнекитайской философии. Эта сущность — не уходила от внимания людей в течение многих столетий и не уходит даже сейчас, несмотря на стремительные изменения современного мира под влиянием науки. Напротив, она не была полностью понята до конца, не были осознаны и ее интерпретации. Мы видим, как в Китае развиваются с помощью теории Инь и Ян политика, астрономия, метеорология, химия, математика, музыка и медицина и т. д.

Цель исследования — изучить и понять теорию «Инь — Ян» и «Пяти элементов», в сочетании и взаимосвязи древней философии Китая с практическим применением в современной жизни.

1. Применение теории «Инь — Ян» и «Пяти элементов» в медицине.

1.1. Применение теории «Пяти элементов» в традиционной китайской медицине. 1.1 Физиологические функции и взаимоотношения органов.

Объяснение характеристик физиологической деятельности пяти органов:

Объясняя внутреннюю связь между физиологическими функциями органов человека, используют «разумное» питание. Для достижения целей в области здравоохранения — пища, приправа делится на «Пять элементов» в зависимости от цвета и вкуса, соответствующих человеческим органам. Такие, как печень — дерево (прохладное, зеленое) — едят больше фруктов и овощей, зеленая пища, может осуществлять детоксикацию печени, что хорошо для печени; легкое — золото (влажное, белое) — употребляют больше белой

пищи, что полезно для легких и способствует работе толстого кишечника, носа, дыхательных путей, здоровью кожи, волос; сердце (огонь) — красный — употребляют много красных фруктов и овощей. Наблюдается эффект очищения крови, излечивается малокровие, нормализуется работа сердца, кровеносных сосудов, тонкой кишки, языка. Почка (вода) — черный — едят черную пищу, что помогает работе почек и мочевого пузыря, репродуктивной системе, а также костям, суставам, костному мозгу, ушам, мозгу, яичникам и сперме; селезенка (почва) — теплая и желтая — употребляют желтые продукты, которые хороши для желудка, рта, языка и мышц.

1.2 Взаимосвязь между органами. Взаимосвязь между органами. Если заболевание печени может повлиять на селезенку (дерево и почва), то болезнь селезенки также может повлиять на печень. Это относится к заболеваниям печени и к другим заболеваниям органов, все они могут использовать связь между пятью элементами.

Влияние расстройств дочернего органа на материнский — взаимоотношение органов в патологических изменениях, объясняют обычно взаимопорождающими отношениями. Селезенка (земля) — представляет собой мать легких, следовательно, расстройство легких, то есть расстройство дочернего органа, оказывает влияние на материнский орган — селезенку.

2. Применение теории «Пяти элементов» в фармацевтической дозировке. В теории «Пяти элементов» отношения цвета и аромата используются для изготовления препаратов на основе натурального вкуса и цвета. Лю Вэй Ди Хуан Ван — это таблетки кислые, в состав которых входит кизил для улучшения работы печени; цвет красный — для сердца. Седативные таблетки, в состав которых входит горький вкус и тот цвет, что влияет на сердце — киноварь красный, горечь берберин. Белый цвет — Ма-син-ши-гань-тан — в его состав входит отвар эфедры китайской, абрикоса обыкновенного, гипса и солодки уральской — показания: кашель от патогена жара в легких (пневмония).

II. Применение теории «Пяти элементов» в архитектурной среде.

С древних времен и до настоящего времени архитектурный и экологический дизайн китайского народа всегда соответствовал принципу «Фэн-шуй». «Фэн-шуй» — это долгая история людей ханьцев, которые также называются Цинву и Цинкао.

В качестве примера проектирования городской окружающей среды возьмем графство Йили в Китае. Это похоже на сплетение, как принцип непрерывности и блокировки.

Архитектурный дизайн дворец-музей Гугун (Запретный город) в Пекине. Музей Гугун, ранее известный как Запретный город, расположен на центральной оси Пекина.

В «Запретном городе» есть много мест, которые символизируют теорию «Пяти элементов».

Основная идея теории «Пяти элементов» в архитектурном дизайне заключается в том, что все взаимосвязано, и нет изолированных вещей и систем. Все они связаны друг с другом для поддержания относительного баланса. Например, окружающая среда, сезонные изменения климата и т. д. Некоторые люди считают, что фэн-шуй — это всеобъемлющая наука в Китае, сочетающая давно установленные наблюдения за окружающей средой, географией и здоровьем. Другие считают, что фэн-шуй — это суеверия, которые препятствуют творчеству китайцев в архитектурном дизайне и дизайне интерьера.

Китайская модернизация также использует теорию «Пяти элементов» в различных аспектах. Люди все больше осознают очарование этой традиционной философской мысли.

Литература

1. Ван Ди. Применение теории «Пяти элементов» в совместности рецептов / Ван Ди, Ван Цзя, Чжан Яньцю // Китайские фармацевтические науки. — 2002. — № 30(6) — С. 20.
2. Чжан Ваньшуй. Применение китайской теории «Инь и Ян» и теории «Пяти элементов» в психологическом консультировании / Чжан Ваньшуй // Журнал Центрального университета по делам национальностей. — 2010. — № 19(3). — С. 83—85.
3. Ли Ян. Использование ландшафтного дизайна Чунцинского института китайской медицины Медики в качестве примера / Ли Ян, Цинь Хуа // Modern Agricultural Science and Technology. — 2011. — Вып. 8. — С. 212—213.
4. Донг Миншуэ. О применении теории пяти элементов в управлении бизнесом / Донг Миншуэ // Современная экономическая информация. — 2010. — № 12. — С. 18—20.

Научное издание

**ПРАКТИЧЕСКАЯ
ФИЛОСОФИЯ:
состояние
и перспективы**

Сборник материалов
I научной конференции

Текст издания приводится в авторской редакции

Технический и художественный
редактор *Е. В. Мажарова*
Вёрстка *В. А. Бибик*

Подписано в печать 00.00.2018
Формат 60×84/16
Усл. печ. л. 11
Тираж 100 экз.

Издательство ООО «Антиква»
295000, Российская Федерация, Республика Крым,
г. Симферополь, пер. Героев Аджимушская, 6, оф. 3
Тел.: +7 978 891-37-01, e-mail: antikva07@mail.ru

Типография ИП Гальцовой Н. А.
Российская Федерация, Республика Крым,
г. Симферополь, пгт Аграрное, ул. Парковая, 7, кв. 908